
ИСТОРИЧЕСКИЕ

И

ИСТОРИО-

ГРАФИЧЕСКИЕ

ВОПРОСЫ

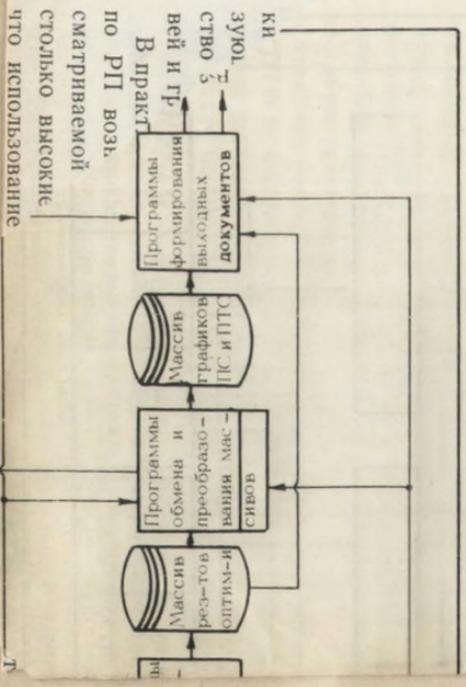

ВСЕОБЩЕЙ

ИСТОРИИ

Массив НСИ;
новый массив (главный файл);
массив результатов моделирования;
массив безрезультатов оптимизации.

Томский ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового
Красного Знамени государственный университет имени
В.В.Куйбышева

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Издательство Томского университета

ТОМСК - 1988

Исторические и историографические вопросы всеобщей истории:
Сб. статей/ Под ред. Н.С.Индукеевой и др. - Томск: Изд-во Том.
ун-та, 1988.- 208 с.- I р. 50 к. 300 экз. 0504040000

Материалы, помещенные в междувузовском сборнике, посвящены истории международных отношений, внешней политике и дипломатии империалистических держав с начала XX в. и до конца 50-х гг., а также ведущим тенденциям в развитии буржуазной исторической мысли. Большое внимание уделяется анализу основных направлений внешней политики США. Статьи написаны на основе широкого круга оригинальных источников, содержат новые научные данные. Для преподавателей вузов, аспирантов, студентов-историков и всех интересующихся историей международных отношений и проблемами историографии.

Рецензент - канд.ист.наук Н.С.Черкасов
Редакционная коллегия: д-р ист.наук
Н.С.Индукеева (отв.редактор), канд.ист.
наук Н.Н.Соколов, С.Г.Ким

И 0504040000 18-88
I77(OI2)-88

Издательство Томского университета, 1988

ОБСУЖДЕНИЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВОПРОСОВ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ
ПОЛИТИКИ В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ СЕВРСКОГО ДОГОВОРА В
1920 г.

А.Ф.Аноп

В данной статье ставится задача выяснить и сравнить позиции политических партий Великобритании по вопросам, связанным с подписанием Севрского договора. Основными вопросами, интересовавшими британскую дипломатию в связи с условиями мира с Турцией, были следующие: судьба Константинополя и проливов, малоазиатских владений Турции, арабских территорий Сирии, Палестины и Месопотамии. Уделяя большое внимание стратегическому значению районов Ближнего и Среднего Востока для защиты своей имперской системы, а также исходя из нового соотношения сил, которое сложилось в этом районе после подписания Мудросского перемирия с Турцией, Англия ставила задачу усилить свои позиции в регионе за счет вытеснения своего основного соперника - Франции. Английские дипломаты стремились пересмотреть условия договоров военного времени о разделе этих территорий. Севрский договор был результатом нескольких встреч, переговоров и конференций, основную роль на которых играли Англия и Франция¹.

Проект мирного договора с Турцией был в основном подготовлен к концу 1919 г., он предусматривал распределение сфер влияния в Турции между Англией, Францией и Италией. Вокруг черноморских проливов предусматривалось создание интернациональной зоны, а в центре Анатолии - создание небольшого турецкого государства во главе с султаном и под фактическим контролем держав Антанты. Для реализации этого плана союзники держали на территории Турции оккупационные войска. Однако в связи с возражениями Франции и Италии, а также разногласиями внутри английского кабинета вопрос о турецкой столице обсуждался английским правительством в январе 1920 г.

В конце января 1920 г. турецкая национально-освободительная армия под предводительством генерала Мустафы Кемаля нанесла поражение французским войскам в Киликии. Это встревожило англичан. 16 марта Константинополь был оккупирован английскими войсками. Посланная в Анатолию с целью сломить кемалистов султанская армия была разгромлена. Поэтому в июне 1920 г. державы Антанты перешли к открытой интервенции. Греческая армия, снабженная английским

оружием, боеприпасами и инструкторами, направилась к проливам. Воспользовавшись временными успехами греческой армии, союзники заставили турецкого султана 10 августа 1920 г. подписать мирный договор в Севре.

Выработка курса ближневосточной политики затруднялась не только наличием острых межимпериалистических противоречий. Определенную трудность представляло отсутствие в самом коалиционном кабинете Англии единства в вопросе о политике Турции. Если к началу лета 1919 г. кабинет министров единодушно признал "необходимость уступить Сирию (Франции) и сохранить контроль над Палестиной и Месопотамией", то все еще спорными оставались вопросы "о территориальных размерах и политической независимости... турецкого государства, его политических отношениях с Британией в связи с ее новой имперской ролью на Среднем Востоке", - отмечает современный английский автор². Обсуждение этих вопросов затруднялось.

Были высказаны различные точки зрения. Трудным оказался вопрос о месте будущей столицы Турции. Барнс, Лонг и Геддес предлагали передать мандат на Константинополь Великобритании. Но министр по делам Индии Монтегю высказывал опасения, что лишение Турции ее столицы вызовет возмущение во всем мусульманском мире и может подорвать политическую надежность британских реформ в Индии. Поэтому он решительно отстаивал сохранение турецких территорий в Европе и Малой Азии³. Противники британского мандата руководствовались разными мотивами. Бонар Лоу и О. Чемберлен боялись, что это приведет к увеличению финансовых расходов. Керзон стремился к тому, чтобы подорвать престиж и моральный авторитет, который Оттоманская империя имела в исламском мире до войны и который представлял угрозу британской имперской безопасности на Среднем Востоке и в Индии. Он считал, что султан как глава оттоманского государства должен быть выслан из Константинополя, но был противником расчленения Малой Азии⁴.

Ллойд Джордж был полон решимости не уступать в вопросе о разделе сфер влияния в Малой Азии и поэтому поддерживал планы создания Великой Греции в восточном Средиземноморье как союзника Британии, охраняющего проливы⁵.

Эти обсуждения показали, что часть министров была против отторжения Константинополя от Турции, против расчленения Анатолии, но большинство согласилось с установлением международного контроля над проливами⁶. Мнение военных кругов высказал начальник имперского генерального штаба Вильсон. Он охарактеризовал общее стратеги-

ческое положение на Среднем Востоке и указал на опасность всеобщего восстания в районах, ведущих к Индии. Он считал, что перенесение турецкой столицы в Малую Азию могло изменить военное положение не в пользу Британии и потребовать усиления гарнизонов в районе проливов⁷. Окончательные условия договора были выработаны на конференции в Сан-Ремо в апреле 1920 г., где были, наконец, распределены мандаты на Сирию, Палестину и Месопотамию. Вопросы, по которым спорили министры британского кабинета, вызвали новые дебаты в палате общин и в прессе на протяжении всего 1920 г. Эти дебаты показали, что политика коалиционного кабинета, направленная на расчленение и закабаление Турции, нашла поддержку значительной части правящих кругов. Но эта поддержка не была абсолютной. Существовала другая точка зрения - не очень ослабить Турцию и в дальнейшем опираться на нее.

Политику закабаления Турции поддержали консервативные круги. По мнению консервативного большинства в палате общин, "возвращение Константинополя туркам было бы слишком большой уступкой побежденному врагу"⁸. Ту же самую мысль отстаивала газета "Таймс": "Европа впредь не будет знать прочного мира, пока турки не будут возвращены в Анатолию... а Константинополь будет оставаться центром интриг, средоточием амбициозных устремлений и соперничества, каким он был на протяжении веков"⁹, подобные доводы постоянно повторялись в консервативной печати. "Таймс" критиковала позицию ряда министров. Так, например, министру по делам Индии Монтегю газета указывала, что религиозные чувства мусульман "не призваны диктовать политику Британской империи" и что сам он прежде соглашался вместе с остальными членами правительства, когда решено было передать Константинополь царской России¹⁰.

После оккупации Константинополя английскими войсками "Таймс" основное внимание уделяет тому, чтобы заставить правительство принять решительные меры для разгрома кемалистов. Подчеркивалась мысль, что нужно "заставить Мустафу Кемалю и его сторонников подчиниться", дать им понять, что "ни интриги, ни сопротивление не остановят союзников... заставить их выполнить договор, когда он будет подписан"¹¹.

Позиция либеральных кругов по ближневосточным проблемам осложнялась тем, что наметившийся ранее раскол между сторонниками и противниками коалиции стал окончательным после партийной конференции в мае 1920 г. Группа сторонников коалиции покинула конференцию, встретившись с открытой враждебностью "независимого боль-

шинства". Обе группы имели свою фракцию в парламенте. Раскол в партии сказался на отношении к ближневосточной политике. "Независимые" либералы, возглавляемые Асквитом, судя по сообщениям газеты "Манчестер гардиан", не поддержали решение правительства о Константинополе, предложив оставить древнюю часть города Стамбула религиозной столицей, а административный центр перенести в другое место. Считалось, что такое решение могло удовлетворить религиозные чувства мусульман и в то же время обеспечить свободу проливов¹².

Либералы выступили против отдельных условий договора с Турцией, заявив, что эти условия являются "неосуществимыми". "Турция навязала господство различных комиссий, которые будут контролировать турецкие военные силы, турецкую казну, турецкие железные дороги и всю систему турецкого налогообложения... При такой системе не будет независимой Турции"¹³.

Признав необходимость отнять у Турции ее бывшие колонии, "независимые" либералы считали, что мандаты на Месопотамию, Палестину, Сирию (а также Армению) должны быть переданы Лиге Наций¹⁴. Однако в августе 1920 г. во время антианглийского восстания в Месопотамии газета "Манчестер гардиан" призывала правительство отказаться от планов "национальных мандатов". Такая политика, как указывала газета, приводит к непомерным расходам и вызывает обоснованное возмущение и борьбу арабских народов Сирии и Месопотамии. Англия и Франция расплачиваются войной на Среднем Востоке за то, что забыли о своем обещании накануне перемирия "содействовать созданию национальных правительств в Сирии и Месопотамии"¹⁵. Газета писала о том, что "английские войска в Месопотамии осуществляют полицейские функции, а не охраняют границы", а "арабы имеют меньше свобод и платят больше налогов, чем при турках"¹⁶.

По мере того как затягивалась греко-турецкая война, возникали дополнительные трудности в проведении политики на Среднем Востоке. Для подавления восстания в Месопотамии Англия перебросила туда 100-тысячную армию.

В палате общин было объявлено, что еженедельные расходы на содержание оккупационных войск составляют 750 тыс. фунтов стерлингов¹⁷. Когда в середине декабря 1920 г. военный министр У. Черчилль представил в палату общин предложение о дополнительных ассигнованиях на военные расходы, необходимые для содержания войск в Месопотамии и других районах, дискуссия по этому вопросу переросла в резкую критику правительственной политики. Так, Асквит

считал, что правительство мало что сделало для превращения Месопотамии в самоуправляющееся государство. Адамсон (лидер лейбористской фракции) и Шот указывали, что правительство больше заботится о прибылях нефтяных компаний. Генерал-майор Таунсвед считал ошибкой оккупацию всей Месопотамии и высказал мнение, что военное присутствие является "препятствием миру на Среднем Востоке"¹⁸. Недовольство правительственной политикой в Месопотамии высказывали не только "независимые" либералы.

Лейбористская партия Великобритании с 1918 г. также находилась в оппозиции. Лейбористы выступили с критикой ближневосточной политики правительства. Урегулирование на Ближнем Востоке лейбористы связывали с Лигой Наций и признанием принципа самоопределения наций. Такой подход к будущему мирному урегулированию был предложен еще в 1917 г. в "Меморандуме о целях войны", утвержденном специальной партийной конференцией. Здесь лейбористы заявили, что выступают против устремлений держав к приобретению новых территорий и за предоставление народам возможности самим определять свои судьбы. В тех случаях, когда какой-либо народ не способен сам решить свою судьбу, он должен поступить под управление Лиги Наций¹⁹.

Официальное мнение руководства лейбористской партии по основным вопросам договора с Турцией было выражено в специальной записке, которую опубликовала газета "Таймс" 25 февраля 1920 г. Лейбористская партия считает, говорилось здесь, что для обеспечения свободной торговли как в военное, так и в мирное время, Турция должна уступить полосу территории вдоль обоих проливов под контроль Лиги Наций²⁰. Требование лейбористов (в том числе и левых лейбористов) нейтрализовать проливы совпадало с положением официального проекта, выдвинутого британским кабинетом и вошедшего затем в текст Севрского договора. Этот проект встретил одобрение в правящих кругах Англии. Поэтому в передовой статье "Таймс" от 7 января 1920 г. говорилось: "То, что Дарданеллы и Босфор должны быть нейтрализованы и открыты для судов всех наций, является общепризнанным"²¹. Правда, лейбористы настаивали на том, чтобы к охране проливов были допущены Россия и Германия через посредство Лиги Наций. В официальном проекте выдвигалось требование демилитаризации проливов и создания международной комиссии. Сущность планов нейтрализации и демилитаризации проливов была разоблачена позднее советской делегацией на Лозаннской конференции 1922-1923 гг. Советский проект о режиме проливов был направ-

лен против этих требований как не отвечающих интересам безопасности Турции.

В отношении столицы Турции формулировка не была строго категоричной. Лейбористы заявили, что они против отделения Стамбула от Турции, если окажется, что международный контроль над проливами невозможен без этого. Лейбористы считали, что принцип самоопределения должен быть применен к собственно Турции, где турецкое население составляет большинство по сравнению с другими национальностями, а также к народам Аравийского полуострова и части Сирии. В отношении другой части Сирии, Палестины и Месопотамии предлагалось выяснить у населения, желает ли оно восстановления какой-либо формы оттоманского правления, или же стоит за безоговорочную независимость, или за независимость по мандату, данному на ограниченный период на определенных условиях Лигой Наций. "Мир и урегулирование на Среднем Востоке, свобода и безопасность всех народов и верований - эти условия должны быть соблюдены здесь", - заявили лейбористы²².

Лейбористы считали, что принцип самоопределения не может быть применен к северным областям Оттоманской империи, где проживало смешанное население²³. Турция должна была отказаться от своей власти над этими районами. Принятие ответственности за переустройство этой части страны Лигой Наций лейбористы считали "единственным практическим средством оздоровления".

Особо выделялся вопрос о Смирне. "Здесь, - писала "Таймс", - экспроприация и высылка нетурецких элементов населения, особенно греков, со стороны оттоманского правительства с 1913 г. и особенно во время войны сделала самоопределение трудным. Во всяком случае, воля нынешнего населения без учета тех, кто был выслан, не будет правильным критерием для решения судьбы этих районов. Возможно, какое-то решение этой проблемы может быть предложено прецедентом с Данцигом и Фигуме"²⁴.

Таким образом, с одной стороны, лейбористская партия в этом документе выступила на стороне турецкого народа, признав за ним право на самоопределение, с другой - с таким предложением по вопросу проливов, которое не могло отвечать национальным интересам Турции.

Заслуживает внимания и то, что газета "Дейли геральд" неоднократно выступала с разоблачением политики империалистических держав, направленной на расчленение Турции, и неоднократно предупреждала о возможности возникновения здесь войн. "Центр пробле-

мы — в Малой Азии, где добровольческая армия Мустафы Кемала готовится оказать сопротивление политике дальнейшего расчленения азиатских владений... Турки слышат, что у них предлагают отнять... большие территории в Малой Азии. Они видели, как греческие войска вышли из Смирны и направляются в неоспоримо турецкие районы... Они видели, как французы продвигаются в глубь Киликии. И они прекрасно понимают, что за всем этим влияние капитализма, стремящегося к протекторатам и концессиям" — с таким заявлением выступила газета накануне отправки английских войск для оккупации Константинополя²⁵. В другой корреспонденции говорилось: "Политика в Турции — это бесстыдный империализм. Здесь победители делят свою добычу — это нефть, железо, земли, железнодорожные концессии"²⁶.

"Одна армия в Турции, другая в Палестине, третья — в Месопотамии, четвертая — в Египте, пятая — в Ирландии; все ведут войны за господство капитализма. Прекратить эти войны!" — с таким требованием выступала лейбористская газета на протяжении лета 1920 г., призывая рабочих, чтобы "они дали знать правительству, что не будут участвовать" в них, что они "прекратят работу по всей стране, если оно не остановит эти грязные войны"²⁷.

Таким образом, сильной стороной лейбористской позиции по ближневосточному вопросу в 1920 г. следует признать критику внешнеполитического курса правящих кругов Англии и других империалистических держав, открытое осуждение колониальных и захватнических войн. Основная заслуга в этом принадлежит левой лейбористской газете "Дейли геральд".

Итак, ближневосточное урегулирование лейбористы связывали с Лигой Наций. Утопичность этого не могли не понимать сами лейбористские лидеры. Скорее всего, это был своеобразный политический маневр реформистских лидеров британского рабочего движения. Этот маневр заключался в отказе от открыто империалистического языка довоенных лет и принятии на вооружение лозунгов национального освобождения и самоуправления²⁸. Признание идей самоуправления и самоуправления было вынужденным и декларативным и объяснялось давлением со стороны рабочего движения, которое в 1920 г. переживает подъем. Но уже в 1921 г. трудящиеся потерпели ряд жестоких поражений, и массовая борьба быстро пошла на убыль²⁹. Это ослабило давление трудящихся масс на лейбористских лидеров, что вновь привело к усилению реформистских взглядов. Лейбористские конференции все меньше внимания уделяют колониальным вопросам, а

на конференции в 1923 г. антиимпериалистическая резолюция по настоянию Макдональда вообще была снята с обсуждения.

Подписанный султанским правительством Севрский договор воплощал монопольное влияние Англии на Среднем Востоке. Англия добилась пересмотра договоров военного времени в отношении Османской империи и сфер влияния в Турции. Британский кабинет одобрил общую линию Ллойд Джорджа и Керзона, которые настаивали на поддержке греческой интервенции и твердости по отношению к кемалистам. Предложение Монтеги и Черчилля летом 1920 г. о том, чтобы пойти на переговоры с кемалистами для пересмотра условий Севрского договора, не были приняты кабинетом министров³⁰. И несмотря на опасения в самом кабинете и критику в прессе и парламенте, правительство согласилось с необходимостью "сохранения больших и дорогостоящих гарнизонов в Месопотамии и Палестине"³¹. Пересмотра Севрского договора требовала только лейбористская партия, но конкретные предложения лейбористов не отвечали интересам турецкого народа, и право на самоопределение признавалось лейбористами не за всеми народами бывшей турецкой империи.

Между тем подписанный султанским правительством мирный договор так и не был ратифицирован. В затянувшейся греко-турецкой войне Англия вскоре осталась единственной державой, которая поддерживала греков. В результате усиления империалистических противоречий Франция и Италия высказались за пересмотр Севрского договора и пошли на отдельные переговоры с кемалистами. Ставка на то, чтобы силой навязать турецкому народу кабальный договор, потерпела провал. В дальнейшем английским дипломатам пришлось приложить немало усилий, чтобы спасти то, что осталось от Севрского договора.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. подробнее: Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919-1925 гг. - М., 1947. - С.189-201.
- 2 Darwin J. Britain, Egypt and the Middle East. Imperial policy in the aftermath of war 1918-1922. - N.Y. - 1981. - P.172.
- 3 Ibidem.
- 4 Ibid. - P.173.
- 5 Ibid. - P.174-175.
- 6 Ibid. - P.174.
- 7 Ibid. - P.176-177.
- 8 Walder D. The Chanak Affair 1918-1922. - L., 1969. - P.78.

- 9 Times. - 1920. - January 7.
- 10 Times. - 1920. - February 27.
- 11 Times. - 1920. - March 19.
- 12 Manchester Guardian. - 1920. - February 25.
- 13 Manchester Guardian. - 1920. - May 28.
- 14 Manchester Guardian. - 1920. - July 19, 20, August 6.
- 15 Manchester Guardian. - 1920. - August 20.
- 16 Manchester Guardian. - 1920. - July 24.
- 17 Klieman A.S. Foundations of the British policy in the Arab world. The Cairo Conference of 1921. - L., 1970. - P.83.
- 18 House of Commons. Parliamentary Debates. Official Report. - Vol. 136. - P.557-592.
- 19 Судейкин А.Г. Колониальная политика лейбористской партии Англии между двумя мировыми войнами. - М., 1976. - С.52-58.
- 20 В 1920г. лейбористы признали впервые право на самоопределение за Индией, Египтом и Ирландией.
- 21 Times. - 1920. - February 25.
- 22 Ibidem.
- 23 Это приблизительно районы, предлагаемые под независимый Курдистан и Армению.
- 24 Times. - 1920. - Febr. 25.
- 25 Daily Herald. - 1920. - March 9.
- 26 Daily Herald. - 1920. - March 10.
- 27 Daily Herald. - 1920. - June 21, 28, August 7, 11.
- 28 Ротштейн А. Британский реформизм и колониальный вопрос // Советское востоковедение. - 1957. - №8.
- 29 Судейкин А.Г. Указ. соч. - С.61-63.
- 30 Klieman A.S. - Op. cit. - P.83.
- 31 Darwin J. - Op. cit. - P.204.

ПОПЫТКИ США И ФРАНЦИИ УРЕГУЛИРОВАТЬ ВОПРОС О ФРАНЦУЗСКОМ ВОЕННОМ ДОЛГЕ В 1922-1926 гг.

Н.А.Баранцева

Проблема урегулирования французского военного долга Соединенным Штатам Америки явилась одним из наиболее трудноразрешимых вопросов во взаимоотношениях между двумя странами в послевоенный период. В нем со всей полнотой отразилась противоречивость американской политики в Европе после первой мировой войны. С одной стороны, правящие круги США рассчитывали, что Франция, располагавшая сильнейшей армией, опирающаяся на военно-политические союзы с европейскими государствами, станет противовесом Англии, с которой столкнулись Соединенные Штаты в борьбе за мировое лидерство, а также оплотом антисоветизма. С другой стороны, стремление империалистических кругов Франции к установлению гегемонии в Европе и в особенности её политика в отношении Германии противоречили намерениям американской торгово-промышленной буржуазии укрепить свои позиции на европейских рынках. Взяв курс на сохранение сильной в экономическом отношении Германии, Соединенные Штаты пытались играть роль балансира в её отношениях с Англией и Францией, а также сформировать в её лице ударную силу в борьбе с революционным движением в Европе. Проблема восстановления Германии зависела в значительной степени от Франции, которая препятствовала сохранению германского военно-экономического потенциала. В условиях, когда Германия, согласно Версальскому договору, находилась под постоянной угрозой репрессивных мер со стороны Франции в случае невыполнения репарационных обязательств, создавалась опасность экономической и политической нестабильности в Европе, которая являлась серьезной помехой на пути экспансии американского финансового капитала в европейские государства, а также возвращения межсоюзнических долгов стран Антанты.

Рассматривая французский империализм как свою опору в борьбе за гегемонию в Европе, правящие круги США были заинтересованы в восстановлении экономики Франции. Но учитывая, что французская буржуазия выступала с притязаниями на руководство в европейских делах, Соединенные Штаты ставили проблему оказания помощи Франции в зависимости от вопроса о погашении её военного долга, образовавшегося в годы войны, и использовали эту задолженность как средство оказания давления на французское правительство в решении таких важных проблем, как репарации, санкции в отношении Германии в случае невыполне-

ния ею Версальского договора и т.д.

В данной статье предпринята попытка осветить политику правящих кругов Соединенных Штатов в ходе переговоров и заключения соглашения об условиях погашения французского долга, которое было подписано в апреле 1926 г., но вследствие острых противоречий между этими странами не было ратифицировано до 1929 г.

В годы первой мировой войны образовалась огромная задолженность стран Антанты Соединенным Штатам. До вступления США в войну кредитование стран Антанты осуществлялось частными американскими банками и, главным образом, фирмой "Д.П.Морган энд К^о". Краткосрочные займы, полученные у частных банков из расчета 5% годовых, гарантировались французским правительством и вскоре после войны были выплачены¹. С апреля 1917 г. и до окончания военных действий займы Франции предоставлялись американским министерством финансов, разместившим среди населения США так называемые 4 "займа свободы" и "заем победы". Кроме того, после перемирия французское правительство получило в Соединенных Штатах еще несколько займов². Обязательства французского правительства США по выплате денежных средств, предоставленных по "займам свободы", вместе с невыплаченными процентами на 15 декабря 1922 г. составляли приблизительно 3378 млн. дол., а вместе с поставками избыточных военных материалов на сумму в 407 млн. дол. общая задолженность Франции США на 15 декабря 1922 г. определялась примерно в 3792 млн. дол.³ Значительная часть полученных средств тратилась на погашение долгов по военным поставкам, часть на выплату процентов по займам, остальные суммы шли на оказание помощи населению и восстановление разрушенных территорий.

Со времени Парижской мирной конференции 1919 г. правительство Соединенных Штатов придерживалось в решении долгового вопроса трех основных принципов: долги не должны были обсуждаться на международных встречах заинтересованных государств; выплаты по ним не должны были связываться с репарационными поступлениями от Германии; обязательства по долгам не подлежали аннулированию⁴. Опасаясь встретиться с единым фронтом должников, американская буржуазия отказалась от всестороннего разрешения финансовых проблем, возникших в результате войны. Французскому дипломату де Билли, обратившемуся 15 января 1919 г. с письмом о времени и условиях размещения долгов к министру финансов США К.Глассу, дали понять, что условия погашения долговых обязательств будут определяться в Вашингтоне⁵. После мирной конференции государственные деятели США

постоянно напоминали Франции и прочим должникам, что независимо от того, будет ли Германия своевременно выплачивать репарации, они обязаны выполнять свои обязательства по военным займам. Отказ американского правительства от рассмотрения вопроса о списании долгов объяснялся стремлением США поставить своих партнеров в менее выгодное экономическое положение и настойчивыми попытками, предпринимавшимися уже с конца 1918 г. как со стороны Франции, так и Великобритании, добиться от США либо аннулирования, либо значительного сокращения долга ⁶.

Французской политике отказа от военных долговых обязательств американские правящие круги, рассматривавшие их как обычные коммерческие сделки, противопоставили политику их консолидации и фондирования. При этом определенная часть американской торговой и финансовой буржуазии, связанной с европейскими рынками /банкиры О.Юнг, Т.Ламонт, Б.Барух, Д.П.Морган, О.Кан, Б.Стронг, Ф.Вандерлип/, и её представители в государственном аппарате /министр финансов У.Макаду, его заместитель Н.Дэвис в администрации В.Вильсона, госсекретарь Ч.Дэ, министры финансов и торговли Э.Меллон и Г.Гувер/ выступала в поддержку планов сокращения долгов союзников и предоставления им займов ⁷. Опасаясь, что чрезмерные платежи усугубят и без того тяжелое экономическое положение Европы, а следовательно, ухудшат условия для ввоза избыточных американских капиталов и товаров, они высказывались за оказание европейским странам "помощи", сопровождавшейся прямым финансовым вмешательством в урегулирование и упорядочивание их налоговой системы ⁸. Эта точка зрения не сыграла решающей роли в определении долговой политики Соединенных Штатов. Президент-республиканцы Гардинг и Кулидж практически не отошли от позиции, занятой Вильсоном: Франция должна выплатить главный долг, и проценты по нему. Это мнение поддерживали многие члены республиканской партии, в частности У.Бора, Д.Норрис, Р.Лафоллет, Д.Казенс, Р.Хоувелл, А.Робинсон ⁹.

В ноябре 1919 г. министерство финансов США выступило с предложением произвести консолидацию долгов, т.е. обмен краткосрочных обязательств на долгосрочные, и согласилось, в связи с неустойчивым состоянием денежного обращения в Европе, отсрочить платежи процентов по долгам на три года. Государственные деятели Франции официально признавали свою ответственность за выплату долгов. Так, бывший французский премьер-министр Вивиани, находившийся в марте 1921 г. в Соединенных Штатах, указывал, что Франция ручается за выполнение своих долговых обязательств ¹⁰.

Комиссия по иностранным долгам мировой войны, образованная по акту американского конгресса 9 февраля 1922 г., выработала условия погашения межсоюзнических долгов: срок выплат не свыше 25 лет при годовом проценте 4,25¹¹. 21 апреля госсекретарь Юз через американского посла Геррика сообщил французскому правительству, что США ждут предложений по поводу урегулирования военного долга¹².

В письме французского премьер-министра Пуанкаре от 19 июля госсекретарю Юзу сообщалось, что в "ближайшем будущем Франция абсолютно неспособна погасить долг", поскольку "Германия выплачивает лишь незначительные суммы в качестве репараций за тот ущерб, который она причинила Франции, и ей самой приходится изыскивать средства на восстановление... стран-должников, за счет которых она могла бы несколько укрепить состояние своих финансов, также неспособны выполнять свои обязательства"¹³.

Миссия директора главного управления фондов министерства финансов Ж.Пармантье, посланная в Соединенные Штаты в конце июля 1922 г., не имела полномочий заключать соглашение об урегулировании долга. Пармантье поручалось сообщить американской комиссии, что французское правительство признает свои обязательства, но считает, что закон от 9 февраля 1922 г., касавшийся уплаты межсоюзнических долгов, содержит в себе условия, неприемлемые для Франции, поэтому французское правительство "не может рассматривать свой политический долг федеральному правительству отдельно от всех прочих её межсоюзнических обязательств"¹⁴. 17 августа Пармантье был отозван французским правительством, поскольку в сложившейся ситуации оно не было готово к урегулированию своего долга США. Единственная возможность погашения займов американскому правительству заключалась в увеличении французского экспорта в Соединенные Штаты, который дал бы необходимую валюту. Но ряд ограничительных мер администрации республиканской партии: высокие тарифные барьеры, установленные законом Фордни-Маккембера /сентябрь 1922 г./, запрещение ввоза алкоголя, окрашение туристского обмена и прочее-способствовал ухудшению французского торгового баланса. В 1922 г. Франция импортировала товары из США на сумму в 3845 млн. франков, а экспортировала лишь на 2 млрд. франков¹⁵.

Во второй половине 1922 г. в связи с обострением в лагере стран-победительниц противоречий по вопросу о германских репарациях проблема урегулирования французского долга отошла на второй план. Американские правящие круги, пытаясь заставить Францию ослабить

нажим на Германию, пойти на сокращение репарационных требований и отказаться от планов оккупации Рура, использовали долг как одно из средств давления на французскую политику. 7 ноября во время встречи Юза с французским послом в Вашингтоне Жюссераном госсекретарь предупредил правительство Франции, что оно не может рассчитывать на выгодные условия консолидации своего долга Соединенным Штатам, если будет и впредь оказывать давление на Германию¹⁶.

Воспользовавшись внешнеполитической изоляцией, в которой оказалась Франция после провала рурской авантюры /январь 1923 г./, американские правящие круги добились в ноябре 1923 г. согласия французского правительства на принятие плана Юза, предусматривавшего передачу репарационного вопроса в руки комиссии международных финансовых экспертов. Фактически это означало отстранение Франции от контроля за сбором репараций с Германии, а следовательно, утрату ею реального фактора регулирования европейских проблем. При этом главным средством воздействия на Францию Соединенные Штаты избрали угрозу отказа в "стабилизационном займе", обещанном банковской группой Моргана, и требование уплаты французского военного долга. Дипломатический нажим США сопровождался финансовым наступлением американских и английских банков, выбросивших в конце 1923 г. на международные рынки французскую валюту и вызвавших таким образом понижение курса франка¹⁷.

9 декабря 1923 г. Жюссеран послал Пуанкаре письмо, сообщая о нападках на Францию в американском сенате и отметив, что только уведомление о новой миссии оздоровило бы обстановку. 31 января 1924 г. Пуанкаре передал это письмо министру финансов д'Ластейра, сказав при этом: "Мы не можем откладывать встречу с американским правительством по вопросу о долге, не подвергая себя опасности". При этом он упомянул получение репараций с Германии в качестве условия урегулирования¹⁸.

С конца 1923 г. в американском конгрессе развернулась дискуссия по поводу урегулирования французских военных обязательств. Начал её сенатор У.Бора, пославший запрос Меллону относительно того, существовали ли гарантии обязательства правительства Франции погасить свой долг. 11 декабря министр финансов ответил, что доказательствами тому являлись заявления Пармантье и уплата французами более 64 млн. дол. в счет основного долга¹⁹. Неудовлетворенный объяснением, 16 января 1924 г. Бора выступил с обвинительной речью в адрес французского правительства. Особое негодование сенатора было направлено на то, что "неплатежеспособное" правительство

Франция осуждала деньги своим европейским союзникам, главным образом на военные нужды, и содержала самую многочисленную армию в мире. Обвиняя Францию в проведении "имперской" политики, Бора подчеркивал, что американские налогоплательщики несут бремя её долгов и военных расходов. 14 марта сенатор Шипстед внес резолюцию, поднимавшую вопрос о целесообразности предоставления займов французскому правительству, шедших, по его мнению, не на восстановление страны, а большей частью на вооружение Малой Антанты²⁰.

В то же время ряд сенаторов, отвергавших аннулирование долгов, приводил доводы, целью которых было добиться смягчения условий долгового урегулирования, оказать финансовую "помощь". Так, 17 января сенатор Оуэн, приведя данные о большом дефиците государственного бюджета, торгового и платежного баланса, огромной внутренней и внешней задолженности Франции (на 30 июля 1923 г. 430 млрд. франков), предложил утвердить план стабилизации её денежного обращения. Сущность его заключалась в том, чтобы предоставить европейским странам государственные и частные кредиты, которые обеспечивались бы американскими товарами и золотом, накопившимися в избытке по окончании войны. В качестве условий помощи Оуэн выдвинул требования жесткой экономии и увеличения налогообложения стран-получателей займов²¹.

Давление на Францию со стороны американских правящих кругов, с целью урегулирования военных обязательств, заметно ослабло после того, как в ходе Лондонской конференции /июль-август 1924 г./ Соединенные Штаты принудили французское правительство к принятию "плана Дауэса" и заставили его фактически отказаться от применения военных санкций в отношении Германии. Краткосрочный заем, предоставленный Франции в марте 1924 г. фирмой Моргана, был превращен в долгосрочный, настоятельные требования о выплате военных долгов утихи²². Сенатор Рид от Пенсильвании, подчеркнув 29 декабря 1924 г., как "трудно для Франции... собрать то, что причитается ей с Германии", предложил, чтобы ей был предоставлен длительный мораторий и в течение нескольких лет более низкий процент погашения её долга²³. Сенатор Джонс поставил под вопрос необходимость "поддержания высокой тарифной стены... которая действует как барьер, через который иностранцы государства... не способны перебраться и поэтому не могут выплатить задолженность нашей стране"²⁴.

25 ноября 1924 г. министр финансов Меллон и госсекретарь Юз от французского посла Жюссера узнали о намерении правительства

Франции "достигнуть такого урегулирования финансовых обязательств Соединенным Штатам, которое удовлетворило бы обе страны". Не только Юз и Маллон, но и президент Кулидж, согласно сообщениям, были удовлетворены тем, что французы предприняли этот шаг²⁵. Маллон, обсудив этот вопрос с членами комиссии по долгам, рекомендовал Жюссерану урегулировать французские обязательства по образцу англо-американского соглашения о долгах²⁶. Члены комиссии были уверены в том, что Жюссеран был наделен специальными полномочиями французского правительства для ведения переговоров, но 4 декабря премьер-министр Эррио заявил, что беседы Жюссерана о членами комиссии имели характер "полудофициального обмена взглядами"²⁷.

30 декабря 1924 г. Геррик получил предложение по поводу погашения французского долга, разработанное министром финансов Клементелем. Оно предполагало полный мораторий на платежи по долгам в течение 10 лет и 90-летний период его погашения при годовичном проценте выплат 0,5, а также устанавливало зависимость платежей от поступления германских репараций в соответствии "с планом Дауэса". Американское правительство сочло это предложение неприемлемым в качестве основы переговоров. Аргументируя свой отказ, оно сослалось на общественное мнение, рассматривавшее план Клементеля как фактическое аннулирование военных обязательств, поскольку расходы на выплату долга не были запланированы в госбюджете Франции на 1925 г.²⁸ Жесткая позиция Соединенных Штатов вызвала ответный отклик во французском парламенте. 21 января 1925 г. депутат Л. Марен с одобрения Эррио выступил с речью, направленной против "безжалостного кредитора"²⁹. Это выступление, отражающее "мнение человека с улицы", вызвало серьезное беспокойство Геррика, т.к. из-за финансового кризиса, о котором столкнулась Франция, ее правительство могло отказаться от переговоров по урегулированию долга. Американский посол настаивал, чтобы комиссия по иностранным долгам рассмотрела новое предложение Клементеля от 28 марта, в котором норма процентов увеличивалась с 0,5 до 2, а размер годовых взносов с 20 до 80 млн. дол. Устанавливалась частичная зависимость платежей Франции от германских репараций. Изменение Клементелем первого предложения было расценено Герриком как проявление серьезного намерения французского правительства решить эту проблему. 31 марта 1925 г. Американский посол указал: "Поскольку французские правящие круги понимают сейчас,

что неустойчивость положения в отношении переговоров о долгах ограничивает предоставление Франции кредитов иностранным государствам, в частности США, это самый подходящий момент для урегулирования" ³⁰. Нота, направленная во Францию 5 мая госсекретарем Келлогом, предписывала Геррику настаивать на возвращении долгов в возможно более ранний срок. Отвергая предложения Клемента, департамент рассчитывал принять за основу переговоров условия, согласованные в декабре 1924 г. Меллоном и Жюссераном. Новый министр финансов Франции Ж.Кайо 6 мая 1925 г. изложил Геррику французские предложения, в которых отмечалось, что Франция не может начать платежи до полного восстановления разрушенных районов. Они также не удовлетворили Гувера. Только 3 июля министр иностранных дел А.Бриан, официально уполномоченный рассматривать вопрос о межсоюзнических долгах, пообещал, что представители Франции вскоре прибудут в Соединенные Штаты "урегулировать долг таким образом, насколько позволит состояние французских финансов" ³¹.

В результате переговоров, проходивших с 24 сентября по 1 октября между американской комиссией по долгам и французской делегацией во главе с Кайо, стороны не пришли к соглашению. Обсуждение размера общей суммы долга, количества и стоимости ежегодных платежей, норм процента закончилось безрезультатно. Попытка Франции включить в соглашение оговорку, предполагавшую связать долги и репарации, не увенчалась успехом. Вместе с тем Соединенные Штаты признали принцип платежеспособности Франции единственной справедливой основой переговоров между двумя странами ³².

Неудача, постигшая французскую миссию в ее попытках урегулирования внешнего долга, еще более пошатнула кредит Франции и способствовала новому падению франка. В октябре 1925 г. Соединенные Штаты довели до сведения своих должников, что они прекращают финансирование тех стран, которые не урегулировали долги ³³. Жесткость политики США в отношении французского долга определялась в значительной степени поражением французской дипломатии на Локкарнской конференции /октябрь 1925 г./, решения которой означали ослабление роли Франции в решении общеевропейских дел.

Неуступчивость французского правительства во время обмена мнениями и переговоров по долговому вопросу вызвала разногласия в конгрессе. Сенаторы Бора, Харрисон, члены палаты представителей Блэнтон, Лозиер доказывали, что наряду с жертвами, понесенными в войне, Франция получила преимущества и доходы, в частнос-

ти огромные территориальные присоединения, поэтому не было причин для каких-либо уступок в отношении французского долга, увеличения срока выплат и окращения процентов³⁴. Сенатор Рид от Миссури выразил возмущение тем фактом, что Франция вместе с Испанией тратит миллионы долларов, чтобы завоевать народ Северной Африки³⁵. Сенаторы Брусс, Далл, член палаты представителей Эндрю, учитывая тяжелые людские и материальные потери Франции в войне, а также то, что ее правительство не отказывалось от своих военных обязательств, предлагали более мягкие условия урегулирования³⁶.

Возобновившиеся весной 1926 г. переговоры завершились 29 апреля заключением соглашения Меллона-Беранже. Оно обеспечивало урегулирование общего долга в 4025 млн. дол., из которых 3340 млн. составляли сумму основного долга, а остальное – ежегодные проценты из расчета 4,25% до 15 декабря 1922 г. и 3% от этой даты до 15 июня 1925 г. Соглашение предусматривало ежегодные суммы выплат от 30 млн. дол. в 1926 г. до 125 млн. в 1937 г. Величина ежегодных процентов устанавливалась ниже, чем до подписания соглашения, постепенно увеличиваясь от 1 до 3,5%. В результате подписания договора величина основного долга сокращалась на 52%³⁷, а срок его погашения увеличивался до 62 лет³⁸. Урегулирование не включало "гарантийного пункта" на случай неуплаты Германией репараций.

30 апреля соглашение получило положительную оценку президента Кулиджа³⁹. 2 июня 1926 г. палата представителей конгресса одобрила договор 236 голосами против 112⁴⁰. Сенат обусловил ратификацию этого соглашения одобрением его французским парламентом. Премьер-министр Франции Бриан настаивал, чтобы это сделал прежде сенат США⁴¹. Соглашение Меллона-Беранже вызвало правительственный кризис во Франции. 15 июня Бриан подал в отставку, уступив место Пуанкаре. Финансовое положение страны ухудшалось вследствие падения курса франка, крайне осложнилась политическая ситуация. 11 июля на параде французских раненых ветераны выступили против жестких условий долгового соглашения. Американские наблюдатели П. Дильберт и Ч. Дэви безуспешно пытались убедить долговую комиссию пойти на уступки, которые позволили бы французскому правительству ратифицировать соглашение. После двухдневных совещаний членов кабинета Меллон 16 июля выступил с заявлением, содержащим ответ на европейские обвинения в неуступчивости. В нем он высказал опасение, что чересчур благоприятное для французов соглашение не будет ратифицировано американским сенатом⁴².

В ходе летне-осеннего обсуждения проблемы стороны не пришли к единому решению. Ни американский сенат, ни французский парламент не ратифицировали соглашение. Долговые обязательства, как и прежде, оставались источником глубоких противоречий между Соединенными Штатами и Францией. Правящие круги США пошли на отдельные уступки в этом вопросе, преследуя при этом своекорыстные цели. Они стремились упрочить деловые связи между монополиями обеих стран, сохранить в лице французской буржуазии опору в борьбе против СССР и революционного движения в Европе, использовать Францию в качестве противовеса гегемонистским притязаниям английского империализма.

Только в июле 1929 г. под нажимом американского правительства французский парламент ратифицировал договор, оказавшись перед выбором либо уплатить всю сумму, причитающуюся за военные поставки, установленную в 1919 г., либо, одобрив договор 1926 г., получить новую отсрочку. В декабре 1929 г. американская палата представителей, а затем сенат ратифицировали соглашение Меллона-Бранхе⁴³. Но в условиях экономического кризиса 1929-1933 гг. французское правительство, воспользовавшись введением моратория Гувера на выплату германских репараций и межсоюзнических долгов /июнь-декабрь 1931 г./ и решением Лозаннской конференции 1932 г., резко сократившими сумму репарационных поступлений с Германии, вместе с другими европейскими должниками фактически отказалось от выплат Соединенным Штатам своего военного долга.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Фиск Г. Междусоюзнические долги: Исследование о государственных финансах за военные и послевоенные годы.- М., 1925.-С.88-90.
- 2 Congressional Record. Proceedings and Debates (CR).-Vol.67.-Part 1.-P.103-107.
- 3 CR.-Vol.72.-Part 1.-P.545.
- 4 Wilson J.H. American Business and Foreign Policy.1920-1933.-Lexington,1971.-P.124.
- 5 Маультон Г.,Позвольский Л. Военные долги.-М.,1933.-С.51-53.
- 6 Duroselle J.B. France and the United States. From the Beginning to the Present.-Chicago,L.,1978.-P.123,
- 7 Wilson J.H. Op.cit.-P.125-135.
- 8 Попова Е.И. США: борьба по вопросам внешней политики.1919-1922.-М.,1966.-С.135.

- 9 Wilson J.H. Op.cit.-P.134-135.
- 10 Papers relating to the Foreign Relations of the United States (FR).1921.-Vol.1.-Wash.,1936.-P.964.
- 11 CR.-Vol.67,-Part 8.-P.8495.
- 12 FR.1922.-Vol.1.-Wash.,1938.-P.399.
- 13 Ibid.-P.404-405.
- 14 Berenger H. La question des dettes.-Paris,1933.-P.13-14; CR.-Vol.65,Part 1.-P.232.
- 15 French Debt Settlement.-Wash.,1926.-P.43,35; CR.-Vol.65.-Part 2.-P.1087-1088.
- 16 См.об этом: Индукаева Н.С. Политика правящих кругов США в связи с Франко-германским конфликтом по репарационному вопросу и оккупацией Рура Францией / конец 1922-начало 1923 гг./.-В сб.:Проблемы истории внешней политики империалистических государств.-Томск,1979.-С.76.
- 17 История дипломатии.М.,1965.-Т.3.-С.369..
- 18 Berenger H. Op.cit.-P.14-15.
- 19 CR.-Vol.65.-Part 1.-P.232-233.
- 20 Ibid.-P.1029-1030, 4127-4128.
- 21 CR.-Vol.65.-Part 2.-P.1030,1087-1088.
- 22 История дипломатии.-С.376.
- 23 CR.-Vol.66.-Part 1.-P.920-921.
- 24 Ibid.-P.921 .
- 25 FR.1925.-Vol.1.-Wash.,1940.-P.150; CR.-Vol.66.-Part 1.-P.962.
- 26 FR.1925.-Vol.1.-P.150; Ellis L.E. Frank B.Kellogg and American Foreign Relations 1925-1929.-N.Y.,1961.-P.218.
- 27 CR.-Vol.66.-Part 1.-P.963.
- 28 FR.1925,-Vol.1.-P.133-139,143,
- 29 CR.-Vol.66.-Part 4.-P.4104-4106.
- 30 FR.1925.-Vol.1.-P.144-145,148-149.
- 31 Ibid.-P.150-154,156-157; Ellis L.E.-Op.cit.-P.218.
- 32 Мировое хозяйство и мировая политика.-1926.-№4.-С.60-61.
Berenger H. Op.cit.-P.17-22; FR.1925.-Vol.2.-Wash.,1940.-P.132-143.

- 33 Виленчук А. Международная задолженность после войны.-М., 1929.-
С. 116.
- 34 CR.-Vol. 66.-Part 2.-P. 2279; Part 5.-P. 4470-4471.
- 35 CR.-Vol. 67.-Part 1.-P. 108.
- 36 CR.-Vol. 66.-Part 3.-P. 2281-2283, 2355-2358; Vol. 67.-Part 1.-
P. 2231-2232.
- 37 CR.-Vol. 72.-Part 1.-P. 547.
- 38 FR. 1926.-Vol. 2.-Wash., 1941.-P. 92.
- 39 CR.-Vol. 67.-Part 1.-P. 8509.
- 40 CR.-Vol. 67.-Part 11.-P. 12377.
- 41 FR. 1926.-Vol. 2.-P. 94-96.
- 42 Ellis L.E. Op.cit.-P. 220-221.
- 43 CR.-Vol. 72.-Part 1.-P. 545, 721.

ПОДГОТОВКА И ОБСУЖДЕНИЕ В АМЕРИКАНСКОМ КОНГРЕССЕ
МОРАТОРИЯ ПРЕЗИДЕНТА ГУВЕРА НА МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ
ДОЛГИ И РЕПАРАЦИИ /июнь—декабрь 1931 г./

Е.Ю. Дидарева

Изучение межимпериалистических противоречий в период между первой и второй мировыми войнами представляет большой научный и политический интерес. Особо важное значение имеет исследование американско-английских отношений, потому что межвоенный период характеризовался обострением борьбы между Соединенными Штатами и Великобританией за мировую гегемонию. Наиболее заметно эта борьба проявилась в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., когда обе страны стремились выйти из кризиса за счет ослабления своего партнера, воспользоваться затруднительным положением своих конкурентов для утверждения собственных позиций и в конечном итоге для установления своего лидерства в мире.

В данной статье предпринята попытка осветить историю подготовки и обсуждения в американском конгрессе моратория президента Г.Гувера на межправительственные платежи и репарации, предложенного 20 июня 1931 г. и вступившего в силу в июле 1931 г. Годичная отсрочка на межправительственные платежи, предложенная американским президентом, касалась прежде всего погашения задолженности Англии Соединенным Штатам, потому что в годы первой мировой войны большая часть средств, предоставленных США странам Антанты, была передана им при посредничестве Великобритании, которая оказалась таким образом в большом долгу перед американским правительством. Именно поэтому вопрос о введении отсрочки на межправительственные платежи обсуждался главным образом между представителями американского и английского правительств, заинтересованными в урегулировании финансовых вопросов во имя сглаживания собственных разногласий и спасения от финансового банкротства Германия, которую правящие круги обеих стран были намерены использовать в антисоветских целях.

В советской исторической литературе вопросы, связанные с подготовкой моратория Гувера, освещаются достаточно полно, однако проблемы ратификации в конгрессе этого акта и борьбы в правящих кругах США вокруг него исследованы все еще недостаточно¹. Нужно отметить, что в американской историографии в последние годы по-

явились работы, в которых более основательно излагается дипломатическая история подготовки моратория Гувера. В частности, в монографии американской исследовательницы Е.Г.Вилсон "Американский бизнес и внешняя политика 1920-1933" прослеживается отношение различных группировок в политических кругах США к проблеме межсоюзнической задолженности, освещается их реакция на отсрочку платежей по военным долгам, разоблачаются попытки США выступить в роли миротворцев, когда, выдвигая лозунг сокращения вооружений в качестве неременного условия отсрочки межправительственных платежей, они руководствовались прежде всего своекорыстными целями, принуждая своих должников к уплате их долгов и усиленно поощряя рост вооружений в собственной стране, а также способствуя восстановлению военно-промышленного потенциала Германии².

Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис способствовал значительному обострению межимпериалистического соперничества в лагере капиталистических стран. Кризис ослабил позиции американского капитала в отдельных районах мира, приостановился экспорт американского капитала за границу. Значительно упал престиж доллара, хотя в отличие от Англии США не отменили золотой стандарт; обострилось экономическое и финансовое соперничество американских монополий с капиталистами других стран. Особенно в тяжелом положении оказались те американские финансовые круги, которые после принятия плана Дауэса в 1924 г. начали щедро финансировать Германию. Причиной этого было то, что мировой экономический кризис наиболее сильно ударил по германской экономике, которая была обременена огромными репарационными платежами. С момента вступления в силу плана Дауэса и до весны 1931 г. Германия регулярно вносила репарационные платежи. При этом ни для кого не было секретом, что делала она это за счет средств, получаемых от американских монополий, а последние, в свою очередь, получали их из сумм, которые страны-должники уплачивали американскому правительству в счет погашения военных долгов. Таким образом, несмотря на упорное нежелание американского правительства признать связь между германскими репарациями и военными долгами стран Антанты, обе эти проблемы объективно были тесно взаимосвязаны. Именно поэтому мировой экономический кризис, поставивший экономику Германии на грань полного краха, заставил страны-победительницы комплексно решать проблему межсоюзнических долгов и германских репараций.

Весной 1931 г. валютно-финансовая система Германии и Австрии,

потерпевших поражение в войне и обязанных уплачивать репарации, оказалась под угрозой. Вначале прекратил платежи Венский банк, а затем угроза краха нависла над германским банком. В мае 1931 г. управляющий Федеральным резервным банком в Нью-Йорке Гаррисон с большой озабоченностью отмечал обострение финансового кризиса в Германии и в письме государственному секретарю США Г.Стимсону писал, что Франция оказывает давление на германское правительство, понуждая его к получению в США нового займа, который был бы использован для внесения очередного репарационного взноса³. О тяжелом экономическом и финансовом положении Германии сообщал в государственный департамент временный поверенный США в Германии Гордон. Он отмечал, что германское правительство не имеет средств для уплаты репараций, а также что в Германии растет сопротивление выполнению репарационных обязательств и разворачивается движение за пересмотр репарационных статей Версальского мирного договора. В заключение Гордон делал вывод, что в интересах союзных и ассоциированных держав самим пересмотреть Версальский мирный договор, не дожидаясь, пока Германия откажется от него в одностороннем порядке⁴.

Первые сообщения о возможности экономического краха Германии оказали большое влияние на Гувера. Упомянутая выше американская исследовательница Вилсон, имевшая возможность ознакомиться с архивными материалами государственного департамента и других правительственных ведомств США, отмечает, что уже 11 мая 1931 г. Гувер поставил перед государственным секретарем Стимсоном и министром финансов Э.Меллоном вопрос о временной приостановке выплаты германских репараций до тех пор, пока условия в Германии не улучшатся, но в то же время подчеркнул, что это может касаться репараций, а не межсоюзнических военных долгов. Спустя несколько дней, 19 мая, Гувер прочитал Стимсону часть своей речи, с которой он намеревался выступить в Индианополисе во время своей поездки по западным штатам. В этой речи говорилось о готовности США пойти на некоторое сокращение межсоюзнических военных долгов, хотя отрицалась идея их полного аннулирования, которая после первой мировой войны неоднократно высказывалась государственными деятелями европейских стран.

20, 21 и 22 мая Гувер провел совещания с президентом Федеральной резервной системы Ю.Мейером, который заверил президента США, что если американское правительство не предпримет решительных шагов по урегулированию проблемы межсоюзнических военных долгов,

"финансовая система США может оказаться под ударом"⁵.

23 мая Гувер обсудил ситуацию в Европе с послом США в Германии Сакеттом, послом в Великобритании Дауэсом и послом в Бельгии Гибсоном, которые предложили президенту созвать международную конференцию по долгам⁶. Однако правительство Гувера считало опасным созыв такой конференции, на которой их должники могли выступить единым фронтом с требованием аннулирования военных долгов. Поэтому Гувер решил выступить с инициативой временной отсрочки межправительственных долгов и репараций, чтобы оставить за собой возможность продиктовать должникам свои условия дальнейшего внесения межправительственных платежей.

5 июня он созвал совещание, на котором присутствовали Стимсон, Меллон, заместитель министра финансов О.Миллс и где он впервые официально поставил вопрос о годичном моратории на все межправительственные платежи. Реакция представителей государственного департамента и министерства финансов на это предложение президента была неоднозначной. Стимсон согласился с предложением Гувера, Меллон заявил о своем "безоговорочном неодобрении" идеи отсрочки платежей, а Миллс выразил сомнения в том, что предложение президента удастся воплотить в жизнь, так как "невозможно осуществить это решение без созыва специальной сессии конгресса". Гувер, выслушав всех присутствовавших, заявил, что он не надеется на принятие его предложения 2/3 голосов сената и поэтому будет искать новые возможности для разрешения сложившейся ситуации⁷.

Отсутствие единства мнений в правительстве по вопросу о моратории вызвало недовольство финансовых кругов США. Вечером 5 июня Гуверу позвонил представитель банковского дома Моргана Т.Ламонт, который предложил, чтобы США выступили с инициативой отсрочки платежей основной суммы межправительственных долгов. При этом Ламонт заявил, что рекомендации Моргана продиктованы желанием спасти Германию от разорения. В течение 6-7 июня Гувер встретился с американскими банкирами, которые советовали ему не медлить с идеей моратория, подчеркивая, что это предложение должно быть внесено "в соответствующий момент". Представитель дома Моргана Морроу говорил Гуверу, что "нью-йоркские банкиры в панике от ситуации в Германии и Австрии"⁸.

Известный историк из ГДР В.Руге пишет, что американские дипломаты задолго до объявления моратория Гувера вели переговоры с президентом Германии Гинденбургом и канцлером Брэннингом. Им была инспирирована телеграмма Гинденбурга с просьбой о немедленной

отсрочке репарационных платежей, посланная Гуверу в день объявления моратория⁹.

Гувер опасался выступить с идеей моратория, предполагая, что она не найдет поддержки в конгрессе. Он говорил Стимсону и Миллу: "Я не могу действовать без одобрения лидеров обеих политических партий и без надежды обеспечить поддержку конгресса. Я хочу подождать, чтобы это решение вызрело"¹⁰. 15-18 июня он предпринял поездку по западным штатам, где выступал с речами о тяжелом экономическом положении в мире и о необходимости предпринять решительные шаги для выхода из кризиса. В эти же дни Стимсон и Миллс вели обработку членов конгресса, советуя им поддержать идею президента. К 20 июня им удалось получить согласие на объявление моратория со стороны 9 сенаторов-республиканцев /Бора, Морроу, Каппер, Ванденберг и др./ и 12 демократов /Хэлл, Гласс, Уолш, Свенсон и др./.

В это время в Чекерсе /Великобритания/ проходили переговоры английского премьер-министра Макдональда с представителями германского и французского правительств об очередном репарационном взносе Германии победителям. Сообщая об этой встрече, временный поверенный США в Великобритании Атертон писал в государственный департамент, что во время переговоров германский канцлер Брюнинг поставил перед представителями Англии и Франции вопрос о временной приостановке репарационных платежей и просил английского премьер-министра обсудить этот вопрос с американским правительством, "потому что получаемые Англией репарации идут в США в качестве военных долгов". Макдональд пытался уклониться от обсуждения с американским правительством вопроса о военных долгах и репарациях, так как мало надеялся на успех таких переговоров в связи с началом в США очередной кампании по выборам президента. Однако после заявления Брюнинга о возрастании в Германии влияния коммунистической партии он согласился прозондировать вопрос о временной отсрочке репараций. Излагая в своем донесении в государственный департамент ход переговоров с Макдональдом, Атертон сообщал: "Я спросил его, боится ли он войны, он ответил: "Нет, революции", и далее английский премьер-министр заявил, что в равной степени он опасается установления французской гегемонии в Европе, так как считает, что новый репарационный взнос Германии укрепит финансовое положение Франции и усилит её влияние на Румынию, Польшу, Чехословакию"¹¹.

В последующие дни Макдональд через Атертона сообщил американ-

скому правительству об ухудшении положения Германии и, не выдвигая конкретных предложений, утверждал, что "в Берлине существует опасность коммунистической революции"¹². Британский посол в США Линдси говорил заместителю государственного секретаря Кастлу, что США должны "осуществить какие-либо акции для ревизии соглашения о долгах"¹³.

В середине июня 1931 г. экономическое и финансовое положение Германии ухудшилось настолько, что, как писал британский посол во Франции Тирелл, "имеющий место кризис может разрушить Германию и Австрию". Сообщая об этом в государственный департамент, Атертон писал, что постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании Ванситарт просил его поставить перед американским правительством вопрос об оказании экономической помощи Германии или о демарше перед правительством Франции с тем, чтобы заставить его отказаться от требований внесения очередного репарационного взноса. В другом письме Атертон сообщал о переговорах главы Английского банка М.Нормана с представителями Федерального резервного банка США, во время которых Норман отмечал, что "ситуация в Германии настолько обострилась, что промедление в течение даже недели является слишком длительным". Стимсон в ответ на сообщение Атертона заверил, что "американское правительство рассматривает различные альтернативы и эффективность каждой из них"¹⁴.

В памятной записке от 16 июня 1931 г. государственный секретарь Стимсон отмечал, что американские банкиры потребовали от правительства решительных действий. В письме послу США во Франции Эйджу он также сообщал, что в связи с угрозой краха германского рейхсбанка и валютной системы Германия в целом американские банкиры настаивают на отсрочке на один год всех межправительственных платежей, включая репарации¹⁵.

17 и 18 июня Меллон и Атертон встретились в Лондоне с Макдональдом и министром иностранных дел Великобритании Гендерсоном. Во время этой встречи они пришли к выводу, что необходима отсрочка межправительственных платежей по крайней мере на 2 года, но высказали опасение, что Франция может воспротивиться мораторию, поэтому, считали они, инициатива отсрочки платежей должна исходить от США¹⁶. После этого Стимсон в беседе с французским послом в США Клауделем 18 июня пытался выяснить отношение французского правительства к возможности введения моратория на репарации и военные долги. Стимсон при этом подчеркнул, что мораторий должен касаться всех без исключения платежей, поэтому, если США объявят

об отсрочке платежей по военным долгам, а Франция будет продолжать требовать внесения Германией репараций, американский конгресс никогда не согласится на такой мораторий¹⁷. Заявление Стимсона было призвано оказать давление на Францию и принудить её к отказу от получения очередного репарационного взноса от Германии.

Администрация Гувера продолжала добиваться согласия членов конгресса на объявление моратория. Для этого правительство избрало не совсем обычную процедуру, которая позднее, во время обсуждения в конгрессе вопроса о ратификации моратория, была подвергнута критике со стороны ряда сенаторов, обвинявших президента в осуществлении неконституционной акции. Так как 71-й конгресс был распущен на каникулы весной 1931 г. и очередной 72-й конгресс должен был собраться на свою новую сессию лишь в декабре, Гувер решил не созывать чрезвычайную сессию конгресса, а послать телеграммы или выяснить по телефону согласие членов конгресса на введение предлагаемого им моратория. Как позднее утверждали сторонники ратификации моратория, ему удалось получить согласие 68 сенаторов, что составляло немногим более 2/3 голосов, необходимых для ратификации, и большинства членов палаты представителей¹⁸.

Меллон, Миллс и другие представители министерства финансов и государственного департамента широко пропагандировали идею моратория. Их деятельность поддерживали крупнейшие американские банки, вложившие значительные средства в краткосрочные займы Германии: "Чейз нейшл банк", "Ли, Хиггинсон энд К^о", "Кун, Леб энд К^о", контролировавшийся Морганом "Нью-Йорк сити банк" и др.¹⁹

Ободренный этой поддержкой президент Гувер 20 июня предложил мораторий на все межправительственные платежи, включая репарации сроком на один год. Объявленный мораторий не касался частных вложений, выплата процентов по которым должна была продолжаться. Сообщая о предложении президента послу США во Франции Эйджу, государственный секретарь Стимсон подчеркивал, что оно было санкционировано обеими палатами конгресса и лидерами обеих политических партий. При этом государственный секретарь настоятельно советовал не допускать признания всякой связи между военными долгами и репарациями, несмотря на то, что мораторий касается тех и других долгов²⁰.

Европейские страны, за исключением Франции, одобрили мораторий. Особенно горячо поддержало его правительство Великобритании, являвшейся самым крупным должником США. Министр финансов Англии Сноуден заявил в палате общин, что английское правительство пол-

ностью принимает предложение американского президента и особенно приветствует его стремление облегчить положение Германии²¹.

Против моратория на выплату репараций Германией выступала Франция. Представители французского министерства финансов заявили, что мораторий Гувера нарушает план Юнга, принятый в 1929 г., согласно которому ежегодные репарационные взносы были определены в 1,9 млрд. марок в первые 37 лет, в течение следующих 22 лет Германия должна была вносить платежи, равные сумме ежегодных погашений державами-кредиторами их военных долгов²².

Как обычно в подобных случаях, американские банкиры оказали давление на Францию. В специальной телеграмме в адрес французского правительства Морган обвинил его в стремлении помешать стабилизации Германии. В конечном итоге французское правительство объявило о своей согласии с мораторием²³. 20-22 июня на состоявшемся в Лондоне совещании Моргана с банкирами семи европейских стран американские финансисты окончательно убедили французских представителей в необходимости временной приостановки всех межправительственных платежей²⁴.

Таким образом, после длительной дипломатической борьбы, руководствуясь главным образом желанием спасти Германию от экономического и финансового краха, не допустить ослабления германского империализма и использовать его против революционного движения в Европе, американское правительство предложило годичную отсрочку межправительственных платежей, осознавая при этом всю опасность подобного шага. Европейские страны, получив возможность не платить свои долги в течение года, могли попытаться сделать отсрочку платежей постоянной практикой и вообще аннулировать свои долги.

Как показало проходившее в декабре 1931 г. обсуждение в конгрессе моратория Гувера, вдохновителями отсрочки выплаты репараций, за которой неизбежно должна была последовать отсрочка осуществлявшихся за счет репарационных платежей погашения государственных долгов, образовавшихся в годы войны, были те американские фирмы, которые после принятия плана Дауэса постоянно ставили вопрос о приоритете в оплате Германией тех займов, которые они предоставили ей в соответствии с этим планом, перед странами-получателями репараций. Частные фирмы считали, что рано или поздно под воздействием широко развернувшегося в Европе движения за аннулирование военных долгов США будут вынуждены отказаться от их получения. Поэтому мораторий Гувера, предусматривавший на-

ряду с отсрочкой выплаты правительственных долгов неукоснительное погашение частных займов, представлялся им крайне выгодным шагом в обеспечении их интересов. На поддержку этих фирм рассчитывало правительство США, предоставляя мораторий на утверждение конгресса.

На открывшейся 7 декабря 1931 г. первой сессии 72-го конгресса было зачитано обращение президента к обеим палатам конгресса с предложением утвердить условия моратория. Они были положены в основу объединенной резолюции, внесенной в палату представителей депутатов от штата Миссисипи членом демократической партии Коллиером. Эта резолюция предлагала утвердить отсрочку всех межправительственных платежей в течение одного фискального года — с 1 июля 1931 г. по 1 июля 1932 г. После истечения срока моратория правительству США предоставлялось право подписать со странами-должниками соглашения, по которым они должны были вносить отсроченную сумму один или два раза в год в течение 10 лет из расчета 4 % годовых. В статье пятой резолюции специально оговаривалось, что конгресс решительно выступает против аннулирования всей или части суммы задолженности любой стран. Резолюция также предостерегала должников США от попыток рассматривать годичный мораторий как изменение политики американского правительства в отношении межсоюзнических долгов, провозглашенной им при заключении соглашений об условиях их погашения в 1922–1927 гг.²⁵

Дебаты по приведенной выше резолюции проходили в палате представителей и сенате 10–22 декабря 1931 г. Они показали, что большинство членов конгресса рассматривало мораторий Гувера как опасный прецедент, который в будущем мог привести к отказу европейских стран от уплаты их задолженности Соединенным Штатам. Члены палаты представителей: Гастингс, Дикинсон, Шеннон, Паркер, Диас, Джонсон, Грисуолд и др. считали, что данная резолюция неизбежно приведет к аннулированию всех межсоюзнических долгов в будущем. Дикинсон критиковал президента за инициативу в вопросе о моратории. По его мнению, предложение Гувера должно было "открыть двери для дальнейших, более продолжительных отсрочек и привести к частичному, если не полному, аннулированию долгов ... проведение данной резолюции, — подчеркнул он, — заложит основу для отказа от всех военных долгов, а также от займов, предоставленных после войны"²⁶. Конгрессмены Дисней, Уильямсон, Джонсон доказывали неконституционность провозглашения моратория и критиковали Гувера за превышение власти, потому что он не созвал

чрезвычайную сессию конгресса для решения столь важного вопроса, являющегося прерогативой законодательной власти. Дикинсон заявил, что президент умышленно выбрал время для объявления о моратории, когда до очередной сессии конгресса оставалось полгода. Члены палаты представителей Парсонс и Джонсон указывали, что когда речь идет об отсрочке выплаты такой большой суммы, как 250 млн. дол. /величина ежегодно получаемых средств в счет погашения межсоюзнических военных долгов/ и когда эта отсрочка означает увеличение налогообложения страны на эту сумму, президент не имеет права единолично решать этот вопрос. Дисней при этом совершенно справедливо заметил, что за период с июня по декабрь 1931 г., когда США объявили о моратории, не произошло сколько-либо заметного улучшения экономического положения европейских стран, стало быть, инициатива президента не принесла того эффекта, на который он рассчитывал²⁷.

Ряд членов палаты представителей и сената от сельскохозяйственных штатов обвинил финансовые монополии США в том, что именно они инспирировала введение годовичного моратория на правительственные платежи, чтобы заставить Германию и другие европейские страны оплатить им проценты на предоставленные займы. Сенатор Томас, представлявший штат Оклахома, обвинил американские финансовые компании (такие как "Кун, Леб энд К^о") в том, что они, не желая разорить своих должников, которые они предоставили после войны огромные средства, оказали давление на правительство, заставив его провозгласить мораторий на межправительственные долги²⁸.

Очень резко выступил с критикой моратория Гувера сенатор от Пенсильвании Макфадден, ранее поддерживавший республиканскую партию, но позднее порвавший с ней. Он заявил, что основной причиной предложения о моратории являлось давление американских банкиров, стремившихся обеспечить приоритет в оплате вложенных ими в экономику Германии средств перед выплатой ею репараций. Сенатор отметил: "Нью-Йоркские банкиры проявили большую активность в поддержании настоящего решения, чтобы добиться этого преимущества и защитить свои собственные частные вклады". Макфадден доказывал, что от моратория выиграют только американские банки, связанные с германскими финансистами. Он подчеркнул, что связанная с домом Моргана "Кун, Леб энд К^о", а также действовавший в интересах своих братьев, крупнейших финансистов Германии, П. Уорберг и связанные с ним другие американские банкиры помог-

ли Гуверу одержать победу на президентских выборах 1928 г., поэтому он действует в их интересах. Идея моратория, указал Макфадден, появилась в близких к Гуверу кругах примерно за год до того, как президент решил публично выступить с нею. Он и стоявшие за ним круги, продолжал Макфадден, давно искали возможность помочь Германии в её попытках отказаться от уплаты репараций по плану Юнга. Поэтому мораторий не был вызван угрозой экономического краха Германии, а явился результатом сделки международных банкиров²⁹.

Разоблачения Макфаддена носили столь серьезный характер, что многие сенаторы опасались, как бы за ними не последовало предложение об импичменте Гувера. Особенно горячо поддержали Макфаддена демократы, получившие на промежуточных выборах 1930 г. большинство в обеих палатах конгресса. К тому же до новых президентских выборов оставалось менее года, и обвинения в адрес президента, предъявленные ему бывшим членом его же партии, могли усилить позиции демократической партии на выборах.

В защиту Гувера выступали представители как республиканской, так и демократической партии в обеих палатах конгресса. Сенатор Рид, как и Макфадден, представлявший штат Пенсильвания, друг Гувера, банкир Робинсон, также находившийся в дружеских отношениях с президентом, сенатор Смут, входивший в 1922–1927 гг. в состав комиссии по консолидации межсоюзнических военных долгов, конгрессмены О'Коннор, Темпл, Чиперфилд и др. защищали позицию президента и доказывали своевременность его инициативы. О'Коннор предложил исключить текст выступления Макфаддена из протоколов конгресса, заявив, что этот сенатор когда-то входил в республиканскую партию, но не сделал там карьеры и теперь "по злобе" нападает на лидера этой партии³⁰.

Во время обсуждения в конгрессе моратория Гувера четко обозначились антибританские настроения большей части депутатов обеих палат, считавших, что мораторий даст Великобритании весьма ощутимые преимущества, которые приведут к обострению конкуренции между ней и Соединенными Штатами на международных финансовых рынках. Поддерживавший Макфаддена по многим вопросам сенатор Рид от штата Миссури доказывал, что для Англии уплата её долга Соединенным Штатам не представляет особого труда, так как она получила в результате войны новые территории в дополнение к тем огромным колониальным владениям, которые у неё были до войны. Кроме того, заявил он, в английских музеях хранятся та-

кие сокровища, которые позволяют ей покрыть любые платежи Соединенным Штатам. Помещая это выступление Рида, газета "Таймс" иронически замечала, что американцы готовы погрузить на суда Лондонскую национальную галерею и Британский музей и отправить их в Нью-Йорк³¹.

Однако как противники, так и сторонники моратория понимали, что отказ от моратория может привести к потере американских инвестиций в Европе. Разорение должников не входило в их планы. Об этом убедительно говорил сенатор Смут, представлявший сахарозаводчиков Юга США, которые были заинтересованы в сбыте своей продукции на европейских рынках. Его поддержал сенатор Маккеллар, предложивший утвердить резолюцию о моратории с поправкой о недопустимости дальнейшей отсрочки платежей. Сенатор Най также предложил утвердить резолюцию, но внес поправку, обязывавшую конгресс ассигновать определенные суммы на оказание помощи фермерам³². Мораторий поддержали сенаторы Джонес, Норрис, члены палаты представителей Блэнтон, Фрер, Кокс, Реймси, Лудлоу и др. Главным аргументом сторонников отсрочки межправительственных платежей было утверждение, что без моратория будет невозможно восстановить стабильность европейских рынков, а без этого американская экономика не сможет выйти из кризиса. Многие конгрессмены отмечали, что высокие таможенные тарифы, установленные на импорт в США из европейских стран, делают невозможным погашение военной задолженности.

Для того, чтобы обеспечить ратификацию закона о моратории необходимыми двумя третями голосов, администрация использовала давление представителей банковских кругов. Перед членами конгресса выступили президент "Нейшл сити бэнк" Ч.Митчелл, партнер "Кун, Лоб энд К^о" О.Кан, президент "Чейз нейшл бэнк" У.Олдрич, представитель "Диллон, Рид энд К^о" К.Диллон и др. Все они доказывали необходимость отсрочки платежей, подчеркивая, что провал резолюции о моратории может привести к необратимым для американской экономики последствиям³³.

В результате борьбы в обеих палатах конгресса администрации Гувера удалось склонить большинство депутатов к утверждению резолюции. Голосование, проведенное в сенате 22 декабря, во время которого за неё проголосовало 69 сенаторов, а против - 12, принесло необходимые 2/3 голосов. В палате представителей за утверждение резолюции проголосовало 317 депутатов, а против - 100³⁴.

Подписывая принятую обеими палатами конгресса резолюцию, Гувер заявил, что эта акция американского правительства "предотвратит катастрофу", угрожавшую европейским странам. "Спасая Германию от краха, — отметил он, — американский народ делает более важное дело, чем экономия долларов и центов на поддержку нашего сельского хозяйства, потому что мораторий предотвратит панику и неограниченные потери"³⁵.

Таким образом, после длительной борьбы в правящих кругах США было принято решение о необходимости годичной отсрочки всех международных платежей. Подготовка и утверждение этого акта американским конгрессом показали, что в нем заинтересованы представители крупного финансового капитала США, оказавшие давление на членов кабинета Гувера и депутатов конгресса, чтобы в условиях мирового экономического кризиса не допустить краха Германии и других европейских стран, в которые они вложили огромные средства, и обеспечить выплату процентов и основной суммы этих вложений. Во время обсуждения условий моратория Гувера в обеих палатах конгресса меньше всего проявлялись межпартийные разногласия, несмотря на приближавшуюся президентскую кампанию. В защиту предложения президента выступили как республиканцы, так и демократы, руководствовавшиеся прежде всего классовыми соображениями, задачами спасения капитализма. Оппозиция мораторию, состоявшая из представителей сельскохозяйственных штатов, боявшихся, что этот акт еще больше усилит позиции крупных финансовых монополий, оказалась слабой для того, чтобы не допустить утверждения законопроекта о моратории. Опасения части депутатов конгресса, что временная приостановка платежей может привести к полному аннулированию межсоюзнических долгов, были вполне оправданы. Действительно, после истечения срока моратория почти все должники США перестали выплачивать свою задолженность, а вслед за этим Германия также объявила о своем отказе от уплаты репараций. Мораторий Гувера явился важным шагом на пути к ревизии Версальского мирного договора, одну из важнейших частей которого составляли репарационные обязательства Германии. Приоритет в отношении выплат процентов по частным займам перед межправительственными платежами, каковыми являлись репарации, стимулировал дальнейшую инвестиционную деятельность американского капитала в Европе, содействовал восстановлению военно-промышленного потенциала в Германии и в конечном итоге способствовал приходу к власти фашистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Балобаева Э.В. Вопрос об английских военных долгах в англо-американских отношениях в 1929-1932 гг. // Вопросы международных отношений. Труды Томского университета. - Т. 195. - Томск, 1968. - С. 18-35; История дипломатии. - Т. 3. - М., 1965. - 831 с.; История США.: В 4-х томах /Под ред. Г.Н. Севостьянова. - Т. 3: 1918-1945. - М., 1985. - 671 с.; Дан В.И. США: от первой до второй мировой войны. - М., 1976. - 493 с.; Неёлов С.А. Внутривосточная борьба в США по вопросу о военных мексиканских долгах в 1921-1922. - Ростов-на-Дону, 1978, статья депонирована в ИНИОН, деп. 2887. - 36 с.
- 2 Wilson J.H. American Business and Foreign Policy 1920-1933. - Lexington, 1971. - 339 p.
- 3 Papers relating to the Foreign Relations of the United States (FR). 1931. - Vol. I. - P. 1.
- 4 Ibid. - P. 2-4.
- 5 Wilson J.H. Op.cit. - P. 136-137.
- 6 Bennett E.V. Germany and Diplomacy of Financial Crisis. 1931. - Cambridge, 1962. - P. 134.
- 7 Ibid. - P. 138-139.
- 8 Ibidem.
- 9 Руге В. Германия в 1917-1933 г. От Великой Октябрьской социалистической революции до конца Веймарской республики. - М., 1974. - С. 256.
- 10 Bennett E.V. Op.cit. - P. 133-139.
- 11 FR. 1931. - Vol. I. - P. 67.
- 12 Ibid. - P. 9, 11-12. Атертон Стимсону, 8 июня 1931.
- 13 Ibid. - P. 15-16. Памятная записка Кастла о переговорах с Лидсом, 12 июня 1931.
- 14 Ibid. - P. 17-19. Атертон Стимсону, 15 июня 1931; Стимсон Атертону, 15 июня 1931.
- 15 Ibid. - P. 20-21. Стимсон Эдду, 15 июня 1931.
- 16 Ibid. - P. 24-25. Атертон Стимсону, 17 и 18 июня 1931.
- 17 Ibid. - P. 27-28. Памятная записка Стимсона о переговорах с Клауделем, 18 и 19 июня 1931.

- 18 Congressional Record (CR).- Vol.75.-Part I.-P.1112-1115.
- 19 На начало 1931 г. из 1,4 млрд. дол. краткосрочных займов Германии на долю США приходилось более 800 млн.дол., из них 420 млн.дол. дали нью-Йоркские банкиры. Wilson J.H.Op.cit.-P.132. По данным советских и зарубежных историков, объем инвестированного в Германию капитала за период 1924-1933 гг. исчислялся в 25-27 млрд.дол., примерно 70% из них составляли американские инвестиции. Гинцберг Д.И. Пересмотр плана Дауэса и Парижская конференция экспертов // Ежегодник германской истории 1973.-М., 1974.-С.238.
- 20 FR.1931.- Vol.I.-P.33-35.
- 21 Ibid.-P.205.
- 22 История дипломатии.-Т.3.-С.505.
- 23 Wilson J.H.Op.cit.- P.131.
- 24 Ibidem.
- 25 CR.-Vol.75.-Part I.-P.793.
- 26 Ibid.- P.887.
- 27 Ibid.- P.868,870,876,887.
- 28 Ibid.-P.1101.
- 29 Ibid.- P.386,329,330.
- 30 New York Times.- 1931.- 16 December.
- 31 Times.- 1931.- 21 December.
- 32 CR.- Vol. 75.- Part I.- P.1692.
- 33 New York Times.- 1931.- 19,20 December.
- 34 CR.- Vol.75.- Part I.- P.367,1126.
- 35 Ibid.- P.1222.

БОРЬБА МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ США ПРОТИВ ВВЕДЕНИЯ
ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ И ОБЯЗАТЕЛЬНОГО
ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ /1946-1948 гг./

С. А. Короткова

После окончания второй мировой войны в Соединенных Штатах Америки шла борьба вокруг ревизии внешней политики президента Ф. Д. Рузвельта. В правительстве и конгрессе США верх взяли противники советско-американского сотрудничества, сторонники политики "с позиции силы".

Политика "с позиции силы" предполагала активность сразу во всех направлениях - экономическом, политическом, идеологическом, военном и др. Но в качестве главного было выдвинуто военное направление, что нашло отражение в обширнейшей системе военно-стратегических мероприятий. За 1946-1949 гг. прямые военные расходы США составили 85 млрд. дол., а в 1949 г. эти расходы в 12 раз превышали уровень довоенного 1939 г. Из 125 лиц, назначенных Г. Трумэном на важнейшие правительственные посты в период 1946-1948 гг., 31 были представителями реакционной военщины¹. Милитаристские круги, их идеология стали оказывать большее, чем в войну, и всё растущее влияние на американское общество и политику.

Но сознанию большинства простых американцев была чужда идеология милитаризма. Они рассматривали войну, военную службу как досадную необходимость, с которой нужно как можно скорее покончить, чтобы вернуться к мирной жизни. К окончанию второй мировой войны в вооруженных силах США было около 14 млн. человек. Пентагон планировал в течение года уволить лишь 2 млн. человек. Но американские солдаты требовали быстрой демобилизации. Демонстрации и митинги под лозунгом "Мы хотим вернуться домой" прошли в Лондоне, Франкфурте, Иокогаме, Сеуле, Шанхае, Гонолулу, на острове Гуам, в Калькутте и других пунктах. Тысячи солдат поставили свои подписи под обращениями, адресованными президенту, председателям комиссий по военным делам сената и палаты представителей, различным общественным и политическим деятелям страны. 8 января 1946 г. свыше 3500 солдат и несколько офицеров собрались в Маниле перед зданием муниципалитета и потребовали скорейшей отправки домой. Солдаты, находившиеся на Дальнем Востоке, ставили штампы на письма, отправляемые в США: "Не будет кораблей, не будет голосов", намекая на предстоящие в 1946 г. выборы в конгресс. Кое-где солдаты создали специальные комитеты для пересылки своих кол-

лективных протестов в Вашингтон и сбора денег на оплату помещаемых в газетах призывов к американской общественности о поддержке их требований².

В коллективных обращениях к властям и резолюциях, принимаемых на солдатских митингах, признавалось необходимым иметь достаточные силы в Германии и Японии. Но солдаты решительно возражали против использования войск для иных целей на территориях невраждебных стран (на Бахрейнских островах они обслуживали гражданские авиакомпании, на острове Гуам строили гражданские объекты, в Саудовской Аравии - огромный гражданский аэропорт). Солдаты рассматривали задержку войск в странах, не относящихся к враждебным, как следствие определенного курса внешней политики. Из Манилы солдаты отправили Г.Трумэну такую телеграмму: "Мы честно выполнили свой долг перед страной и не можем понять необходимость растрачивать миллионы долларов и драгоценное время на оккупацию невраждебных стран". На митинге в Гонолулу солдаты потребовали, чтобы правительство разъяснило свою внешнюю политику. В резолюции, принятой на митинге в Сеуле, говорилось: "Мы не можем понять, почему военное министерство настаивает на том, чтобы в настоящих условиях держать за границей слишком большую армию"³.

В самих Соединенных Штатах развернулась массовая кампания за "немедленное возвращение ребят на родину". В почте конгресса было огромное количество писем и телеграмм с требованиями немедленной демобилизации отцов, мужей, сыновей. Ряд газет, а также общественных деятелей выразили мнение, что численность американской армии можно уменьшить без ущерба для выполнения оккупационных задач в Германии и Японии (среди них редактор газеты профсоюза рабочих электропромышленности Райт, другие деятели профсоюзной печати). Поддержали требования солдат некоторые члены конгресса. Председатель сенатской комиссии по военным делам Джонсон предложил комиссии возобновить обсуждение проблемы демобилизации и запросить военное министерство, для какой цели необходимо удерживать в армии существующий контингент войск. Член комиссии по военным делам палаты представителей республиканец Шорт, конгрессмен-республиканец Филбин и др. обвинили военное министерство в том, что оно задерживает демобилизацию⁴. Когда генерал Эйзенхауэр, начальник штаба американской армии, приехал для выступления в сенатской комиссии по военным делам, его буквально осадила толпа женщин с требованиями демобилизации. В

результате общественного давления за 1945-1946 гг. было демобилизовано 12 млн. человек.

Президент Трумэн и помощник госсекретаря Д. Ачесон отмечали, что правительство США было не в состоянии воспрепятствовать процессу "дезинтеграции вооруженных сил", так как "сам народ себя демобилизовал"⁵. Однако правительство США, сделав ставку на силу, стремилось сохранить и поддерживать на высоком уровне боевую мощь армии. В сентябре 1945 г. военный министр Г. Стимсон заявил, что Соединенным Штатам необходимо проявлять постоянную заботу о вооруженных силах⁶. В октябре 1945 г. министр военно-морского флота Дж. Форрестол и новый военный министр Р. Паттерсон предупредили кабинет, что быстрые темпы демобилизации поставят под угрозу стратегические позиции США во всем мире. Президент согласился с этой точкой зрения⁷. По его предложению конгресс продлил действие закона об обязательной военной повинности, принятого в сентябре 1940 г., до 1 июля 1946 г., а затем еще на 9 месяцев. Только 31 декабря 1946 г. Г. Трумэн провозгласил в декларации окончание военных действий. Правительством был предпринят беспрецедентный шаг, вызвавший возмущение и возражение широких слоев американцев, - введение военной повинности в мирное время.

23 октября 1945 г. в своем послании конгрессу президент писал: "Соединенные Штаты сейчас наиболее мощная в военном отношении страна. Это результат многих слагаемых. Но вместе с этой силой пришла огромная ответственность за судьбу мира и справедливость во всем мире. Поддержать мир мы сможем лишь тогда, когда мы сами будем сохранять силу ... Совершенно очевидно, что атомная бомба не имеет ценности без достаточных наземных, воздушных и морских сил. Именно такие силы необходимы для защиты наших берегов, отражения любого нападения и для наступления с тем, чтобы использовать атомные бомбы на территории врага... Есть два варианта - мощная постоянная армия или небольшая армия, поддерживаемая хорошо обученными гражданами, которые в случае необходимости могут быть быстро мобилизованы. Я - за второй вариант"⁸. Он предложил продолжить обязательную выборочную военную службу и заставить пройти военную подготовку всех мужчин, достигших 18-20 лет. К подготовке предлагалось привлечь и непригодных к действительной службе: их используют в случае необходимости в тыловых частях и в военной промышленности.

Мнения в конгрессе разделились, но в целом он отнесся очень

осторожно к призыву президента. Первоначальная реакция при обсуждении законопроектов в обеих палатах показала, что их члены не примут поспешного решения, несмотря на срочность обращения президента. Председатель сенатского комитета по делам вооруженных сил Э.Джонсон заявил, что "каким бы именем она ни называлась, мне не нравится воинская повинность"⁹. Однако это заявление вовсе не свидетельствовало о миролюбии сенатора из Колорадо. Он был одним из сторонников "дешевой" атомной войны, которые считали, что атомная бомба "уничтожит всю воинскую повинность в мирное время и будет означать конец больших армий и милитаризма, связанного с ними"¹⁰.

Многие конгрессмены, выступившие против всеобщего военного обучения, руководствовались отнюдь не прогрессивными идеями. Американский журналист Дж.Рестон писал в начале 1946 г., что конгрессмены, больше всего призывавшие к антисоветской политике, меньше всего хотят выделить ассигнования и людские ресурсы для проведения такой политики¹¹. В определенной степени эти соображения тормозили проведение законопроекта через конгресс. Дело затягивалось еще из-за вопроса о продолжительности военной подготовки. В комиссиях по военным делам сената и палаты представителей или споры по этому поводу. Предлагались различные сроки обучения. Ветераны и резервные организации, например, отстаивали 4-месячный срок обучения, после которого обучающиеся будут освобождены от службы в Национальной гвардии или организованных резервах. Военное министерство отвергало всякие компромиссы и настаивало на годовом обучении.

Раздавались в конгрессе и голоса трезвомыслящих людей, сторонников политики Ф.Д.Рузвельта. С критикой намерений администрации выступили сенаторы Пеппер, Лафоллет, Кэппер, Лэнджер, Тэйлор, конгрессмены Рид, Энджел, Силбин, Долливер, Миллер, Вилсон, Уайт и др. В октябре в обе палаты конгресса были внесены билли, протестующие против введения всеобщего воинского обучения. В декабре 1945 г. журнал "Ньюсуик" отмечал, что шансы на одобрение конгрессом программы всеобщего военного обучения невелики, если "только не возникнет драматически угрожающая ситуация в международной обстановке"¹².

Резко отрицательную позицию занял в вопросе о военном обучении министр торговли Г.Уоллес. Он заявил на заседании сенатского комитета по делам вооруженных сил, что "даже Соединенные Штаты не смогут заполнить весь мир своими базами и военной мощью. Аме-

риканская безопасность и безопасность всех народов находится под угрозой вследствие военной политики, проводимой правительством Соединенных Штатов"¹³. К его точке зрения присоединился бывший министр внутренних дел Икес.

Не нашло и не могло найти поддержки предложение президента у рядовых граждан Америки. Совсем недавно кончилась война, сильным было желание простых людей вернуться к мирной жизни. Международная атмосфера еще не была отравлена "холодной войной". К своему недавнему союзнику - советскому народу - американцы испытывали дружественные чувства. По данным общественного опроса, в сентябре 1945 г. 54 % американцев высказались в пользу сотрудничества с СССР и лишь 30 % - против¹⁴. И, наконец, предложение президента никак не соответствовало традициям Соединенных Штатов. Американские вооруженные силы отличались от европейских. Если последние были созданы целыми поколениями милитаристов, основаны на уважении к военной профессии, ритуалам, то в Соединенных Штатах всегда существовала наемная армия и ее престиж был довольно низок.

Активно выступили против этого предложения американские коммунисты. "Мы против требования президента о всеобщем военном обучении для американской молодежи, потому что мы против внешней политики Трумэна, инструментом которой это требование является. Это инструмент агрессивного американского империализма, стремящегося к мировому господству"¹⁵. На страницах газеты "Дейли уоркер" они раскрывали перед американцами агрессивное направление политики нового президента. Они доказывали, что не монополия на атомную бомбу и не армия в 2,5 млн. человек будут гарантией безопасности, а дружественный союз с СССР и Великобританией.

В апреле 1946 г. У.Фостер в статье "Милитаризация через запугивание" писал, что американским монополистам для достижения мирового господства необходима вооруженная до зубов страна. "Таково настоящее значение планов администрации создать самые большие в мире ВВС и ВМФ, громадную армию, основанную на военном обучении в мирное время и на расширенном призыве в нее, использовать американскую монополию на атомную бомбу, организовать военные базы во всех концах земли, объединить все наши вооруженные силы в едином министерстве"¹⁶.

В августе 1947 г. в Питсбурге коммунисты провели серию радиопередач, посвященных проблемам современной Америки. Передачи привлекли большое внимание жителей города и его окрестностей. В

одной из передач внимание было обращено на всеобщее военное обучение. Коммунисты заявили, что "большие военные приготовления провоцируют войну", и призвали американцев осудить агрессивную внешнюю политику Г.Трумэна¹⁷.

Отрицательно отнеслись к идее воинской обязанности либеральные круги американцев. На страницах журналов "Нэйшн" и "Нью рипаблик" появлялись статьи, критикующие отход от политики Рузвельта, стремление к милитаризации, а не демократизации послевоенной жизни. В начале 1946 г. журнал "Нэйшн" отмечал, что Соединенные Штаты обладают уже достаточной силой и вооружением, чтобы заниматься вопросами защиты и обороны¹⁸. Оба журнала с удовлетворением отмечали, что американцы не хотят надевать военную форму. В апреле 1946 г. на страницах "Нэйшн" появились результаты опроса, проведенного в штате Миссури. 45 % опрошенных не одобряли попытки президента ввести всеобщее военное обучение в мирное время¹⁹. "Нью рипаблик" писал, что молодые американцы "воспринимают мир серьезно" и не хотят пополнять ряды вооруженных сил. Военной Америке впервые за 145 лет существования не хватило почти 300 человек при наборе в корпус кадетов²⁰. Журнал "Нью рипаблик" осудил американских монополистов, которые отстаивали мысль, что "наиболее верный путь к безопасности - вооружиться до зубов, что Соединенные Штаты смогут внести вклад в установление вечного мира только при создании превосходящей военной силы"²¹. Он призвал миролюбивых американцев к организованному сопротивлению введению этого закона. Либеральные круги доказывали, что причин к расширению вооруженных сил нет: Соединенные Штаты достаточно сильная страна, а "русский народ и его лидеры хотят только мира, потому что никто лучше их не знает, что такое война"²².

В связи с попытками правительства ввести всеобщую воинскую повинность активизировалась деятельность пацифистских кругов и организаций. Пацифисты, по словам одного из их лидеров, А.Масти, видели в любом возрождении призыва к военной службе "зловещий поворотный пункт истории"²³. Члены Комитета друзей национального законодательства выступали против предложения Г.Трумэна на слушаниях в специальной комиссии (19 декабря 1946 г. президент создал специальную комиссию из 9 членов для рассмотрения вопроса о военной подготовке и выработки рекомендаций), на заседаниях комитетов по делам вооруженных сил палаты представителей и сената²⁴. Несколько раз они вели продолжительные дискуссии с

членами комиссии, настаивая, чтобы большее количество свидетелей получило право выступить на слушаниях. Они предлагали расширить эти слушания, чтобы противники введения военного обучения имели равные шансы в выступлениях с его сторонниками. Члены комитета проводили в течение 1945-1947 гг. различные собрания и митинги в религиозных, фермерских, рабочих организациях. В 1947 г. руководители пацифистского комитета вручили сенатору Р. Тафту 236 резолюций, протестующих против военной повинности, принятых на митингах²⁵. При помощи этой пацифистской организации был создан специальный Женский комитет против военной повинности, который проводил активную работу среди женщин.

Радикальной формой выражения протеста пацифистов было сожжение призывных карточек или демонстративное возвращение их президенту. В феврале 1947 г. в Сан-Франциско четыре пацифиста публично сожгли свои карточки, в Лос-Анжелесе 39 человек отправили их президенту. В этом же месяце в Нью-Йорке проходило собрание 250 пацифистов, на котором 63 человека из присутствующих сожгли свои карточки. Только за февраль 1947 г. около 500 американцев уничтожили свои "верительные грамоты", как они их называли²⁶.

В начале февраля 1946 г. была создана пацифистская организация Конференция за ненасильственную революцию с центром управления в Нью-Йорке. Программа, принятая ею, представляла собой смесь идей социализма, анархизма и пацифизма. Что касается отношения к войне, они заявили, что "отказываются служить в вооруженных силах; платить налоги, которые будут потрачены на военные цели; работать на военных заводах"²⁷. Лидеры этой организации призывали рабочих покинуть военные предприятия, а солдат - вооруженные силы. В 1948 г. эта организация была поглощена более мощной и постоянной организацией - "Миротворцами"²⁸. Большое влияние на ее идеологию оказал гандизм, поэтому она призывала к использованию ненасильственных способов решения всех конфликтов. В одном из своих первых заявлений "Миротворцы" призывали молодежь к отказу от регистрации на призывных пунктах или уклонению от исполнения каких-либо служебных обязанностей. Одним из путей противодействия военным мероприятиям правительства, стихийно возникшим среди пацифистов, был отказ платить налоги. "Миротворцы" образовали специальный комитет за отказ от налога, который энергично проповедовал эту идею через различные публикации и устные призывы.

В феврале 1948 г. большая группа американских пацифистов вы-

пустила декларацию с призывом провести в апреле в Чикаго конференцию по вопросу о военном обучении в мирное время. Известный американский пацифист А.Маст вспоминал впоследствии: "Это было время, когда законопроект о военном обучении в мирное время был внесен в конгресс, и многим людям нужна была организация, чтобы выразить свое несогласие с ним"²⁹. В апреле эта конференция была проведена. На ней присутствовало 250 человек. Один из руководителей "Диротворцев" Милтон Мэйер заявил, что армия делает из людей убийц. Единственное, что она может тщательно делать, — это готовить убивавших и убиваемых³⁰.

Пацифистская организация Американский комитет друзей службы доказывала в своих заявлениях, что "каждый шаг, который делает нация для увеличения своей безопасности, соответственно уменьшает безопасность соседей". И, следовательно, "воинская повинность сделает безопасность невозможной, а войну неизбежной"³¹.

Отрицательное отношение к законопроекту было высказано многими религиозными организациями. Сенатор Лэнджер /Северная Дакота/ зачитал на одном из заседаний резолюцию, полученную им от Конгресса братьев евангелической церкви. В ней говорилось: "Мы уверены, что эта программа обязательного военного обучения в мирное время не послужит интересам постоянного мира, т.к. приведет к гонке вооружений среди наций, которые совсем недавно были союзниками в войне"³². Подобные послания от отдельных религиозных деятелей и целых организаций получали другие сенаторы и конгрессмены³³. С критикой выступили Федеральный совет церковей Христа в Америке, Объединенный совет религиозных женщин, Национальная католическая конференция благополучия, Совет синагог Америки, основные объединения протестантов.

Тревогу и озабоченность выражали самые различные слои общества. Одной из первых, если не первой организацией, выдвинувшей резолюцию против всеобщего военного обучения в мирное время, была Комиссия по политике в области образования из Национальной ассоциации образования. К середине 1947 г. большинство основных религиозных, фермерских, образовательных и рабочих организаций присоединилось к этой резолюции. Среди образовательных организаций активно критиковали предложение правительства Американская федерация учителей, Американский совет по образованию, Конгресс родителей и учителей, Ассоциация школьных администраторов, Национальная ассоциация католического образования и др.

Три ведущих фермерских организаций — Американское фермерское

федеральное бюро, Национальный союз фермеров и Американская ассоциация фермеров – присоединили свой голос к протесту против этого законопроекта.

Ученые, которые вели борьбу против использования атомной энергии в военных целях, поддержали движение против воинской повинности, выступив с призывом "Безумная гонка к войне должна быть остановлена!". А. Эйнштейн, председатель Чрезвычайного комитета ученых-атомщиков, заявил: "Длительный мир невозможен, если страны будут угрожать друг другу силой. Только честные усилия обеспечат доверие между народами"³⁴. Среди американских ветеранов протест выразил Американский комитет ветеранов.

К критикующим голосам присоединили свои члены профсоюзов, входящих в состав КПШ. Объединенные горные рабочие стали одной из ведущих рабочих организаций в борьбе против этого законопроекта. В резолюции, принятой на национальном съезде КПШ 22 ноября 1946 г., указывалось, что рядовые люди требуют прежде всего не милитаризации американского общества для завоевания господствующего положения в мире, а "выполнения основ политики покойного президента, направленной к дружбе и единству всех великих союзников военного времени"³⁵.

В борьбу активно включились также прогрессивные организации, как Американский всеславянский конгресс, Национальный совет американо-советской дружбы. На митингах, проводившихся этим советом и собиравших большое количество народа, доказывалось, что США и СССР – недавние союзники – должны жить в мире, а не вооружаться друг против друга. Третий съезд Американского всеславянского конгресса в сентябре 1946 г., на котором присутствовало более 2 тыс. делегатов, вынес резолюцию, осуждавшую империалистическую политику президента Г. Трумена.

Многие американцы выражали свой протест, отправляя письма и телеграммы сенаторам и конгрессменам. Сенатор Кэпшер /Канзас/ получил меморандум с выражением протеста, подписанный 175 жителями города Винфилда, сенатор Лэнджер /Северная Дакота/ – от 136 жителей своего штата. Конгрессмен Миллер /Небраска/ заявил, что в его почте только в одном письме из каждых десяти одобряется предложение президента. "Люди больше озабочены возвращением ребят из армии, чем удерживанием их там", – сказал он³⁶.

Такая мощная волна протеста заставила вашингтонских политиков остерегаться прямолинейного подхода к этому вопросу. Правительству и военному министерству не удавалось провести этот за-

конопроект через конгресс до лета 1948 г. Постепенно антикоммунистическая, антисоветская пропаганда все глубже проникала в сознание американцев. Чехословацкий кризис, спровоцированный американским империализмом, еще больше накалил атмосферу весной 1948 г. "Напряженность между США и СССР, — пишет американский автор Р. Дивайн, — достигла критического уровня, который привел к общему опасению, что война неизбежна"³⁷. В политических кругах и прессе США широко обсуждался вопрос о возможности и даже вероятности вооруженного конфликта с СССР. Министр обороны Д. Форрестол в феврале-марте 1948 г. провел демонстративную проверку готовности военных ведомств к войне. "Администрация намного преувеличила свою мрачную оценку и возмущение событиями в Чехословакии, — заметил американский автор Д. Ерджин, — чтобы добиться поддержки конгресса по четырем ключевым программам: "плану Маршалла", всеобщему военному обучению, восстановлению воинской повинности и наращиванию ассигнований на нужды ВВС. Представители администрации рассуждали о неизбежности немедленного конфликта, чтобы получить возможность подготовиться к длительной борьбе"³⁸.

В условиях военного психоза госсекретарь Маршалл 2 марта 1948 г. потребовал от сенатского комитета по военным делам срочных действий по принятию закона о военной подготовке молодежи. 17 марта на объединенном заседании обеих палат конгресса выступил президент Г. Трумэн с речью, в которой утверждал, что в "Европе происходят быстрые изменения, затрагивающие внешнеполитику и национальную безопасность США"³⁹. Он рекомендовал ввести систему обязательной воинской повинности, всеобщего военного обучения. Министры Маршалл, Форрестол, Ройял, Суливан, Саймингтон своими выступлениями в сенате нагнетали страх и тревогу за безопасность США. Форрестол настаивал на немедленном введении временного закона об обязательной воинской повинности для мужчин от 19 до 25 лет и обязательного военного обучения для 18-19-летних. Генерал Эйзенхауэр в своем выступлении горячо одобрил это.

Однако несмотря на обстановку военного психоза в Соединенных Штатах, правительство и Пентагон смогли добиться только принятия закона об обязательной воинской повинности. Система обязательного военного обучения так и не была принята конгрессом.

2 апреля 1948 г. министр обороны Дж. Форрестол представил сенатскому комитету по делам вооруженных сил детальный проект билля. 3 апреля слушания в сенатском комитете были закончены. В ко-

митете палаты представителей оня продолжались до 3 мая. 10 июня сенат 78 голосами против 10 принял законопроект. Затем его передали в палату представителей, где он был принят 18 июня 283 голосами против 130, но со многими поправками. Была образована согласительная комиссия, которая заседала 19 июня в течение 17 часов. После того, как было найдено компромиссное решение, билль был принят обеими палатами. 24 июня 1948 г. президент поставил под ним свою подпись. Закон об обязательной военной повинности предусматривал службу в течение 21 месяца для мужчин от 19 до 25 лет и добровольную запись на один год в любые регулярные войска для прохождения военного обучения для 18-летних⁴⁰.

Впервые в истории США обязательная военная повинность была введена в мирное время. С этого времени милитаризация становится постоянно действующим фактором американской жизни. К 1950 г. вооруженные силы США насчитывали уже около 2,5 млн. человек, что являлось беспрецедентным для мирного времени. Война в Корее дала возможность преодолеть в основном сопротивление американской молодежи военной повинности. 30 июля 1950 г. президент подписал приказ, отменявший ранее установленный "потолок" для вооруженных сил. Их максимальное число определялось теперь в 5 млн. человек. В июне 1951 г. был принят закон об обязательной военной службе юношей с 18 лет, предусматривавший пребывание в войсках в течение 6 месяцев, а затем - 6 месяцев в резерве⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Международные отношения после второй мировой войны. - М., 1962. - Т. I. - С. 353; Соин Н. И. Соединенные Штаты Америки на втором этапе общего кризиса капитализма. - М., 1955. - С. 22.
- 2 Новое время. - 1946. - № 3. - С. 19-20.
- 3 Там же.
- 4 Там же.
- 5 Truman H.S. Memoirs by Harry S. Truman. - Vol. 1. Years of Decisions. - N.Y., 1955. - P. 509;
- Яковлев И. Н. Новейшая история США. - М., 1961. - С. 454.
- 6 Риджуэй М. Солдат. - М., 1958. - С. 187.
- 7 Богданов Р. Г. США: военная машина и политика. - М., 1983. - С. 81.
- 8 CR. - Vol. 91. - Pt. 8. - P. 9935.

- 9 Daily Worker. -1945.- Oct.24.
- 10 Sherry M. Preparing for the next war. American plans for post-war defense, 1941-1945. - L.,1977. - P.194.
- 11 New York Times. - 1946. - March 17.
- 12 Богданов Р.Г. Указ. соч. - С.81.
- 13 Новое время. - 1948. -№ 17. - С.17.
- 14 Всемирная история. - М.,1977. - Т. II. - С.202.
- 15 Daily Worker. - 1945. -Oct. 24.
- 16 Ibid. - 1946. - April 18.
- 17 Ibid. - 1947. - August 4.
- 18 Nation. - 1946. - Febr.2.- P.117.
- 19 Ibid. - 1946. -April 20. - P.456.
- 20 New Republic. - 1947. -August 25. - P.10.
- 21 Ibid. - 1947. -Dec. 1. - P.12-13.
- 22 Nation. - 1946. -August 17. - P.176-177.
- 23 Wittner L.S. Rebels against war. The American Peace Movement 1941 - 1960. - N.Y.,1969. - P.162.
- 24 CR. - Vol.91. - Pt.13. - P.A5538.
- 25 Wilson E.R. Uphill for Peace. Quaker Impact on Congress. Richmond, 1975. - P.192-193.
- 26 Wittner L.S. - Op. cit. - P.163.
- 27 Ibid. - P.155.
- 28 "Миротворцы" появились в конце 1947г. в результате слияния ряда пацифистских организаций.
- 29 Wittner L.S. - Op. cit. - P.157.
- 30 Ibid. - P.163.
- 31 Ibidem.
- 32 CR. - Vol. 91. - Pt.8. - P.11705.
- 33 Ibid. - Pt.13. - P.A4671, A5102, A5278.
- 34 Wittner L. . - Op. cit. - P.106.
- 35 Большевик. -1946. -№ 22. - С.64.
- 36 CR. - Vol.91. - Pt.13. - P.A4471.
- 37 Divine R.A. The Cold War and the Election of 1948.// The Journal of American History. -Vol.LIX. - June 1972. -N 1. - P.91.
- 38 Богданов Р.Г. Указ. соч. - С.83.
- 39 CR. - Vol.94. - Pt.3. - P.2996-2998.
- 40 Ibid. - Pt.8. - P.9252-9254.
- 41 Яковлев Н.Н. Указ. соч. - С.648.

ДИПЛОМАТИЯ США В СВЯЗИ С ПОДГОТОВКОЙ IX МЕЖАМЕРИКАНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В БОГОТЕ В 1948 г.

Л.Н. Смолякова

Внешнеполитический курс США в отношении стран Латинской Америки после второй мировой войны определялся глобальной стратегией американского империализма, которая состояла в стремлении укрепить экономические и политические позиции Соединенных Штатов во всем мире.

За годы второй мировой войны американские монополии значительно укрепили свое экономическое положение в странах Латинской Америки, потеснив конкурентов из Германии и Англии. Проникновение американского капитала в Латинскую Америку шло преимущественно на частно-монополистической основе. Соотношение частных и государственных инвестиций США в латиноамериканских странах составило 93 и 7%, в других районах это соотношение было соответственно 67 и 33%. Для правящих кругов США в первые послевоенные годы Латинская Америка была, по выражению видного латиноамериканского ученого, профессора Чилийского университета Р.Некочеа, "уже завоеванным пространством, на котором можно было осуществлять безраздельное господство"¹.

Экономическое господство американского капитала явилось основой для дальнейшего укрепления военно-политического влияния Соединенных Штатов в странах Латинской Америки. Важнейшим средством упрочения своих позиций в этом регионе правящие круги США считали реорганизацию межамериканской системы.

Подготовительная работа по усовершенствованию структуры Пан-американского союза была начата в 1942 г. после третьего совещания министров иностранных дел американских государств в Рио-де-Жанейро, по решению которого был создан особый комитет по подготовке материалов относительно переустройства межамериканской организации. Совещание утвердило также резолюцию о формировании Меж-американского совета обороны /МСО/, на который возлагались функции военного консультативного органа в вопросах "обороны Западного полушария" в условиях военного времени.

На межамериканском совещании министров иностранных дел в Мехико в феврале-марте 1945 г. была принята специальная резолюция по реорганизации межамериканской системы и достигнута договоренность о проведении в 1946 г. в Боготе межамериканской конференции для утверждения устава. Американской дипломатии удалось добиться подписания на этом совещании Чапультепекского акта, по которому пре-

дусматривалось согласование между странами Западного полушария мер противодействия в случае любого нападения на одно из государств этого региона.

В апреле 1946 г. проект устава был разработан Руководящим советом Панамериканского союза, направлен правительствам американских государств на рассмотрение. По замыслу американской дипломатии наиболее сложная часть вопросов устава, касающаяся заключения военного союза американских государств, должна была стать предметом обсуждения особой межамериканской конференции министров иностранных дел стран Западного полушария, которая была перенесена с октября 1945 г. на август-сентябрь 1947 г. Принятый в Рио-де-Жанейро межамериканский договор о "взаимной помощи" конкретизировал положение Чапультепекского акта об "обороне полушария" путем включения статьи, признающей актом агрессии не только любое вооруженное нападение на американское государство, но и любую "ситуацию, которая может быть опасна миру в Америке". Известный американский историк Бемис откровенно заметил, что речь шла о возможных "коммунистических революциях, инспирированных из-за рубежа"².

IX межамериканская конференция, намеченная на март-апрель 1948 г., должна была осуществить реорганизацию межамериканской системы и принять устав. Госдепартамент придавал важное значение вопросу централизации власти в рамках этой системы и созданию такой структуры организации, которая позволила бы США использовать ее в своих интересах. Для дальнейшего совершенствования военного механизма межамериканской системы предусматривалось создание нового органа - Консультативного комитета обороны /ККО/, предназначавшегося для решения военно-стратегических проблем в целях применения договора о "взаимной помощи". В ходе подготовки конференции разрабатывалась резолюция, согласно которой МСО должен был превратиться в постоянный военно-консультативный орган, состоящий из представителей генеральных штабов США и стран Латинской Америки и призванный решать вопросы, связанные с "обороной полушария". Американская дипломатия намеревалась превратить этот орган в важнейший инструмент вовлечения латиноамериканских стран в разрешение вопросов военной политики, отвечающей интересам США.

Стремление закрепить в уставе Организации американских государств основные положения военного договора 1947 г., создать ККО, которому отводилась роль военного штаба на случай войны, и сохранить МСО в качестве постоянного органа свидетельствовало о намере-

нии американских правящих кругов придать межамериканской системе функции регионального военного союза. Создание системы, которая не только обеспечила бы США руководящее положение в межамериканской организации, но и позволяла бы им поставить под свой контроль политику латиноамериканских государств, — такова была цель американского империализма.

Государственный департамент в процессе подготовки к конференции стремился не включать в повестку дня обсуждение вопросов, которые могли бы вызвать существенные разногласия между делегатами американских государств, заботясь прежде всего о положительном исходе всей конференции. Путем создания региональной организации правящие круги США стремились обеспечить себе поддержку в Генеральной Ассамблее ООН, в которой четверть голосов приходилась на латиноамериканские страны. "Поддержка в ООН — наиболее важная... политическая помощь, которую Латинская Америка оказывает Соединенным Штатам", — писал позже американский историк Т.Палмар³.

Правящие круги США стремились прежде всего обеспечить создание военных баз и расширить поставки стратегического сырья и нефти из Латинской Америки⁴. За годы второй мировой войны объем поставок стратегического сырья из Латинской Америки в США значительно увеличился. В 1948 г. на страны Латинской Америки приходилось 60% бокситов, 30% медной и оловянной руды, более 20% свинцовой руды и нефти, добываемых в капиталистическом мире⁵. Для США Латинская Америка являлась источником около 35 видов стратегического сырья. К середине 50-х гг. Соединенные Штаты более чем на половину обеспечивали себя сурьмой, бокситами, бериллом, на одну треть — медью, свинцом за счет поставок из латиноамериканских стран⁶.

В материалах, подготовленных в 1948 г. в госдепартаменте, отмечалось, что в течение пяти лет из Латинской Америки в США будет ввозиться ежегодно сырья на 50–80 млн. дол. Особая заинтересованность проявлялась в отношении экспорта меди и свинца. В этот период США намеревались закупить меди на сумму 200 млн. дол. и свинца — на 75 млн. дол.⁷

Военное министерство исходило из того, что Латинская Америка является для США наиболее надежным источником сырья на случай войны, в первую очередь потому, что находится рядом с Соединенными Штатами и имеет фактически все необходимые для военной промышленности виды сырья. Именно эти обстоятельства объясняют обеспокоенность министра обороны Форрестола относительно "гарантии наличия всех важнейших материалов для военной экономики", которую он вы-

разил в письме к госсекретарю Маршаллу от 17 марта 1948 г. Военное ведомство считало необходимым внести вопрос о стратегических материалах на обсуждение конференции в Боготе. Однако в госдепартаменте придерживались другой точки зрения, предполагая не прибегать к заключению многостороннего соглашения о поставках стратегических материалов из латиноамериканских стран, так как опасались того, что латиноамериканские делегации в ответ на это могут потребовать финансовой помощи от США.

4 марта 1948 г. госсекретарь Маршалл в письме Форрестолу сообщал, что в повестку дня конференции включено обсуждение вопроса об экономическом сотрудничестве, которое должно обеспечить многостороннюю основу для разработок источников сырья и заключения двусторонних соглашений с латиноамериканскими странами. Ведущую роль в эксплуатации природных богатств правящие круги США отводили частному предпринимательству. Американская делегация на IX межамериканской конференции должна была добиться одобрения латиноамериканскими представителями положений о "либерализации налоговых законов" с тем, чтобы "стимулировать свободный приток частных иностранных инвестиций". США также отводили важное место Латинской Америке в осуществлении "европейской программы реконструкции", т.е. "плана Маршалла". Государственным департаментом была создана специальная рабочая группа по стратегическим материалам для выработки рекомендаций относительно приобретения сырья в различных районах мира. В апреле 1948 г. для разработки программы использования стратегических материалов стран Латинской Америки была оформлена группа, куда вошли представители госдепартамента и военных ведомств. Вскоре обе группы были объединены⁸.

В послевоенный период США оставались крупнейшим производителем нефти в мире. Однако в годы войны резервные мощности были использованы. Значительные поставки нефти в США шли из Латинской Америки, в которой, по данным на 1950 г., находилось 24% разведанных мировых запасов нефти⁹. Колоссальные прибыли получали американские монополисты, эксплуатируя беспощадно природные ресурсы и дешевую рабочую силу слаборазвитых в экономическом отношении государств Латинской Америки, а также стран Ближнего и Среднего Востока. Если в 1938 г. на американские нефтяные монополии приходилось 20% всех чистых прибылей, получаемых капиталом США в Западном полушарии, то в 1945 г. - 45,7%¹⁰. Однако существенную угрозу их интересам представляло стремление латиноамериканских стран ограничить влияние иностранных нефтяных компаний путем национали-

зации нефтяной промышленности. В конце 30-х гг. Мексика, Боливия, Бразилия осуществили национализацию собственности господствовавших в их странах монополий США, в ряде латиноамериканских стран были приняты законы, ограничивавшие деятельность иностранного капитала в нефтяной промышленности. Существенную роль в процессе осуществления политики США в отношении латиноамериканской нефти играла позиция Пентагона. В начале апреля 1948 года в американской печати появилось сообщение о том, "что министр обороны Форрестал признал, что арабская нефть, возможно, будет бесполезной во время войны, поэтому нефть из Западного полушария предпочтительнее"¹¹.

Для достижения своей цели в деле расширения возможностей США в добыче латиноамериканской нефти американское правительство использовало Межамериканский совет обороны. В марте 1948 г. на пленарной сессии совета был рассмотрен документ, рекомендованный комитетом, координирующим деятельность вооружённых, военно-морских и военно-воздушных сил, который содержал требование о настоятельной "необходимости развития дополнительных поставок нефти Западного полушария для обороны континента". В принятой на сессии соответствующей резолюции, ссылаясь на основные принципы межамериканского договора о "взаимной помощи", совет решил рекомендовать правительствам американских республик разработать меры для увеличения производства нефти, расширения исследовательских и изыскательских работ для освоения новых нефтяных источников в "интересах обороны полушария"¹².

На готовившейся межамериканской конференции американская дипломатия не хотела сама ставить вопрос о нефти. Госсекретарь Маршалл в письме дипломатическим представителям в американских республиках, имеющих нефтяные источники, отмечал, что США будут готовы обсудить проблему, если она будет поднята одной из латиноамериканских стран. Он также подчеркивал, что американская делегация должна всеми средствами убедить представителей латиноамериканских стран в заинтересованности США в развитии их нефтяных источников, рекомендовал использовать "идеи безопасности полушария, проведения индустриализации экономики". В этом же документе излагалась позиция США относительно "помощи" латиноамериканским странам в развитии нефтяной промышленности. Финансирование и поставка оборудования для разработок источников нефти должны были осуществляться на основе частного предпринимательства. Предлагалось рекомендовать

латиноамериканским правительствам пересмотреть некоторые законы, которые ограничивают возможности вложения американского капитала в нефтяную промышленность¹³. В качестве примера латиноамериканским странам ставилась Венесуэла, которая вместе с США производила в 1948 г. около 90% всей нефти Западного полушария. Венесуэльское правительство позволяло американским компаниям вывозить до 50% добываемой нефти Западного полушария. Венесуэльское правительство позволяло американским компаниям вывозить до 50% добываемой нефти, что ввиду низкой себестоимости нефти /себестоимость I барреля венесуэльской нефти была в 4 раза ниже себестоимости I барреля нефти, добываемой в Соединенных Штатах/ приносило огромные прибыли нефтяным магнатам США. Американские монополисты и госдепартамент учитывали, что при недостатке финансовых средств, необходимого оборудования для развития нефтяной промышленности, а также источников сырья правительственные круги латиноамериканских государств вынуждены будут пойти навстречу американским компаниям.

В феврале 1948 г. начались неофициальные переговоры между представителями США и Мексики относительно участия американского капитала в разработке мексиканских нефтяных источников. Сначала госдепартамент надеялся достигнуть соглашения к началу конференции в Боготе и объявить результаты переговоров всем делегатам. По замыслу американских правящих кругов, принятие условий, выгодных американскому капиталу, Мексикой, которая одной из первых сделала крупные шаги в развитии национальной нефтяной промышленности, должно было облегчить проникновение нефтяных монополий США в другие латиноамериканские страны.

Мексиканское правительство представило программу, в которой были изложены основные условия для заключения соглашения с иностранными компаниями. Программа предусматривала получение иностранным капиталом прибыли в размере 10–20% стоимости добываемой нефти и предоставление права контроля за поступлением доходов мексиканскому правительству. Госдепартамент ознакомил с предложениями Мексики представителей крупных нефтяных компаний, собственность которых была национализирована. Крупнейшие нефтяные магнаты США были единодушны в желании продолжать переговоры при условии предоставления им более высокого уровня прибылей и исключения права контроля мексиканского правительства над финансовыми операциями¹⁴.

Переговоры между США и Мексикой относительно возвращения в

Мексике ведущих американских нефтяных монополий накануне конференции не дали результатов. Американское правительство, идя навстречу интересам нефтяных компаний, стремилось обеспечить выгодные условия вклада капиталов в нефтяную промышленность Мексики. Мексиканское правительство опасалось нового подъема антиимпериалистического движения и, несмотря на недостаток капиталов и стремление мексиканских капиталистов извлечь прибыль из сотрудничества с американскими монополиями, добивалось сохранения контроля над своими нефтяными источниками.

Правительство США придавало большое значение использованию военных баз на территории латиноамериканских государств в мирное время. К концу второй мировой войны Соединенные Штаты имели там 92 воздушные и морские базы. Попытки приобрести базы в долгосрочное пользование путем заключения двусторонних соглашений с латиноамериканскими странами в 1944-1945 гг. закончились для США безуспешно, за исключением Бразилии, которая подписала в 1944 г. секретное соглашение на 10 лет о предоставлении воздушных баз Соединенным Штатам¹⁵.

Вопрос о базах стал предметом изучения в Объединенном комитете начальников штабов, который в мае 1946 г. рекомендовал добиваться заключения подобных соглашений. По предложению госдепартамента переговоры были отложены до проведения конференции американских государств в Рио-де-Жанейро, которая состоялась в августе 1947 г. Министерство обороны, определяя задачи предстоявшей меж-американской конференции в Боготе, считало необходимым поставить вопрос о заключении общего соглашения относительно баз в Западном полушарии. Форрестол в письме госсекретарю от 21 января 1948 г. настаивал на том, чтобы госдепартамент предпринял действия для включения вопроса о базах в повестку конференции. В ответном письме Маршалл сообщал, что предложение Форрестола было обсуждено на заседании комитета, состоящего из представителей госдепартамента, вооруженных сухопутных, морских и воздушных сил, который пришел к решению отказаться от многосторонней основы для заключения соглашения по вопросу об использовании латиноамериканских баз в мирное время. Конференция в Боготе, писал он, не рассматривается латиноамериканскими странами как носящая военный характер. Обсуждение вопроса о базах может привести к горячим дискуссиям с маловероятной перспективой прийти к заключению такого соглашения, к какому стремилось военное ведомство США. Имея в виду нежелание правительств латиноамериканских стран идти на предоставление прав

США использовать базы и напряженность отношений между некоторыми странами Латинской Америки, госдепартамент решил избрать путь двусторонних переговоров. Для урегулирования этой проблемы в дальнейшем предполагалось также использовать МСО¹⁶.

Американские правящие круги придавали большое значение установлению контроля над вооруженными силами стран Латинской Америки, который в значительной степени облегчал осуществление империалистических целей США. К концу второй мировой войны в Латинской Америке насчитывалось 17 американских военных миссий¹⁷. США передали по ленд-лизу латиноамериканским государствам оружия на сумму более 400 млн. долларов. После прекращения в октябре 1945 г.

поставок по ленд-лизу оружие продолжало поступать из Соединенных Штатов в соответствии с законом 1944 г. о военных излишках. Считая этот закон "временной программой", госдепартамент выступил с предложением о межамериканском военном сотрудничестве, известным как план Трумэна о "стандартизации вооружений", внесенным на рассмотрение в конгресс в мае 1946 г. Несмотря на то, что дважды обсуждаемый план так и не нашел одобрения в конгрессе в 1946-1947 гг., госдепартамент намеревался поставить вопрос об обсуждении его на сессии конгресса в июне-июле 1948 г. Однако, как свидетельствует документ, принятый на заседании комитета по вооружению и вооруженным силам 30 января 1948 г., госдепартамент не возлагал больших надежд на успешное его решение в конгрессе и намеревался в будущем активно поддерживать продажу оружия латиноамериканским странам коммерческим путем¹⁸.

Можно согласиться с оценкой американских авторов, которые называют поставки оружия "краеугольным камнем американской внешней политики"¹⁹. Анализ продажи оружия США различным странам мира в 1947 - первой половине 1948 г. показывает, что значительная доля поставок предназначалась гоминьяновскому режиму, Турции и Греции. Лишь седьмая часть всех поставок в этот период шла в страны Латинской Америки. В соответствии с американскими стратегическими планами первостепенная роль в деле поставок оружия отводилась странам, граничащим с СССР²⁰.

Американская военная "помощь" в первую очередь оказывалась реакционным проамериканским режимам в Латинской Америке. Выдвигая определенные условия при поставке оружия, США стремились обеспечить себе право полного распоряжения вооруженными силами латиноамериканских стран, передав им полицейско-жандармские функции для борьбы с национально-освободительным движением как внутри За-

падного полушария, так и за его пределами.

На межамериканской конференции в Боготе США стремились добиться закрепления военно-политической направленности Панамериканского союза. Исключение из повестки дня конференции вопросов военно-стратегического значения не означает, что они были упущены из виду. Документы переписки госсекретаря и министра обороны свидетельствуют о том, что этим проблемам придавалось большое значение. Но открытое обсуждение их на конференции могло раскрыть истинные цели США, которые стремились превратить Латинскую Америку в послушное орудие для осуществления глобальных целей американского империализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Некочев Р. США и Латинская Америка. 1930-1965. - М., 1967. - С. 107.
- 2 Bemis S.F. A Diplomatic History of the United States. - N.Y., 1955. - P. 780.
- 3 Palmer T.W. Search for Latin American Policy. - Gainesville, 1955. - P. 26.
- 4 Ibid. - P. 21.
- 5 Латинская Америка в цифрах. - М., 1979. С. 68-69.
- 6 Palmer T.W. - Op. cit. - P. 20.
- 7 Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FR). 1948. - Vol. IX. - Wash., 1972. - P. 235-236.
- 8 Ibid. - P. 235-236.
- 9 Латинская Америка в цифрах... - С. 92.
- 10 Вольский В.В. Латинская Америка, нефть и независимость. - М., 1964. - С. 85.
- 11 Congressional Record (CR). - Vol. 94. - Part 4. - P. 4459.
- 12 FR. 1948. - Vol. IX. - P. 245, 248.
- 13 Ibid. - P. 243.
- 14 CR. - Vol. 94. - Part 4. - P. 4459-4460.
- 15 Янчук И.И. Политика США в Латинской Америке / 1939-1945 / - М., 1975. - С. 214.
- 16 FR. 1948. - Vol. IX. - P. 209-211.
- 17 Тарасов К.С. Военно-стратегическая экспансия США в странах Латинской Америки после мировой войны. - В кн.: Проблемы совре-

менной Латинской Америки.-М.,1959.-С.70.

18 FR.1948.-Vol.IX.-P.212-213.

19 Arms Transfers and American Foreign Policy.-N.Y.,1979.-P.23.

20 The Department of State Bulletin.-1948.-January 25.-P.122.-
July 4.-P.26.-October 24.-P.529.

ЯПОНИЯ В ПЛАНАХ США В 1948-1949 гг.

И. Н. Лавренко

После подписания акта о капитуляции Японии 2 сентября 1945 г. она была оккупирована американскими войсками, правда, в оккупации принимали участие незначительные контингенты войск Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, но их присутствие носило чисто номинальный характер.

Для начального периода оккупации Японии (1945-1948 гг.) характерно преобладание ограниченных буржуазно-демократических преобразований, осуществленных оккупационной администрацией США. Хотя эти мероприятия не всегда осуществлялись последовательно и глубоко, их значение нельзя недооценивать: Япония была в значительной степени очищена от бремени феодальных пережитков, хотя реформы носили ограниченный буржуазно-демократический характер¹.

Во внешнеполитическом аспекте, однако, данный курс сопровождался последовательными акциями по созданию монопольного контроля над Японией со стороны американской администрации с отказом от сотрудничества с Советским Союзом по вопросу будущего мира на Дальнем Востоке. В целом в данный период в проведении своей агрессивной политики на Дальнем Востоке США опиралась на союз с гоминьдановским режимом в Китае. Японии при этом отводилась роль последовательно антикоммунистического, но пассивного союзника западного мира на Тихом океане, роль "тихоокеанской Швейцарии"².

Первые попытки американской дипломатии начать переговоры о мирном договоре на Тихом океане относятся к первой половине 1947 г. Сильнейшим образом "стимулировал" данные действия подъем классовой борьбы внутри Японии зимой 1946-1947 гг. Обострились противоречия между оккупационными войсками и населением, происходила деморализация и потеря боевых свойств оккупационных войск и т.д.³

Главным препятствием в попытках американской дипломатии заключить мирный договор с Японией в выгодном для США варианте являлась решительная и последовательная позиция СССР, строго требовавшего выполнения условий Потсдамской декларации относительно заключения мирного договора.

Вскоре для США оказалось невыгодным энергично осуществлять подготовку к заключению мирного договора с Японией; установки и планы американской политики на Дальнем Востоке стали существенно изменяться, и в этих планах американского руководства Японии от-

водилась уже принципиально другая роль. В апреле 1947 г. специальный объединенный стратегический комитет при Объединенном комитете начальников штабов (ОКНШ) подготовил доклад "Помощь США другим странам с точки зрения национальной безопасности"⁴.

Документ не сыграл существенной роли в определении направлений и целей американской внешней политики, в том числе в отношении Японии. Тем не менее высказанное в нем положение, в основном представлявшее точку зрения военного руководства США о том, что приоритет в глобальной политике США отводится Западной Европе, а Японии отводилась в будущем роль равноправного военно-политического союзника США с открытой антисоветской направленностью, было характерным: "Япония—единственная страна, которая могла бы сдерживать вооруженные силы наших идеологических противников на Дальнем Востоке, тогда как США и их союзники на Западе развернут наступление в этом регионе"⁵.

Американское военное руководство, традиционно связанное с наиболее консервативной и реакционной частью американского правящего класса, отводило такую важную роль Японии в агрессивных планах США, в первую очередь, исходя из вывода об ограниченных ресурсах американской военно-политической и экономической мощи на Дальнем Востоке. Подобный подход предусматривал отказ от ориентации на гоминьдановцев, вооруженные силы которых терпели тяжелые поражения в боях с Народно-освободительной армией Китая.

В процессе принятия решений по внешней политике США важную роль начал играть отдел политического планирования (ОПП) госдепартамента, возглавленный автором доктрины сдерживания Дж.Кеннаном. Убеждение в ограниченности американских военно-экономических ресурсов (усиленное скептическим отношением к возможностям США воздействовать на ход политических событий на азиатском материке, особенно после неудачи миссии Дж.Маршалла в Китае в 1946—1947 гг.), стремление откrestиться или закамуфлировать непопулярную политику поддержки реакционного гоминьдановского правительства в Китае — все эти и другие факторы так или иначе способствовали утверждению в госдепартаменте США мнения о целесообразности "ухода США из (материковой) Азии". Этот вывод и свой особый расчет мирового баланса сил давал Дж.Кеннану повод выразить свою озабоченность и беспокойство по поводу правильности направления развития и ориентаций американской политики на Дальнем Востоке⁶.

В феврале 1948 г. в одном из обзоров внешней политики США,

подготовленном Кеннаном в качестве документа ОШП, была оделана попытка наметить очертания "всеобщей стратегической доктрины для западной части Тихого океана"⁷. В этом документе, как, впрочем, и в еще более раннем докладе Кеннава, представленном госсекретарю в ноябре 1947 г., проводилась следующая мысль относительно политики США в отношении Японии: политика демократизации, демилитаризации, декартелизации, проводившейся в ходе оккупации Японии, якобы исчерпала себя и, более того, на современном этапе, писал Кеннан, стала "губительна", т.к. оставляет страну беззащитной перед "внутренним (!) наступлением коммунизма", поэтому он предлагал сменить курс оккупационной политики, в первую очередь с целью укрепления позиций правящего класса Японии и его прозападной ориентации.

Предполагалось, что после такой стабилизации и укрепления капиталистического строя Япония будет играть роль "краеугольного камня" (наряду с Филиппинами) "в оборонительной системе США на Тихом океане", при условии сохранения "эффективного американского контроля над ней"⁸. По заданию госдепартамента Дж.Кеннан отправился о визитом в Японию, в первую очередь, для встречи с командующим оккупационными войсками генералом Д.Макартуром. Именно в беседах между Кеннаном и Макартуром в марте 1948 г. начали вырисовываться новые контуры американской агрессивной военно-политической доктрины на Дальнем Востоке; генерал "сдвинул" несколько главные опорные базы США севернее (по сравнению с предыдущим периодом), на Окинаву, и предложил создание в рамках упомянутой системы "оборонительной цепи" вдоль побережья Восточной Азии: от Алеутских островов и далее на юг, через Японию и острова Рюкю, до Филиппин, затем через Маджуэй, чуть ли не до Австралии⁹.

Следует заметить, что единодушие в оценках значения и перспектив Японии для американских стратегических планов, к которому пришли Дж.Кеннан и Д.Макартур, имело определенное значение для координации взаимных действий на Дальнем Востоке военного руководства США и госдепартамента и устранения определенных разногласий, существовавших между ними по вопросу дальневосточной политики. Кеннан уехал из Японии, полностью удовлетворенный результатами визита: его выводы о необходимости смены курса американской политики в Японии были одобрены главным представителем исполнительной власти США в Японии главнокомандующим оккупационными войсками¹⁰. Кроме того, поддержка Д.Макартура играла особо важную роль, т.к.

генерал пользовался значительным авторитетом и влиянием в американских правящих кругах.

Рекомендации по политике США в Японии, представленные Дж. Кеннаном руководству госдепартамента по окончании визита, сводились к следующему: 1) отказ от не отвечающих внешним интересам США планов мирного урегулирования с Японией в связи с тем, что возможно политическое поражение правящей проамериканской группировки в Японии в результате демократического подъема в этой стране; 2) продолжение оккупации со следующими целями: вместо проведения буржуазно-демократических реформ начать комплексное "восстановление" Японии как самостоятельной политической державы, центра силы на Дальнем Востоке; "восстановление" осуществлять путем укрепления позиций правящих кругов Японии, охотно сотрудничающих с США и настроенных яростно антисоветски через поощрение экономического развития, главным образом, старой монополистической системы дзайбацу. Кроме того, рекомендовалось восстановить и укрепить полицейско-репрессивный аппарат для подавления демократических сил в стране. До заключения мирного договора сохранять американские "тактические силы" в качестве гаранта выполнения вышеуказанных целей, возможность пребывания американских войск в Японии после подписания мирного договора с ней предлагалось определить в будущем¹¹.

Суть предложенной политики заключалась в превращении Японии в главного политического союзника США на Дальнем Востоке и плацдарм для размещения американских войск. Впоследствии в мемуарах Дж. Кеннан отрицал, что он рекомендовал создание военно-политического союза между США и Японией, хотя сама логика доктрины сдерживания, ее агрессивность не только допускали, но и вели к созданию именно военного союза и к сохранению американского военного присутствия в Японии.

Объективно план Дж. Кеннана предусматривал передачу роли и функций союзника США на Дальнем Востоке от чанкайшистского режима "восстановленной" Японии. Как пишет американский историк Дж. Гэддис, происходила перестройка представлений американского внешнеполитического истеблишмента о политике США на Дальнем Востоке, предпосылки для которой появились уже в 1947 г. в связи с неудачами американской политики в Китае¹², однако более или менее полная ориентация взглядов правящего класса США в целом на политику в отношении Японии произошла в конце 1948 г. и 1949 г., когда под ударами народно-освободительной войны был уничтожен ре-

акционный гоминьдановский режим в Китае. Хотя, конечно, инерция старых представлений и установок во взглядах руководства внешней политикой США в этой области долго имела значение.

Рекомендации Дж.Кеннана лишь в конце 1948 – начале 1949 г. стали основой для руководства оккупационной политикой в Японии¹³. Правда, не было ясно окончательно, какую военную роль может и должна играть Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе и как это будет оформлено юридически при заключении мирного договора с Японией. По свидетельству Дж.Кеннана, данная проблема, как и в целом проблема мирного урегулирования с Японией, стала предметом длительных разногласий между военными кругами и внешнеполитическим руководством США во второй половине 1949 – начале 1950 г.¹⁴

Проблема военного присутствия США в Японии и проблема обязательств Японии перед Соединенными Штатами нашла свое отражение в документе из серии директив Совета национальной безопасности (СНБ) США "Стратегическая оценка Японии для обороны США"¹⁵. Документ состоит из двух частей, подготовленных в разное время: "точка зрения" Объединенного комитета начальников штабов была представлена в СНБ в середине июня 1949 г., "замечания" госдепартаменту по поводу этого документа появились в конце сентября 1949 г. На содержание, тон и выводы обоих документов определяющее воздействие оказывали события в Китае: неизбежно надвигающееся поражение реакционного режима Чан Кайши и победа народной революции.

Опасаясь поражения проамериканских правящих кругов и в Японии, ОКНШ предлагал возможно быстрее восстановить военно-экономическую мощь Японии. Принимая во внимание, что японцы обладают значительным военным опытом, людскими и экономическими ресурсами, документ военного руководства предлагал создание японских вооруженных сил и превращение Японии в непосредственного военного союзника США, но в то же время генералы рекомендовали продолжать американскую оккупацию и сохранить "по крайней мере нынешнюю степень контроля над Японией" как, впрочем, и над всей островной цепью вдоль побережья Азии¹⁶. Концепция "оборонительного периметра", о которой более года назад говорили Д.Макартур и Дж.Кеннан, действительно приобретала более или менее очерченные контуры в американской стратегии на Дальнем Востоке. По мнению американского военного руководства, без Японии такой "периметр" невозможен, неэффективен, а Япония должна стать краеугольным камнем

в этой "цепи бастионов" США¹⁷.

Объединенный комитет начальников штабов рекомендовал отложить заключение мирного договора, пока не будет гарантирована уверенная и последовательная ориентация Японии на Запад¹⁸.

Документ госдепартамента США появился спустя три с лишним месяца после документа ОКНШ, за это время решился исход гражданской войны в Китае. Гоминьдановцы потерпели поражение. Победа народной революции в Китае, по мнению госдепартамента, чрезвычайно усилила значение Японии для США и их антисоветских планов¹⁹. В целом соглашаясь с выводами документа ОКНШ о важности географического положения, людских и экономических ресурсов Японии для борьбы с революционным и национально-освободительным движением в этом регионе и о "необходимости воссоздания и расширения военного потенциала Японии", госдепартамент рекомендовал содействовать укреплению буржуазного правительства Японии, углублению его проамериканской ориентации с тем, чтобы использовать Японию в качестве военно-стратегического плацдарма против Советского Союза и недопустить победы японских демократических и революционных сил²⁰.

Американские дипломаты считали, что заключение мирного договора с Японией (разумеется, "по-американски". - И.Л.) будет способствовать укреплению позиций США в Японии и развитию там "демократии западной ориентации"²¹. Но до тех пор, пока не будет уверенности в том, что правящие круги Японии будут проводить проамериканскую политику, решено было продолжать военную оккупацию Японии. Таким образом, военно-стратегические цели американского империализма и боязнь победы демократических сил в Японии определили суть и характер американской оккупационной политики. Проблема сроков заключения мирного договора не была решена, по этому поводу существовали определенные разногласия между военным руководством США и госдепартаментом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Современная внешняя политика США. : В 2-х томах. - Т.2. - М., 1984. - С.343.
- 2 Dunn F.S. Peace-making and the Settlement with Japan. - Princeton (N.J.), 1963. - P.59.
- 3 Yoshida Shigeru. The Yoshida Memoirs. - London-Melbourne-Toronto, 1961. - P.244.

- 4 Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945-1950/ Ed. by Th. H. Etzold and J.L. Gaddis. - N.Y., 1977. - P.71-83. /Далее Containment/.
- 5 Ibidem.
- 6 Gaddis J.L. The Strategic Perspectives: The Rise and the Fall of the "Defense Perimeter" Concept, 1947-1951. In: Uncertain Years. Chinese-American Relations. 1947-1950. Ed. by Borg D. and Heinrichs W. - N.Y., 1980. - P.67-68; Kennan G.F. Memoirs, 1925-1950. - Boston, 1967. - P.377.
- 7 Gaddis J.L. Op. cit. - P.62-63.
- 8 Containment... - P.228.
- 9 Ibid. - P.229.
- 10 Kennan G.F. Op. cit. - P.376-377.
- 11 Ibid. - P.391, 395.
- 12 Gaddis J.L. Op. cit. - P.60-70.
- 13 Kennan G.F. Op. cit. - P.392.
- 14 Ibid. - P.392-395.
- 15 Containment... - P.231-236.
- 16 Ibid. - P.232.
- 17 Ibidem.
- 18 Ibidem.
- 19 Ibid. - P.235.
- 20 Ibid. - P.234. Война в Корее в 1950-1953гг. стала проверкой такого рода готовности Японии содействовать США в военной агрессии.
- 21 Ibid. - P.235-236.

ПОЛИТИКА США ПО УКРЕПЛЕНИЮ ПОЗИЦИЙ АМЕРИКАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И ВОВЛЕ- ЧЕНИЮ ГРЕЦИИ И ТУРЦИИ В НАТО / 1949 - 1952 гг./

М.Я. Пелипасъ

Ситуация на южном фланге НАТО находится под пристальным внима-
нием американского империализма. "Трудный союз", "беспокойный тре-
угольник" - такие определения в 70-х-начале 80-х гг. стали обыч-
ными для выражения сущности отношений между Соединенными Штата-
ми, Турцией и Грецией¹. Выход Греции из военно-организации
НАТО в 1974 г., осложнившиеся в конце 70-х годов отношения США
и Турции нашли отражение в суждениях представителей американ-
ских правящих кругов на падение престижа Соединенных Штатов в
Средиземноморье. Тем настойчивее в американской буржуазной исто-
риографии превозносятся "успехи" послевоенной политики США в
этом регионе. Среди прославляемых акций Америки фигурирует пре-
жде всего "доктрина Трумэна". Действия американского правитель-
ства по вовлечению Греции и Турции в НАТО неизменно изображают-
ся как меры "оборонительные", направленные на достижение военно-
стратегического равновесия с Советским Союзом. На новом витке
гонки вооружений американская администрация президента Р.Рейга-
на в определенной степени воспроизводит политический курс пра-
вительства Г.Трумэна, которое в конце 40-х-начале 50-х гг. навя-
зало Советскому Союзу гонку вооружений и вело подготовку к ре-
ализации военно-стратегического превосходства. Установка амери-
канских ракет среднего радиуса действия на территории европей-
ских членов НАТО, стремление США разместить ракеты в Турции,
связанное с этими акциями американского империализма пропаган-
дистское прикрытие ставят перед советскими историками задачи
контрпропаганды. Исторические сюжеты, связанные с изучением фор-
мирования военной машины Североатлантического блока, находятся на
переднем крае идеологической борьбы.

Вопрос об участии Греции и Турции в создании Североатланти-
ческого блока активно обсуждался в правительственных кругах США в
1948-1949 гг. Тогда возобладали мнение, что эти две страны мо-
гут стать членами НАТО, но "не ранее чем Германия или Западная
Германия станет окончательно дружественной Западу"². Политика
США в отношении Греции и Турции определялась не только задачами
международного империализма в Западной Европе, но и тесно увя-
зывалась с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Усиление

борьбы народов за вывод иностранных войск с их земель, ослабление позиции Великобритании в этом регионе, активизация проникновения американских капиталов в нефтедобывающую промышленность арабских стран, создание государства Израиль привели к новой сложной расстановке политических сил в Восточном Средиземноморье. Разработки американской дипломатии нашли концентрированное выражение в памятной записке, подготовленной летом 1949 г. Ее автором был Г. Мерриам, один из наиболее искушенных в ближневосточных делах сотрудников комитета по планированию политики государственного департамента. В документе анализировалась ситуация в обширном регионе, включающем такие страны, как Греция, Турция, Ливан, Сирия, Израиль, Иордания, Египет, Судан, Эритрея, Эфиопия, Саудовская Аравия, Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан, Индия. Г. Мерриам отмечал, что, очевидно, в ближайшее время Соединенным Штатам не удастся создать военно-политическую организацию в этом регионе. Приоритет в американской политике принадлежит Европе.

Арабские страны, кроме, возможно, Саудовской Аравии, не захотят вступить в союзные отношения с Соединенными Штатами из-за американской поддержки Израиля. Но США должны стремиться к расширению влияния на Ближнем Востоке.

Мерриам выделяет шесть возможных для американского правительства вариантов политики в Восточном Средиземноморье. 1. Продолжать нынешний курс, избегая взаимных обязательств с азиатскими странами, кроме предусмотренных уставом ООН. 2. Расширить сферу действия Североатлантического договора за счет включения в НАТО некоторых стран Ближнего Востока. 3. Создать при американской помощи в данном регионе военно-политическую организацию. 4. Сформировать здесь региональный пакт с участием некоторых членов НАТО. 5. Создать региональную организацию с условием сотрудничества или возможности сотрудничества с НАТО. 6. Изменить Устав ООН в интересах США.

По мнению американского аналитика, первый вариант привлекает своей простотой, но не способствует реализации планов создания сети военных баз США на Ближнем Востоке. Расширение сферы действия Североатлантического договора неосуществимо в ближайшее время по двум причинам. Во-первых, в связи с участием Италии и Норвегии в НАТО, она и без того охватывает большую зону. Во-вторых, включение Греции в Североатлантический пакт приведет к необходимости вмешательства НАТО как организации в гражданскую войну, идущую в этой стране. Ни один из членов блока, кроме США, на

это не способен, считал Г. Мерриам. Следовательно, НАТО столкнется с проблемой, которую не в состоянии решить. Включить Турцию без Греции невозможно по стратегическим соображениям. В перспективе именно Греция и Турция должны войти в НАТО.

Сотрудник комитета по планированию политики отклонил и третий вариант. Страны региона создали уже две организации – так называемый Саабадский пакт, заключенный в июле 1937 г. между Афганистаном, Ираном и Турцией, и Лигу арабских стран, созданную весной 1945 г. при участии Египта, Ирака, Трансиордании, Ливана, Саудовской Аравии, Сирии и Йемена. "...Слабость обоих пактов отражает слабость его членов", а "создание пакта из стран Ближнего Востока не даст эффекта не только из-за разногласий по палестинскому вопросу и взаимных подозрений, но, и это главное, из-за отсутствия в регионе центра силы, на основе которого можно было бы создать пакт", – указывает Г. Мерриам. Он считал невыгодным для США создание региональной организации с участием главных стран НАТО – Соединенных Штатов и Англии. Американскую дипломатию это лишит возможности маневра в отношениях с арабскими странами. Нельзя сбрасывать со счетов и тактические разногласия с Англией, которая ищет сохранения влияния в арабском мире, в то время как США сделали основную ставку на Израиль, но также хотят расширить связи с арабами.

Создание региональной военно-политической организации в Азии, имеющей связь с НАТО, представлялось автору меморандума наиболее перспективным вариантом. Связь между Североатлантическим блоком и ближневосточным пактом должны осуществлять Греция и Турция, могущие стать членами обоих блоков. В свою очередь, ближневосточный пакт может состоять из двух групп – ближневосточной и южноазиатской. Связующее звено – Иран, планировал Г. Мерриам. Он предлагал положить в основу американской стратегии курс на сплочение всей реакции на Ближнем Востоке и создание блока на антисоветской основе. Если даже цель не будет достигнута в ближайшее время, все равно усилия США приведут к созданию экономической и социальной основы для борьбы с коммунистическим движением, а политика других капиталистических государств на Ближнем Востоке в итоге окажется подчиненной интересам Соединенных Штатов³.

Документ, разработанный в комитете по планированию политики, отражал главные цели американского империализма в Восточном Средиземноморье – сохранить страны региона в орбите капиталистического мира, создать напряженность на южных границах СССР, укреп-

пить влияние США на правящие круги государств Ближнего и Среднего Востока. Многие положения этого меморандума перешли практически без изменений в разработки государственного департамента последующих лет⁴.

Методы достижения стратегических целей американского империализма отрабатывались дипломатией США в процессе текущей политики. В феврале-марте 1950 г. в ответ на распоряжение президента Г. Трумэна проанализировать весь комплекс последствий, связанных с наличием атомного оружия у СССР, образованием КНР, решением правительства США о создании термоядерного оружия, Советом национальной безопасности была подготовлена директива "Цели и программы Соединенных Штатов в области национальной безопасности". Она датирована 14 апреля 1950 г. и получила номер СНБ-68⁵.

Директива определяла, в частности, что в случае войны с Советским Союзом "нефтяные районы Ближнего и Среднего Востока" станут важным театром военных действий⁶. В соответствии с курсом на достижение военно-стратегического превосходства над странами социалистического содружества американская администрация усиливает давление на европейских членов НАТО, добиваясь большего подчинения их внешней политики американским интересам и расширения военных программ. Правительство Трумэна готовится выступить с декларацией о руководящей роли Соединенных Штатов в средиземноморских делах.

11 августа 1949 г. Совет Безопасности ООН отменил эмбарго на поставки оружия и военных материалов, наложенное в период арабо-израильской войны в 1948 г. Правящие режимы арабских стран и Израиля обратились за оружием к Великобритании и США. В середине января 1950 г. государственный секретарь США Д. Ачесон публично и демонстративно поддержал планы Великобритании предоставить вооружение Ираку, Иордании и Египту. Он подчеркнул важность того, чтобы страны Ближнего Востока, региона, "очень важного для Запада", получили оружие "из надежных и дружественных США источников"⁷.

В начале марта 1950 г. Д. Ачесон выдвинул предложение о проведении встреч министров иностранных дел Соединенных Штатов, Англии и Франции. Повестка встреч включала широкий круг проблем международной политики. На предварительных переговорах представителей дипломатических ведомств трех стран, проходивших в апреле-начале мая, американская делегация особое внимание уделила проблемам поставок оружия на Ближний Восток⁸.

Внешнеполитическое заявление по проблемам Средиземноморья тщательно готовилось и во внутривнутриполитическом плане. От государственного департамента требовалась нейтрализация просионистски настроенных конгрессменов, уже готовых начать широкие дебаты в связи с английскими поставками оружия арабским странам, соседствующим с Израилем. Предвестником таких дебатов стало выступление 15 марта 1950 г. конгрессмена от штата Нью-Йорк Дж. Джавитса. 28 марта делегация конгресса США была приглашена на встречу с государственным секретарем, который разъяснил позицию правительства. Это возымело действие. Хотя некоторые сенаторы и конгрессмены в конце апреля - начале мая и выступили с речами в связи с годовщиной создания Израиля, но они очень осторожно и вскользь выразили "сожаление" по поводу "продолжающегося потока оружия в соседние с Израилем страны"⁹.

На трехсторонних встречах в мае Д. Ачесон предложил, чтобы поставки оружия странам Ближнего Востока были обусловлены рядом обязательств с их стороны¹⁰. "Трехсторонняя декларация относительно безопасности на Ближнем Востоке" правительств США, Великобритании и Франции от 25 мая 1950 г. формально была направлена против гонки вооружений, "за сохранение мира и стабильности в регионе". В тройственной декларации "признавалась" необходимость для арабских государств и Израиля "поддерживать определенный уровень вооруженных сил с целью обеспечения их внутренней безопасности и законного права самообороны, а также для того, чтобы позволить им внести свой вклад в оборону всего региона в целом. В свете этих принципов, - говорилось в декларации, - будут рассматриваться все обращения о поставках оружия и военных материалов"¹¹.

Подлинный смысл декларации империалистических государств был ясен народам и правительственным кругам стран Ближнего Востока. Корреспондент газеты "Нью-Йорк таймс" сообщал, что реакция в арабских столицах на трехстороннюю декларацию резко отрицательная и господствует мнение: "если западные страны думают, что арабы собираются воевать с Россией в обмен на получение оружия то они ошибаются"¹².

Важно объяснить, почему дипломатия США сформулировала именно в форме трехстороннего заявления претензии Соединенных Штатов на роль арбитра в отношениях между странами Ближнего Востока. Франция после вывода в 1946 г. войск из Сирии и Ливана в значительной степени утратила здесь свое влияние. Военным гарантом импе-

реалистических интересов на Ближнем Востоке была Великобритания. Но государственный департамент отклонил предложение Лондона выступить с совместными двусторонними "гарантиями" по Ближнему Востоку. Американская политика в Средиземноморье строилась с учетом перспективы неизбежной утраты Англией ее влияния в регионе. Причем именно США должны были выступать в роли преемника Великобритании. Поэтому американская дипломатия старательно использовала маску "друга арабов", несмотря на то, что это плохо увязывалось с преимущественной поддержкой Израиля. Правительство Г. Трумэна, особенно с конца 40-х гг., не форсировало событий. В Вашингтоне внимательно следили за тем, чтобы "уход" Англии с Ближнего Востока шел по американскому сценарию. В правящих кругах Америки опасались, что "Англия утратит свое влияние на Ближнем Востоке слишком быстро и возникнет вакуум силы, который США не в состоянии будут заполнить"¹³. В отдельных случаях американское правительство искусственно создавало иллюзию противоборства с Великобританией, давая возможность некоторым прозападно настроенным арабским деятелям изображать перед общественным мнением своих стран игру на американско-английских противоречиях.

По американской инициативе с декларацией в мае 1950 г. выступили три ведущие страны НАТО. Североатлантический блок недвусмысленно заявил о претензиях на ближневосточный регион. Американская дипломатия, выступая совместно с западноевропейскими союзниками по проблемам Ближнего Востока, максимально страховалась от негативных последствий возможного отклонения декларации арабскими странами. Фактически для американского империализма эта тройственная декларация была развитием принципов "доктрины Трумэна", выраженных в специфической форме в соответствии с тактикой и особенностями политики США в Средиземноморье, на том этапе развития международной обстановки, когда все больший район, примыкающий к южным границам СССР, втягивался в сферу военных приготовлений Соединенных Штатов.

Советское правительство осудило "тройственную декларацию" как грубейшее вмешательство империалистов во внутренние дела стран Ближнего и Среднего Востока. Отвергая декларацию, Египет, Сирия, Ливан, Саудовская Аравия, Йемен, Ирак и Иордания выступили в июне 1950 г. с совместным ответом, в котором заявили, "что они не допустят никакого действия, которое наносило бы ущерб их суверенитету или независимости". Попытка империалистических государств и прежде всего США "присвоить себе право контролировать отноше-

ния между арабами и Израилем, внешние связи арабских стран и рас-
поряжаться их вооружением" провалилась¹⁴.

25 июня 1950 г. южнокорейские войска вторглись в КНДР. 27 июня президент США отдал приказ армии и флоту начать интервенцию в Корею. Для одобрения своих действий Соединенные Штаты сумели протолкнуть в ООН резолюцию, призывавшую членов международной организации предоставить Южной Корее помощь, "какая может быть необходима для того, чтобы отразить вооруженное нападение", а 7 июля — о разрешении интервентам именоваться "войсками ООН" и использовать флаг ООН. Война в Корею серьезно осложнила международную обстановку, что было использовано Соединенными Штатами и другими членами НАТО для усиления гонки вооружений, военных приготовлений на границах социалистических стран под надуманным предлогом "не допустить повторения событий, подобных корейским".

1 июня 1950 г. президент Г. Трумэн направил послание конгрессу, в котором обосновал необходимость выделения новых ассигнований на иностранную военную помощь в 1951 финансовом году. Обсуждение законопроекта проходило в обстановке начавшейся интервенции США в Корею, и конгресс, разумеется, поддержал выделение 1222,5 млн. дол. 1 августа Трумэн предложил конгрессу ассигновать на военную помощь союзникам США еще 4 млрд. дол. Соответствующий закон вступил в силу 27 сентября. Значительные суммы были выделены на развитие военно-воздушных сил США и производство водородного оружия¹⁵. В результате давления американской делегации на европейские страны в ходе первой сессии комитета заместителей министров иностранных дел государств-членов Североатлантического пакта, проходившей в начале июля в Лондоне, ряд членов НАТО заявил об увеличении своих военных расходов, а затем и численности армий¹⁶.

Среди получателей американской военной помощи на сумму 193 млн. дол. значились Греция, Турция и Иран. Эти государства рассматривались в Вашингтоне как главная опора США в Восточном Средиземноморье. Разработкой политического курса в отношении этих стран занимался специальный отдел госдепартамента. В 1950 г. в связи с принятием иранским меджлисом решения о национализации нефтяной промышленности, в которой хозяйничала Англо-иранская нефтяная компания, и осложнением отношений между Ираном и Великобританией Соединенные Штаты резко сократили военную помощь Тегерану¹⁷.

Американский империализм бесцеремонно вмешивался во внутренние дела Греции и Турции, добиваясь прихода к власти политических группировок и лидеров, выступавших за усиление связей с Сое-

диненными Штатами. Особенную активность в этом плане проявляло посольство США в Афинах. Вопреки ожиданиям американской администрации, на выборах 5 марта 1950 г. в Греции победу одержали либеральные силы во главе с национальным прогрессивным союзом центра. Руководство государственного департамента и посол в Афинах Г.Грэдди решили, что в условиях, когда политический барометр Греции явно клонится влево, попытки короля Павла игнорировать итоги выборов и его отказ назначить лидера центра генерала Пластироса на пост премьер-министра являются тактически неверными действиями. 31 марта в заявлении для печати посол Грэдди предупредил, что помощь Соединенных Штатов Греции будет приостановлена до тех пор, пока американское правительство не будет уверено в ее "должном" использовании. Действия посла были согласованы с государственным департаментом.

Но вскоре после этого Г.Грэдди был перемещен на пост посла в Иран, где, с точки зрения американского правительства, как раз требовался "сильный человек". И на него была возложена ответственность за давление на короля и поддержку Пластироса. В условиях начавшейся войны в Корее временный поверенный в делах США в Греции Г.Майнор обвинил правительство Пластироса "в неспособности проводить политику отражения коммунистической угрозы" и "отсутствии реализма". В задачу нового посла Дж.Пьюрифоу было вменено добиться приведения к власти в Греции кумира правых генерала А.Палагоса.

В тесном контакте с дипломатами действовала американская военная миссия в Греции, прибывшая туда в соответствии с условиями оказания военной помощи. В 1949 г. в условиях только что закончившейся гражданской войны было сложно убедить народные массы Греции в необходимости сохранять большую армию. Американские военные рекомендовали поэтому сократить численность греческих вооруженных сил к 1950 г. с 213 тыс. до 94 тыс. чел. Но уже в середине 1950 г. Объединенный комитет начальников штабов США посоветовал греческому правительству иметь вооруженные силы в 164 тыс. чел.¹⁸

Следует принять во внимание, что в 1950 г. в Североатлантическом блоке развернулась подготовка к созданию объединенных вооруженных сил. В принципе это решение было одобрено на 5-й сессии Совета НАТО в сентябре 1950 г. и в окончательном виде на сессии в декабре того же года. Официально объединенным вооруженным силам блока в Европе отводилась стратегическая роль "ли-

та" /функции "меча" в военной доктрине "меча и щита", принятой в первый год существования НАТО, отводилась американской стратегической авиации, оснащенной атомными бомбами/. Это означало, что в случае войны на объединенные вооруженные силы должна быть возложена задача ведения главным образом сухопутных операций на европейской части континента при поддержке объединенных тактической авиации и военно-морских сил¹⁹.

Рекомендации американской военщины правительству Греции по вопросам численности ее армии соответствовали планам втягивания страны в НАТО. Однако основное внимание американских правящих кругов все более сосредоточивается на Турции. Укрепление американо-турецкого альянса пошло ускоренными темпами после прихода к власти в Турции в середине 1950 г. правительства А.Мендереса.

Турецкий автор Т.Атаёв объясняет военную помощь Турции и стремление втянуть страну в НАТО желанием американских военных усилить сухопутные силы блока за счет турецкой армии, численность которой составляла около 500 тыс.чел., а в перспективе могла быть увеличена до 1,5 млн.чел.²⁰ Безусловно, турецкое "пушечное мясо" интересовало генералов НАТО. Как свидетельствовал помощник государственного секретаря США Дж.Макги, "Соединенные Штаты поставляли столько оружия, сколько Турция только могла принять"²¹ Турция, в частности, получила морские суда, подводные лодки с большим радиусом действия, самолеты.

В соответствии с условиями получения военной помощи от США в Турцию прибыла американская военная миссия во главе с генералом Г.Макбрайдом. Рекомендации американских военных на первом этапе деятельности миссии сводились к уменьшению численности вооруженных сил Турции. Скоро она составила 300 тыс.чел. Основная часть военных расходов Турции, которые составляли около 50% государственного бюджета, и американская военная помощь шла главным образом на создание военной инфраструктуры, строительство дорог с твердым покрытием, аэродромов, морских баз²². Турция, в еще большей степени чем Греция, привлекала Пентагон прежде всего как плацдарм для размещения американской стратегической авиации.

С 1947 г. американские фирмы занимались модернизацией аэродромов в Турции. Осенью 1949 г. была достигнута принципиальная договоренность между американским послом в Турции Дж.Уодсвортом и турецким министром обороны о расширении аэродромной сети за счет ассигнований по американской программе военной помощи.

Предусматривалась модернизация трех баз в Западной Турции и строительство двух новых аэродромов в Анталье и Адане²³.

В начале 1951 г. американская пресса сообщала о скором завершении строительства на территории Турции ряда аэродромов для размещения американских тяжелых бомбардировщиков и истребителей "в трех часах полета до Москвы и в часе - от основных центров нефтедобычи на Кавказе и в Румынии". Сооружение отдельных объектов велось строго секретно²⁴. На страницах американских газет эта информация соседствовала с прогнозами о завершении в США работ по созданию управляемых баллистических ракет. В секретных лабораториях США, по свидетельству тогдашнего заместителя министра обороны Р. Доветта, разрабатывалось более десятка различных проектов баллистических ракет²⁵. По данным информированного американского обозревателя Дж. Рестона, в середине 1950 г. Пентагон рассчитывал получить ракетное оружие в течение ближайших 2-5 лет. Как отмечают американские авторы, это были ракеты ограниченной дальности полета²⁶. Можно с большой долей уверенности предположить, что особо секретные работы американских военных специалистов в Турции были связаны с изучением возможности размещения на ее территории ракетного оружия. Как подчеркивают советские авторы, лишь базы на территории Турции в максимально возможной близости от границ социалистических стран давали возможность Пентагону разместить ядерные баллистические ракеты средней дальности²⁷.

Демагогически разглагольствуя о необходимости обеспечить "безопасность" Турции, американские политики и военные в своих реальных планах предполагали стратегическое укрепление и, следовательно, оборону в случае начала войны лишь района юго-восточной Турции²⁸. перевооружение турецкой армии было в значительной степени связано с планами создания в Восточном Средиземноморье связанной с НАТО военной организации - так называемого "Средневосточного командования". В феврале 1951 г. Дж. Макги на встрече с президентом и министром обороны Турции заявил, что "проблема создания сухопутной обороны Западной Европы надо отделить от проблемы сухопутной обороны Турции"²⁹. Это означало, что вооруженные силы Турции перевооружались стратегами НАТО и для использования в роли "международного жандарма" на Ближнем Востоке.

Одним из важных компонентов американской политики в Средиземноморье было усиление военно-морской мощи и ее демонстрация - "показ флага". С середины 1948 г. в Средиземном море постоянно

находился один из американских авианосцев, а с февраля 1950 г. здесь оперирует американский шестой флот. США использовали обострение американско-иранских отношений и усиление борьбы египетского народа за вывод английских войск из зоны Суэцкого канала для резкого увеличения шестого флота. К началу 1951 г. численность его кораблей возрастает почти вдвое. В его состав были введены два авианосца - "Корал си" и "У.Д. Рузвельт", а также два из трех самых крупных крейсеров ВМФ США - "Ньюпорт ньюс" и "Салем"³⁰. Особый интерес американской военщины к Греции и Турции в значительной степени объяснялся и стремлением Соединенных Штатов захватить контроль над черноморскими проливами. Американский автор Т. Коломбис пишет, что "Греция и Турция рассматривались в США как стратегические "сиамские близнецы", охраняющие важные ворота к главному выходу в Черное море"³¹.

Режим проливов регулировался условиями конвенции 1936 г., заключенной в Монте. Соединенные Штаты не участвовали в ее разработке и подписании. Возможность изменения режима черноморских проливов обсуждалась на Потсдамской конференции. В августе и сентябре 1946 г., в соответствии с достигнутой на конференции договоренностью глав трех великих держав, Советское правительство представило Турции свои предложения о пересмотре конвенции 1936 г. Советская инициатива была встречена резко враждебно. Несмотря на то, что после 1946 г. Советский Союз не возвращался к своим предложениям об изменении режима проливов, в Турции продолжалась антисоветская кампания под фальшивым лозунгом "советской угрозы"³².

Планы, разрабатываемые в Вашингтоне, угрожали судоходству в проливах. В конце марта 1950 г. состоялся визит в Турцию начальника штаба сухопутных сил США генерала Л. Коллинза. На встрече с президентом И. Иненю было подтверждено ранее достигнутое решение о переработке военных планов Турции в соответствии с задачами НАТО, создании стратегических запасов нефти в ряде районов страны, изменении дислокации укреплений на берегах пролива Босфор.

Перед министром обороны Турции генерал Коллинз поставил вопрос о минировании входа в Босфор со стороны Черного моря³³. Замыслы морского министерства США предусматривали установку трех рядов морских мин. Управляться они должны были с берегового поста по электрической цепи. В Анкаре не откликнулись на столь открытое погрошение международных соглашений. Против минирования

пролива выступило английское правительство. Великобритания являлась участником конференции в Монтре. В Лондоне не могли не считаться с тем, что минирование международных проливов является откровенно враждебным актом против великой державы – Советского Союза. Действия США могли создать опасный прецедент, который, с учетом обострения англо-египетских отношений по вопросу об английской базе в зоне Суэцкого канала, мог иметь далеко идущие последствия именно для Великобритании. После нажима Вашингтона английская дипломатия согласилась допустить "законность" минирования проливов Турцией, но продолжала предостерегать от этого шага, предрекая неизбежную бурную реакцию мировой общественности. Англия предлагала не начинать минирования, "пока не будет явной угрозы войны"³⁴.

В конечном итоге весной 1951 г. министерство обороны и государственный департамент США пришли к выводу, что ситуация диктует временный отказ от дальнейшего обсуждения с союзниками по НАТО и Турцией вопроса о начале минирования черноморских проливов. Создание в районе Средиземноморья складов морских мин и необходимого оборудования продолжалось³⁵.

В середине 1950 г. американское правительство прилагало большие усилия для вовлечения своих капиталистических партнеров в интервенцию в Корею. В отношении Греции и Турции это имело особое значение, так как должно было продемонстрировать боевые возможности будущих членов НАТО. 30 июня 1950 г., в последний день обсуждения законопроекта о расширении военной помощи союзникам по НАТО, член сенатской комиссии по вооруженным силам, сенатор от штата Вашингтон Г.Кейн выступил с речью, в которой отстаивал расширение членства Североатлантического блока, и прежде всего за счет Турции. Сенатор фактически полностью изложил план, по которому американским правительством проводилось вовлечение Турции в Североатлантический пакт³⁶. С 11 июля по 3 сентября Г.Кейн совершил поездку по странам Западной Европы "для изучения их оборонительных возможностей". 23 июля на встрече в министерстве иностранных дел Турции американский сенатор заявил, что "Турция может продемонстрировать всю глубину своей благодарности за американскую военную помощь, выступив рука об руку с Соединенными Штатами в Корею". Вскоре министр иностранных дел Турции направил Генеральному секретарю ООН телеграмму с предложением направить в Корею турецкий воинский контингент численностью 4,5 тыс. чел. Одновременно турецкое правительство обратилось к США,

Англии и Франции с просьбой решить вопрос о вступлении Турции в Североатлантический блок³⁷.

Американское правительство добилось и от Греции демонстрации поддержки интервенции в Корее, куда было направлено несколько транспортных самолетов и один греческий батальон.

В Соединенных Штатах решение вопроса о поддержке приема Турции и Греции в НАТО находилось в компетенции Совета национальной безопасности и президента. Первоначально по запросу госдепартамента проблема была обсуждена в объединенном комитете начальников штабов. В начале сентября 1950 г. руководство американских вооруженных сил сделало вывод, что Турции может быть предоставлен статус ассоциированного члена военной организации Североатлантического пакта с правом участия в координации стратегических планов, касающихся Средиземноморья. Рекомендации объединенного комитета начальников штабов опирались на доклад главы американской военной миссии в Турции генерала Г.Макбрайда, который считал, что боеспособность турецкой армии и степень готовности военных сооружений еще не соответствуют требованиям НАТО. Члены ОКНШ указывали также, что прямое принятие Турции в Североатлантический блок затруднит подготовку к созданию военной организации в Восточном Средиземноморье, так как страны Ближнего Востока получают дополнительные возможности сопротивляться нажиму США и их союзников, выдвигая предложения о допуске их в НАТО⁴⁰.

Роль, которую американские представители играли в руководящих органах Североатлантического блока, предопределяла принятие ими положительного решения о предоставлении Турции прав ассоциированного члена НАТО. Но, поскольку речь шла о расширении зоны действия договора, американское правительство, исходя из опыта сопротивления ряда стран в 1949 г. участию Италии в Атлантическом блоке, вынесло вопрос на обсуждение очередной встречи министров иностранных дел трех ведущих стран НАТО - США, Англии и Франции, запланированной на середину сентября 1950 г.

На подготовительных переговорах ответственных сотрудников внешнеполитических ведомств трех стран представитель США Ч.Дост отметил, что "было бы неразумно предоставить статус ассоциированного члена Турции и не предоставить Греции". На случай возникновения дебатов в Совете НАТО Ч.Дост предложил обсудить три варианта присоединения Турции и Греции к военной машине Североатлантического блока. I. Создать региональный пакт с участием

Греции и Турции. 2. Допустить Грецию и Турцию к участию в военном планировании НАТО по Средиземноморью на консультативной основе. 3. Сделать от имени трех правительств заявление о гарантиях безопасности Греции и Турции. Английский представитель Б. Берроуз высказался за гарантии, поскольку этот вариант сохранял большие шансы для Великобритании влиять на политику двух стран в Восточном Средиземноморье. Обсуждение было продолжено на встречах сотрудников госдепартамента с представителями британского посольства в Вашингтоне 29 августа - 1 сентября 1950 г.³⁹

13 сентября в ходе третьего заседания на переговорах министров иностранных дел США, Англии и Франции Д. Ачесон огласил американский проект обращения трех стран в военный комитет Совета Североатлантического блока, пятая сессия которого проходила в это время в Нью-Йорке. В случае одобрения комитетом заявление трех стран представлялось в Совет вместе с запросом Греции и Турции о приеме в Североатлантический блок. Проект предусматривал участие двух стран в военном планировании НАТО. Французский министр Р. Шуман не высказал возражений. Э. Бевин выступил за предоставление совместных гарантий. Но Соединенные Штаты быстро сломали вялое сопротивление Англии и в конечном итоге в военный комитет Совета Североатлантического блока был направлен американский проект обращения трех стран - членов постоянной группы НАТО - США, Англии и Франции⁴⁰.

19 сентября 1950 г. Д. Ачесон как глава Совета Североатлантического блока направил послу Турции в Вашингтоне вербальную ноту, в которой Турция приглашалась к участию в военном планировании по району Средиземноморья. 3 октября аналогичную ноту получил посол Греции. Соответственно 2 и 4 октября правительства Турции и Греции уведомили о принятии предложения⁴¹. Членство этих стран в НАТО было, таким образом, предопределено. Сроки окончательного вступления стран в Североатлантический блок определялись быстротой перевооружения их армий, темпами строительства на их территориях баз для размещения стратегической авиации США, а также ситуацией, складывающейся для ведущих стран НАТО в Восточном Средиземноморье.

16 ноября 1950 г. премьер-министр Египта при открытии очередной сессии парламента зачитал тронную речь короля Фарука. В ней англо-египетский договор 1936 г., в соответствии с которым английские войска находились в зоне Суэцкого канала, объявлялся недействительным. 20 ноября министр иностранных дел Великобритании

Э.Бейн в речи в палате общин английского парламента заявил, что по условиям договора он не может быть аннулирован в одностороннем порядке. Великобритания усиливает свои войска на суэцкой базе, семь новых боевых кораблей появляются в составе британского флота в Средиземноморье⁴².

В этой ситуации в конце 1950 г. в государственном департаменте США были определены перспективы американской политики в Восточном Средиземноморье. В политическом заявлении, подготовленном отделом по делам Греции, Турции и Ирана, предназначенном для информации и руководства к действию дипломатических миссий в странах региона, среди важнейших задач выделялось "поощрение участия Греции и Турции в соответствующих фазах военного планирования НАТО", наращивание строительства стратегических объектов на их территориях. В другом документе госдепартамента подчеркивалось, что именно Турции отводится роль "центра силы, вокруг которого должна создаваться военная организация стран Ближнего и Среднего Востока"⁴³.

С 14 по 21 февраля 1951 г. в Стамбуле состоялась конференция глав дипломатических миссий США в странах Ближнего и Среднего Востока. Ее участники высказались за принятие Турции в НАТО, указав, что это даст возможность "заключить официальное соглашение об использовании авиационных и других баз ... которые крайне важны ввиду их непосредственной близости к уязвимым целям в СССР". Степень подготовленности баз на турецкой территории для использования американской авиацией была проверена в ходе визита в Турцию в марте 1951 г. министра авиации США Т.Финлеттера⁴⁴.

В государственном департаменте США и объединенном комитете начальников штабов разрабатывали два варианта окончательного присоединения Греции и Турции к НАТО - непосредственно или через образование самостоятельной военной группировки. Обсуждались также варианты заключения двусторонних соглашений с этими странами⁴⁵.

Комитет по планированию политики государственного департамента с привлечением сотрудников различных отделов и представителей министерства обороны сделал вывод о предпочтительности, с точки зрения американских интересов, прямого участия двух стран в НАТО. Другие варианты, по мнению экспертов комитета, сулили правительству большие осложнения внутри- и внешнеполитического порядка⁴⁶. Решение Совета национальной безопасности о курсе на

включение Греции и Турции в НАТО как официальном направлении американской политики было утверждено президентом Г. Трумэн.

Английские дипломаты и военные предлагали провести прием новых членов в НАТО как "пакетное решение". Один из его вариантов предусматривал первоначальное вступление Турции /или Греции и Турции/ в "Средне-восточное командование". Лишь после этого, по мнению Лондона, Греция и Турция могли стать членами НАТО. Другой вариант, предлагаемый английским правительством, сводился к предварительному согласию США на создание в Средиземноморье отдельного командования НАТО, в которое и должны войти вооруженные силы Греции и Турции. Командование /или одно из двух командований в Средиземноморье/ должно возглавляться английским адмиралом и подчиняться не командованию НАТО в Европе, а непосредственно постоянной группе НАТО⁴⁷. В любом случае это означало бы признание ведущей военной роли Англии в Средиземноморье. Обосновывая эти претензии Лондона, английский журнал "Экономист" в статье под характерным названием "Чье Средиземноморье?" доказывал, что "район всегда представлял собой стратегическое единство и ... всегда охранялся единственно английской силой"⁴⁸. Со-единенные Штаты вовсе не желали поставить свой шестой флот под английское командование. В июне 1951 г. президент Трумэн подчинил его командующему объединенными силами НАТО в Европе генералу Д. Эйзенхауэру. Американские военные считали, что Греция и Турция должны стать на правом фланге этих сил. В ходе поездки в Европу председателя ОКНШ США генерала О. Бредли и по дипломатическим каналам, американское правительство убедило Англию разделить вопрос о приеме Греции и Турции в НАТО и проблему создания военной структуры НАТО в Средиземноморье. Было достигнуто компромиссное решение, что позднее в Средиземноморье будет создано несколько командований, по "лоскутному" принципу, а к какому командованию будут причислены войска Греции и Турции, будет решено после принятия этих стран в НАТО⁴⁹.

В сентябре 1951 г. сессия Совета Атлантического пакта в Оттаве рекомендовала направить правительствам Греции и Турции приглашения к участию в НАТО. 20 сентября об этом решении были устно информированы послы двух стран. Протокол о приглашении Греции и Турции присоединиться к НАТО был опубликован в Лондоне 15 октября. Решение вступало в силу, когда все члены блока известят американское правительство о своем согласии⁵⁰. С 6 декабря по 15 февраля 1952 г. официальные подтверждения поступили. В

соответствии с первой статьей протокола правительство США обратилось к правительствам Греции и Турции с предложением присоединиться к НАТО. С 18 февраля 1952 г. Североатлантический договор официально вступил в силу для Турции и Греции.

Вопреки ожиданиям Великобритании войска Греции и Турции в июле 1952 г. были включены в новое командование сухопутных сил юго-восточной Европы под американским руководством, подчиненное южно-европейскому командованию НАТО⁵¹. Американское военное присутствие на территории новых членов НАТО было формализовано с заключением двусторонних соглашений об использовании Соединенными Штатами военных баз на территориях стран, подписанных соответственно в феврале 1953 и июне 1954 г. По данным американского журнала "Ю.С. ньюс энд Уорлд рипот", в настоящее время на территории Греции и Турции США располагают 50 военными базами⁵².

Вступление в НАТО повлекло усиление реакционных тенденций в жизни Греции и Турции. При поддержке американской администрации в Греции в конце 1952 г. к власти пришло правительство во главе с генералом А. Папагосом. На экономику стран тяжелым бременем легли военные расходы.

Предыстория двух мировых войн убедительно доказала, что захват стратегических позиций в Средиземноморье является составной частью подготовки агрессивных государств к военному конфликту в центре Европы. Послевоенные американские планы ведения ядерной войны против СССР предусматривали использование территории Греции и Турции для нанесения ударов "по уязвимым целям в Советском Союзе"⁵³. Правящие круги Соединенных Штатов и их союзники рассчитывали, что новые члены НАТО, и прежде всего Турция, станут оплотом международного империализма в сколачивании антисоветской военно-политической группировки с участием стран Ближнего и Среднего Востока.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Harris G. Troubled Alliance. Turkish-American Problems in Historical Perspective, 1945-1971. - Wash., 1972; Turkey, Greece and NATO. The Strained Alliance. - Wash., 1980; Coulombis Th. The United States Greece and Turkey. The Troubled Triangle. - N.Y., 1983.
- 2 Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers (FR). - 1949. - Vol. VI. - Wash., 1977. - P. 35. Памятная записка комитета по планированию политики от 13 июля 1949 г.

- 5 Ibid.- P.31-39.
- 4 Публикация этого документа, несомненно, имеет политическое и пропагандистское значение. Сформулированная в общем виде, памятная записка должна создать иллюзию тщательной продуманности внешнеполитического курса США в средиземноморском регионе. Последующие провалы политики Соединенных Штатов предстают как якобы предсказанные и даже запланированные.
- 5 Анализ резолюции дан в работах советских авторов. См.: Богданов Р.Г. США: Военная машина и политика.- М., 1983.- С.86-89. Мельников Ю.М. Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона 1945-1982.- М., 1983.- С.68-69.
- 6 FR, 1950.- Vol.I.-Wash., 1977.- P.249.
- 7 The New York Times.- 1950.- 16 January.
- 8 FR, 1950.-Vol.III.- Wash., 1977.- P.828-838.
- 9 Congressional Record(CR).- Vol.96.- Pt.3,4,5.- Wash., 1950.- P.3428-3431,5650-5662,5507,5509,5562-5564,6075,6125,6595.
- 10 FR, 1950.- Vol.III.- P.1027-1028.
- 11 Цит. по: Международные отношения после второй мировой войны.- Т.2 / 1950-1955 /.- М., 1963.- С.155.
- 12 The New York Times.- 1950.- 27 May.
- 13 FR, 1948.- Vol.III.- Wash., 1974.- P.1091-1108.
- 14 История дипломатии.- Т.5.- Кн. I.- М., 1974.- С.531-532.
- 15 The New York Times.- 1950.- 8,20,25 July. Общие ассигнования США на военные нужды в 1951 финансовом году составили 48,2 млрд. дол. Как отмечает американский автор Дж. Гэддис, это означало их возрастание за один год по сравнению с первоначальными проектами на 257%. Gaddis J. Strategy of Containment. A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy.- N.Y.; Oxford, 1982.- P.113.
- 16 Халоба Б.М. Североатлантический блок.- М., 1960.- С.71.
- 17 The New York Times.- 1950.- 28 February. FR, 1949.-Vol.VI.- P.168-175. Материалы встречи дипломатических представителей США на Ближнем Востоке в Стамбуле 26-29 ноября 1949 г.
- 18 Wittner L. American Intervention in Greece, 1943-1949.- N.Y.- 1982.- P.286-294.
- 19 Международные отношения после второй мировой войны.- Т.2.- С. 360.

- 20 Атаџв Т. NATO and Turkey.- Ankara.- 1970.- P.110.
- 21 FR, 1950.- Vol.V.- Wash. v 1978.- P.195.
- 22 The New York Times.- 1950.- 24 March. Так, за четыре года при помощи западных специалистов в Турции было проложено 3,5 тыс. миль стратегических автострад. The Department of State Bulletin.- 1952.- 29 September.
- 23 Lenczowski J. The Middle East in World Affairs.- Ithaca and London.- 1981.- P.137 ; FR, 1950.- Vol.V.- P.1233-1235, 1248-1250. На территории Греции с 1946 г. американские ВВС использовали базу близ Афин и аэродром в Солониках. Греческое правительство предоставило для использования американского флота порт Пирей. The Economist.- 1951.- 3 March.
- 24 The New York Times.- 1951.- 3 March.
- 25 FR, 1951.- Vol.I.- Wash., 1979.- P.103-104.
- 26 The New York Times.- 1950.- 13 June.
- 27 Kaham J. Security in the Nuclear Age. Developing US Strategic Arms Policy.- Wash., 1975.- P.10.
Современная внешняя политика США.- Т.2.- М., 1984.- С.253.
- 28 Dropshot. The United States Plan for War with Soviet Union in 1957 / Ed. by A. Brown.- N.Y., 1978.- P.153.
- 29 FR, 1951.- Vol.III.- Pt.1.- Wash., 1981.- P.468.
- 30 The New York Times.- 1951.- 31 March, 6 June.
- 31 Couloumbis Th. Op. cit.- P.23.
- 32 Поцхверия Б.М. Внешняя политика Турции после второй мировой войны.- М., 1976.- С.15-16.
- 33 FR, 1950.- Vol.V.- P.1238-1240, 1244-1247.
- 34 Ibid.- P.1261-1267, 1293-1296, 1302-1304, 1332-1333, 1340, 1341-1342; 1951.- Vol.V.- Wash. f 1982.- P.1113-1115.
- 35 Ibid.- P.1127-1129.
- 36 CR.- Vol.96.- Pt.11.- P.14523;
- 37 Ibid.- Vol.96.- Pt.11.- P.14523 ; FR, 1950.- Vol.V.- P.1285-1289. Посол в Турции Уордсворт госсекретарю.
- 38 Ibid.- P.1306-1309, 1322-1324 ; Kaplan L. A Community of Interest: NATO and a Military Assistance Program. 1948-1951.- Wash. v 1980.- P.118.
- 39 FR, 1950.- Vol.III.- P.1108-1109, 1141-1146.
- 40 Ibid.- Vol.V.- P.1217, 1284-1285.
- 41 The Department of State Bulletin.- 1950.- 16 October.

- 42 The New York Times.- 1951.- 18 May.
- 43 FR, 1950.- Vol.III.- P.254-278.
- 44 Ibid.- 1951.- Vol.III.- Pt.I.- P.501-503; The New York Times.- 1951.- 9 March.
- 45 FR, 1951.- Vol.III.- Pt.I.- P.504-505.
- 46 Ibid.- P.511-515.
- 47 Ibid.- P.528-545.
- 48 The Economist.- 1951.- 28 April.
- 49 The New York Times.- 1951.- 12 June.
- 50 В Соединенных Штатах 15 января сенатская комиссия по иностранным делам одобрила протокол и передала его на рассмотрение сената. 29 января он был утвержден сенатом. Однако вскоре ряд сенаторов опротестовал это решение, поскольку 29 января на заседании присутствовало всего 6 сенаторов. 6 и 7 февраля было проведено новое обсуждение и в итоге документ был одобрен 73 из 75 присутствовавших сенаторов, при двух голосах - против. CR.- Vol.98.- Pt.1.- P.586,626,715,720,846-857,861-884,903,915,930.
- 51 Roberts H. and Wilson P. Britain and the United States.- N.Y., 1953.- P.177.
- 52 U.S. news and World Report.- 1983.- 28 November.
- 53 Dropshot.- P.148,152-153.

ВОПРОС О ВОЕННОЙ ПОМОЩИ США ФРАНЦИИ В АМЕРИКАНО- ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1949 г.

Н.Ю.Семёнова

В послевоенной политике США западноевропейский регион играет большую роль, ибо ему отводится главное место в борьбе империализма против Советского Союза и социалистического содружества. В первые послевоенные годы американская дипломатия вынуждена была уделить особое внимание взаимоотношениям с Францией, где имелись влиятельные антиимпериалистические силы, возглавляемые компартией, которые активно выступали против милитаризма и антисоветизма.

Во Франции процесс восстановления экономики, хотя и значительно пострадавшей во время войны, в основном завершился в 1948 г. Однако положение промышленности, которая накануне войны находилась в состоянии полного застоя, оставалось тяжелым. Оборудование безнадежно устарело. "Развитие промышленности требовало прежде всего обновления и расширения основного капитала"¹. США в этих условиях стремились использовать экономическую помощь по "плану Маршалла", а затем военную помощь в собственных интересах. Вся система экономических отношений капиталистического мира, получившая название бреттон-вудской², в этот период складывалась таким образом, что США, прежде сумевшие значительно сократить золотой и долларовый запасы европейских стран, поставили затем под контроль всякое поступление денежных средств и даже их распределение. Дефицит платежного баланса стран Европы и всякие попытки его покрыть, как за счёт отдельных займов, так и посредством целой программы "помощи", использовались правительством президента Трумэна в качестве средства политического давления на Францию и другие западноевропейские государства с целью установления контроля над их внутренней и внешней политикой³.

Основным содержанием американско-французских отношений этого периода явилась подготовка и ратификация Североатлантического договора и программы военной помощи. Стремясь привлечь европейские страны к участию в будущем военном блоке, США предложили Франции оставить проект будущего договора. Более того, подготовка его принимала такой характер, как будто европейские страны приглашают США принять участие в проектируемом военном союзе⁴. Но если для США в условиях их финансовой гегемонии главным была поддержка антисоветской американской внешней и военной политики, то для Франции приоритетным оставалось преодоление финансовой и экономи-

ческой нестабильности путем получения экономической помощи от Соединенных Штатов Америки⁵.

В начале 1949 г. премьер-министр Франции Бидо информировал государственного секретаря Маршалла, что "военное восстановление Западной Европы, как и её экономическое восстановление, невозможно без помощи США"⁶. В свою очередь США, предоставляя "помощь", предполагали, как пишет американский автор Маккей, что это обеспечит "реализацию целей Североатлантического союза"⁷.

Трудно было рассчитывать, что Франция самостоятельно справится с перевооружением. Она по-прежнему испытывала долларовой дефицит. Периодически напоминала о себе инфляция. Проблема "черного рынка" стояла почти так же остро, как и в первые годы после войны. Американский посол во Франции Кэффера в сообщении от 22 января 1949 г. высказывал опасения по поводу того, что "пока инфляция не станет подконтрольна, Франция не сможет реализовать своей политической, экономической и военной роли в Западной Европе". Ситуация, по мнению Кэффера, осложнялась накалом классовой борьбы, грозила вызвать правительственный кризис в случае существенного увеличения налогов. В конечном счете "сможет ли Франция выдержать бремя расходов в 15 млрд. франков на вторую половину 1949 г., зависит от успехов правительства в экономической и финансовой программе", отмечал посол и рекомендовал правительству США увеличить экономическую помощь Франции⁸.

Следует заметить, что США начали оказывать военную помощь французскому правительству практически сразу же после окончания второй мировой войны. Но это были единовременные акты. Теперь же вопрос стоял о подготовке специальной программы военной помощи. В условиях, когда США начали сокращение ассигнований по программе экономической помощи, эта программа приобретала для Франции особое значение. Её конкретное содержание французские правящие круги рассчитывали увидеть в тексте Североатлантического договора. Однако в процессе подготовки подписания договора, руководствуясь тактическими соображениями, правительство США не пошло на включение в текст договора официальных обязательств оказывать такого рода помощь. Релено было представить на утверждение в сенат отдельно Североатлантический договор и программу военной помощи⁹.

4 апреля 1949 г. в Вашингтоне был подписан Атлантический пакт,

а на следующий день страны Европы, члены союза, обратились к США с официальным запросом о предоставлении им военной и финансовой помощи. В этом документе речь идет о самых общих условиях, на которых может быть представлена эта помощь. Главным, с точки зрения европейских стран, являлось экономическое развитие, а военные силы следовало развивать "без ущерба экономическому восстановлению". Эту программу следует рассматривать как "следующий шаг в развитии западноевропейской безопасности в духе заявлений президента Трумэна конгрессу 17 марта 1948 г., в соответствии с главными целями 3-й статьи договора НАТО", отмечали авторы документа¹⁰. В ответе госдепартамента на этот запрос было указано, что такую помощь следует расширять в случае признания "принципов собственных усилий и взаимопомощи", когда каждая страна будет оказывать помощь" в соответствии с её географическим положением, источниками сырья и в той форме, которая наиболее эффективна". Причем, "распределение этой материальной и финансовой помощи будет осуществляться в соответствии с общим соглашением между странами Брюссельского договора и США"¹¹.

Подобная постановка вопроса вызвала недовольство правящих кругов Франции. Де Голль заявил: "Чтобы иметь практическое значение, Североатлантический договор должен быть подкреплен конкретными обязательствами новой американской помощи". В своем сообщении посол во Франции напоминал, что ратификация Североатлантического договора Францией не состоится раньше середины мая и будет в значительной степени зависеть от того, утвердит ли американский конгресс программу военной помощи¹². В стране развернулось мощное движение прогрессивных сил, возглавляемых партией против участия страны в Атлантическом пакте.

21 апреля 1949 г. правительство Трумэна направило в конгресс законопроект об ассигновании на военную помощь западноевропейским странам-членам НАТО 1130 млн. долларов на 1950 г. Через несколько дней в Вашингтон прибыл Поль Рейно, реакционный политический деятель Франции. В течение четырех дней он встречался с различными официальными лицами. В том числе состоялась беседа с президентом Трумэном и государственным секретарем Ачесоном о "программе взаимной помощи" и финансовых проблемах Франции¹³.

21 июля 1949 года Североатлантический договор был ратифицирован американским сенатом, а 26 июля Национальным собранием Франции. 25 июля президент Трумэн представил на рассмотрение в конгресс законопроект "программы взаимной помощи". Выступая в коми-

тете по иностранным делам палаты представителей Ачесон отметил, что оказание военной помощи союзникам "чрезвычайно, настоятельно необходимо", подчеркнув при этом, что "вся годовая программа представляет собой не более одной пятой оборонных расходов стран-получателей этой помощи"¹⁴.

Комитетами сената США в это время рассматривались заявки стран-получателей и законопроект договора о военной помощи. Среди поправок, предложенных конгрессменами, встречались самые различные: от предложений "реализовать программу" до предложений "взять обратно". Только Ванденбург и Даллес внесли семь поправок с целью "сделать очевидным главенство Североатлантического договора"¹⁵. Другие давали понять, что "ожидаемая помощь будет определяться степенью продвижения интеграции Европы"¹⁶. Взамен за предоставляемую "помощь" американские дипломаты требовали не просто автоматического роста военных расходов, но выдвигали задачу более тесного экономического и военно-политического объединения западноевропейских стран, что, по мнению США, принесло бы им большие экономические и политические выгоды¹⁷.

В меморандуме от 15 сентября, подготовленном госдепартаментом США, отмечалось, что Франция, имея в виду предстоящие двусторонние переговоры, заинтересована в решении вопросов о платежах и тарифах. На что госдепартамент заручился согласием международного валютного фонда поступать "в соответствии с политикой США". Представители Франции предложили изучить вопрос о снабжении французской армии новым американским оружием, которое могло бы быть использовано для подавления национально-освободительного движения в Индокитае. Они обратили внимание американской стороны на значительный рост военных расходов Франции в 1949 г. — до 385 млрд. франков и просили выделить кредиты в 500 млрд. франков. Государственный секретарь Ачесон уведомил представителей французского правительства, что в связи с техническими аспектами подготовки вопросов финансовой помощи Франции требуется больше времени на их рассмотрение¹⁸.

17 сентября 1949 г. в Вашингтоне проходила первая сессия Совета НАТО. Вопросы, рассмотренные на сессии, носили чисто организационный характер. Попытки США обратиться к проблемам, наиболее болезненным для Европы, — проблемам экономического сотрудничества, экономической интеграции — закончились неудачей¹⁹. Помимо всего прочего, борьба шла по проблеме лидерства в Европе, на которое

претендовали как Франция, так и Англия. Кроме того, представители Франции выступили против предложения американских дипломатов подключить Западную Германию к интеграционному процессу в Европе.

Готовясь к следующей сессии Совета НАТО, а главным образом к двусторонним переговорам, США еще и еще раз напоминают французскому правительству о том, что "вклад в дело обороны Европы не означает простого роста военных расходов" и рекомендуют "увеличить действенность" этих расходов²⁰.

6 октября президентом Трумэнном был подписан "Акт об оборонительной взаимопомощи". Поставки по этой программе планировалось начать с 1 июля 1950 г. и распределять, как прежде, через "администрацию экономического сотрудничества", т.е., под строгим контролем США.

Положение во французской экономике, по мнению американских экспертов, несколько стабилизировалось. "Франция, отмечали они, еще не победила инфляцию, но рост цен находится под частичным контролем, франк довольно устойчив, черный рынок стал серее, бюджет несколько в лучшем состоянии". Однако результаты, по их мнению, "еще далеки от ее возможностей"²¹. Следует заметить, что военный бюджет Франции в сравнении с военными бюджетами её европейских союзников, был самым большим. Он составлял 13% валового национального продукта, тогда как в Англии - 9,7%. При этом треть военных расходов шла на войну в Индокитае²², а всякие попытки свернуть там военные действия оборачивались угрозой сокращения американской "помощи"²³.

12 октября Ачесон сообщил послу США во Франции о подготовке переговоров по заключению соглашения о военной помощи и просил подготовить проект "в течение нескольких дней"²⁴.

В процессе подготовки к предстоящим переговорам 21-22 октября в Париже состоялась встреча послов США в западноевропейских странах. По окончании ее посол США во Франции Брус сообщил в Вашингтон: "Был тщательно изучен вопрос о том, как далеко готовы пойти европейцы в экономическом объединении. Мы согласились, писал он, что следует настоять на всех позитивных мерах, которые смогут шаг за шагом вести к европейской интеграции"²⁵.

18 ноября в Вашингтоне состоялась вторая сессия Совета НАТО, на которой были созданы комитет по финансированию обороны и экономики и совет по военному производству и поставкам²⁶. Затем в

Париже состоялось совещание начальников генеральных штабов и министров иностранных дел стран-членов блока, на котором союзники были ознакомлены со стратегическим планом НАТО. США поставили перед своими союзниками условие, что только согласие с этим стратегическим антисоветским военным планом обеспечит дальнейшее поступление американской помощи²⁷. Суть его состояла в том, что Франция должна поставлять пехотные части "для обороны Запада", тогда как флот и авиацию должны будут развивать Англия и США.

1 декабря 1949 г. в Париже состоялось заседание комитета по финансированию обороны, участники которого "согласились со стратегической концепцией по совместной обороне Североатлантического региона" и с методами, "посредством которых следует разработать программу производства и распределения военного оборудования и вооружений"²⁸.

Второго декабря начались двусторонние американо-французские переговоры, в ходе которых было предъявлено требование, чтобы Франция взяла на себя "конкретные обязательства на предмет достижения финансовой стабильности и других соответствующих целей"²⁹.

27 января 1950 г. было подписано франко-американское соглашение о военной помощи США Франции на 1950/51 финансовый год и условиях её использования. Аналогичные соглашения были подписаны и с другими европейскими союзниками США. Подписание их явилось началом нового этапа гонки вооружений. Внешняя и военная политика западноевропейских стран-членов НАТО была поставлена под контроль США³⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 История Франции.: В 3-х томах / Под ред. А.З.Манфреда.-Т.3.-М., 1973. -С.328.
- 2 Градобитова Л.Д., Пискулов Ю.В. Экономика и дипломатия.-М., 1985. -С.13.
- 3 Gardner R. Sterling-Dollar Diplomacy.-Oxford., 1956.-P.LXVI.
- 4 Молчанов Н.Н. Четвертая республика.-М., 1963. -С.191.
- 5 The Euro-American System.-Frankfurt., 1976.-P.21.
- 6 Furnis E. France Troubled Ally.-N.Y., 1960.-P.34.
- 7 McKay D. The United States and France.-Harvard., 1951.-P.263.
- 8 Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FR). 1949.-Vol.IV.-Wash., 1975.-P.626-630.

- 9 Пелипась М.Я. Обсуждение Североатлантического договора в сенате Соединенных Штатов Америки и вопроса о военной помощи союзникам США.-Вопросы всеобщей истории и историографии.-Томск, 1973.-С.34.
- 10 FR.1949.-Vol.IV.-P.285-287.
- 11 Ibid.-P.287-288.
- 12 Ibid.-P.288-289.
- 13 Ibid.-P.641-642.
- 14 Lord Ismay. NATO.The First Five Years.1949-1954.-Utrecht,1955.-P.24.
- 15 Ibidem.
- 16 Kaplan J. The Community of Interests: NATO and the Military Assistance Program.1948-1951.-Wash.,1980.-P.76.
- 17 Западноевропейская интеграция:политические аспекты.-М.,1985.-С.27.
- 18 FR.1949.-Vol.IV.-P.655-661.
- 19 Lord Ismay.-Op.cit.-P.150.
- 20 FR.1949.-Vol.IV.-P.667-669.
- 21 Congressional Record Proceedings and Debates of 81-th Congress (CR).-Part 16.-P.A6233.
- 22 Serfaty S. France,De Golle and Europe.-Baltimore,1968.-P.47.
- 23 Потапова А.А. Экспорт капитала - орудие экспансии США.-М.,1985.-С.182.
- 24 FR.1949.-Vol.IV.-P.670-671.
- 25 Ibid.-P.324-344.
- 26 Lord Ismay.-Op.cit.-P.25.
- 27 Халоба Б.Североатлантический блок.-М.,1960.-С.71.
- 28 Lord Ismay.-Op.cit.-P.27.
- 29 FR.1949.-Vol.IV.-P.682-687.
- 30 Международные отношения после второй мировой войны.: В 3-х томах / Под ред. А.Г.Малеиковского.-Т.1:1945-1949.М.,1962.-С.628.

АМЕРИКАНСКОЕ "ПОСРЕДНИЧЕСТВО" В АНГЛО-ИРАНСКОМ "НЕФТЯНОМ КОНФЛИКТЕ" В 1951 Г.

Е.М.Богданов

"Нефтяной конфликт", "нефтяной кризис" - принятое в американской историографии название периода с 1951 по 1954 г., который наступил в международных отношениях вслед за национализацией в мае 1951 г. иранским правительством Национального фронта во главе с премьер-министром Мосаддыком собственности Англо-иранской нефтяной компании (АИНК).¹ В книге Рубина "Вымощенная благими намерениями", посвященной исследованию послевоенной политики США в Иране, вышедшей во время ирано-американского конфликта 1979-1981 гг., высказывается мнение, что иранская политика США начала 50-х гг. особенно важна для понимания непопулярности Соединенных Штатов в Иране. Название своей книги автор истолковывает так: "Начав как союзник националистов в их борьбе против внешнего контроля, США в конце концов стали в глазах иранцев новой империалистической державой".²

Американское "посредничество" состояло в серии переговоров экспертов по нефти госдепартамента с представителями Ирана и Великобритании под предлогом урегулирования кризиса. На самом деле это был внешнеполитический канал выработки собственной нефтяной политики в Иране. Редактор журнала "Мидл Истерн Эферс" Шводран писал по этому поводу: "Роль США была не такой, с которой англичане прежде были знакомы по средневозточным нефтяным конфликтам: американцы не стали просить доли в эксплуатации иранской нефти, а предложили себя британским дипломатам и представителям компании в качестве незаинтересованного третьего участника переговоров, озабоченного поиском скорейшего разрешения спора, удовлетворяющего обе стороны, расстроив таким образом все их планы".³ Внутриполитические факторы принятия Соединенными Штатами решения по иранской нефтяной проблеме представляют собой особый предмет исследования, в данной статье они не освещаются.

В октябре 1954 г. посреднические переговоры привели к соглашению Ирана с Международным нефтяным консорциумом (МНК) о признании национализации, возобновлении добычи нефти и равном разделе прибылей от ее продажи. Как только проект соглашения стал известен, "Нью-Йорк таймс" в редакционной статье назвала его "крупнейшей победой американской дипломатии".⁴ По предварительной дого-

воренности между крупнейшими монополиями о распределении прибылей в консорциуме пять транснациональных нефтяных компаний США обеспечили себе равную долю с Англо-иранской нефтяной компанией, равную 40%. 14% получила англо-голландская "Ройял датч шелл", остальные 6% - французская "Компани Франсез де петроле". По этим двум соглашениям АИНК причиталась компенсация: 25 млн.ф.ст. - от Ирана и 510 млн. дол. - от прочих компаний - участниц МНК. В силу этого обстоятельства договоренность между американскими монополиями и АИНК в финансовых кругах назвали "крупнейшей сделкой в истории" ⁵.

В специальной советской и зарубежной литературе имеются сведения о переговорах 1951 г. : миссия Гарримана в Тегеран, встрече Ачесона с министром иностранных дел Великобритании Иденом в Париже. Однако факт переговоров Макги с Мосаддыком в Нью-Йорке в октябре - связующее звено в этой цепи - лишь упоминается в книгах Элвелла-Саттона и С.М.Алиева ⁶. Недавно вышли в свет мемуары Макги, специалиста по нефтяному делу и нефтепромышленника ⁷. Книга раскрывает содержание октябрьских переговоров и проливает новый свет на известные советским историкам мемуары главных действующих лиц тех событий и прочие источники ⁸. Существенную новизну в историю миссии Гарримана вносят мемуары Уолтерса, представителя США при ООН ⁹.

Суть американской политики по отношению к национализации иранской нефтяной промышленности Макги изложил на встрече с шахом в марте 1951 г. Макги указал, что владение предприятиями было бы не столь важным, как контроль над их работой и раздел прибылей от продажи продукции. При этом ключевую роль должен был сыграть лозунг "равного раздела прибылей". В сущности, именно на этой основе три года спустя в Иране начал действовать консорциум западных нефтяных монополий, включая АИНК, пишет он в мемуарах ¹⁰.

Выработав такой курс, госдепартамент ясно дал понять англичанам, что не станет мешать их усилиям, направленным на достижение любого соглашения, в том случае, если такому соглашению будет обеспечен успех ¹¹. Надежды на успех были объективно лишены переговоры, которые АИНК намерена была вести с иранским правительством о продолжении собственного контроля, даже при согласии компании на "равный раздел прибылей", но без признания закона о национализации. Такова была позиция заместителя председателя АИНК Джексона, прибывшего в Тегеран в июне 1951 г. ¹²

Правительство Великобритании отвергало национализацию и не желало рассматривать обычно возникающий в таких случаях вопрос о компенсации. Оно аргументировало свой отказ тем, что "односторонний акт национализации был конфискацией, разрывом контракта, за который иранское правительство понесет ответственность".¹³ Зная об этом, Макги на встрече с британским послом в Вашингтоне Фрэнксом 10 апреля предложил английской стороне следовать принципу "национализация без компенсации", что привело бы непосредственно к "равному" разделу прибылей при сохранении контроля АИНК.¹⁴

Ачесон и его подчиненные знали, что Ирану нечем возместить АИНК, кроме нефти.¹⁵ Однако предложение признать национализацию без компенсации диктовалось не "признанием суверенных прав Ирана", как говорилось в заявлении госдепартамента о переговорах Макги с Фрэнксом.¹⁶ Во внешнеполитическом ведомстве США было известно о затруднениях английских правящих кругов в случае принятия "равного раздела" прибылей. На Среднем Востоке, где доминировала АИНК — основной производитель нефти в капиталистическом мире, "равный раздел" прибылей впервые предложила Саудовской Аравии американская компания Арамко. Это произошло в декабре 1950 г., и лишь год спустя АИНК решилась на тот же шаг в Кувейте, где она имела равную долю с американской компанией "Галф Кувейт ойл компани".¹⁷ На протяжении 1951 г. американцы не уставали повторять, что АИНК не желает сотрудничать с Арамко, т.е. крупнейшими американскими компаниями "Эксон", "Сокал", "Тексако" и "Мобил", составлявшими ее капитал.¹⁸ Действительно, Арамко была основной соперницей АИНК, сумевшей перехватить у нее к 1952 г. первенство в капиталистическом мире по добыче нефти.¹⁹

Лозунг "национализация без компенсации" был очередным вызовом американских монополий Англо-иранской нефтяной компании, который она, без риска потерять конкурентоспособность, принять не могла. Вопрос, кто выплатит компенсацию, или, если бы сам Иран стал выплачивать ее нефтью, кто будет осуществлять поставки, включался в порядок дня. 3 мая, на следующий день после вхождения в силу иранского закона о национализации собственности АИНК, "Нью-Йорк таймс" спрашивала в редакционной статье: чем иранцы собираются расплачиваться с компанией?²⁰ Приехав 15 июля в Тегеран, Гарриман начал переговоры с Мосаддыком о того же вопроса. Поначалу премьер-министр отвергал идею компенсации. Доходы, полученные АИНК за многие годы, более чем покрыли долг Ирана за поиски и расширение добычи нефти, — аргументировал он свой отказ. Однако позднее по настоянию американской стороны Мосаддык выразил готовность вести с англичанами пе-

переговоры о возмещении АИНК при условии признания национализации. ²¹

Согласие премьер-министра Ирана дало Гарриману возможность отправиться в конце июля в Лондон, где он убедил англичан сделать встречный шаг: 6 августа представитель президента вернулся в Тегеран в сопровождении британской правительственной делегации во главе с лордом-хранителем печати Стоуксом. Факт приезда Стоукса для переговоров о компенсации означал признание права Ирана национализировать нефтяную промышленность.

По свидетельству Уолтерса, беседы представителей иранского правительства со Стоуксом и Гарриманом шли раздельно, но по настоянию Мосаддыка Уолтерс вел перевод тех и других переговоров, и Гарриман знал о содержании англо-иранских переговоров, в то время как Стоукс оставался в неведении относительно американо-иранских консультаций. ²² Сблизив стороны на основе взаимного принятия принципа "национализация с компенсацией", Гарриман повел собственные переговоры о цене за нефть, общих условиях продажи нефтепродуктов и, что самое главное, американском участии в их сбыте. ²³ Кроме того, он создал основу для дальнейших переговоров о привлечении американского капитала в иранскую нефтяную промышленность — добился согласия иранской стороны интерпретировать слова закона о национализации "все операции по разведке, добыче и эксплуатации нефти будут находиться в руках правительства" как "в сфере компетенции правительства". ²⁴

13 августа англичане выдвинули условие, что возобновить поставки нефти должна британская "Закупочная организация" и сообщили об этом прессе. Англо-иранские переговоры пришли в противоречие с американо-иранскими, от которых Мосаддык ожидал большего. Когда 22 августа премьер-министр предложил Стоуксу внимательно рассмотреть точку зрения иранского правительства по вопросу о компенсации и сбыте, тот вылетел в Лондон, после чего "Форин офис" официально прервал переговоры. Вынужденный уехать вслед за Стоуксом, Гарриман говорил Мосаддыку, что "Соединенные Штаты — друг Ирана", "хотят быть ему полезными на деле" и что "это еще не конец". ²⁵

Отношения Ирана с Великобританией обострились. В конце сентября иранские войска заняли нефтеперерабатывающий завод АИНК в Абадане. ²⁶ Английское правительство обратилось с жалобой в Совет Безопасности ООН. Бывший чиновник госдепартамента Грейсон истолковывает продолжение американо-иранских переговоров вследствие действий англичан как "иронию судьбы". ²⁷ Макги также отмечает неуместное объяснение личного присутствия Мосаддыка в Нью-Йорке на засе-

даниях Совета Безопасности. Он уверяет, что послание президента Трумэна главе лейбористского кабинета Великобритании, по ошибке попавшее к премьер-министру Ирана, возвысило того в его собственных глазах до мирового уровня.²⁸ На наш взгляд, факт переговоров Мосаддыка с Макги и Ачесоном в Нью-Йорке и Вашингтоне 8 октября- 18 ноября 1951 г. представляется закономерным в свете новых данных о миссии Гарримана.

Макги начал переговоры с Мосаддыком на следующий день после его приезда в Нью-Йорк. В Совете Безопасности иранский премьер-министр выступил 15 и 16 октября, после чего, по приглашению президента Трумэна, приехал в Вашингтон, где вел переговоры с американцами. Вместе с Макги в переговорах участвовали: Нитце, глава отдела планирования политики госдепартамента, и Лиддер, помощник госсекретаря по экономическим вопросам. Дискуссии заняли в общей сложности 80 часов. Впоследствии Уолтерс подготовил материалы переговоров к публикации в правительственном издании "Форин релейнс". Считалось, что если Мосаддык вообще намерен с кем-либо договориться, то этим человеком будет Макги. Журналисты прочли им даже Нобелевскую премию мира.²⁹

Дискуссии начались с вопроса о компенсации АИНК. Платить нефтью премьер-министр отказался. По его словам, нефтяных запасов самому Ирану для внутреннего потребления хватало лишь на восемь месяцев. По оценкам иранских экономистов, годовое потребление нефтепродуктов Ираном в 1951 г. составило 912 тыс. т; АИНК же оставила в нефти - хранилищах Абадана 13 млн. баррелей, т.е. в 2 раза больше.³⁰ Запасов хватало не на 8, а на 24 месяца, и Мосаддык не мог не знать этого. Знал это и Макги, но не возражал: было очевидно, что у иранской стороны иные мотивы затруднить взаимопонимание с англичанами, которые соглашались только на натуральное возмещение. Премьер-министр Ирана заявил, что пообещал меджлису передать вопрос о компенсации на рассмотрение президента Трумэна.³¹

Макги продолжил начатую Гарриманом подготовку вторжения американского капитала в нефтяную промышленность Ирана. В одной из бесед с Мосаддыком он указал на осложнения, созданные национализацией абаданского нефтеперерабатывающего завода. По мнению Макги, для иранцев он был слишком сложен в эксплуатации. "Таковыми заводами оперируют компании, обладающие всей широтой технической компетенции", - сказал он.³² На этом этапе к переговорам подключился государственный секретарь Ачесон, который согласовал с иранским премьер-министром окончательный вариант урегулирования. Он предусматривал передачу Абадана "небританской", т.е. американской, компании, которая долж-

на была компенсировать АИНК. Годовой объем добычи был установлен на уровне 30 млн. т., Абадан мог переработать 24 млн. т. Оставалось 6 млн. т. Такова была пропускная способность нефтеналивного терминала в порту Бендер-Машур.³³ Это количество нефти Мосаддык согласился продавать АИНК по цене 1,10 дол. за баррель. Нефтяные доходы Ирана должны были возрасти с 25 до 75 млн. дол. в год.³⁴ Отметим, что при том же объеме добычи Саудовская Аравия получила в 1951 г., после соглашения с Арамко, 90 млн. дол.³⁵ Дополнительное соглашение с АИНК, отвергнутое Ираном накануне соглашения Саудовской Аравии с Арамко, предлагало ему лучшие в тот момент условия в регионе. Уступив нажиму американской дипломатии, Иран был вынужден принять самые худшие на Среднем Востоке предложения. При этом от него требовалась уступка Великобритании: поначалу Мосаддык просил 1,75 дол. за каждый баррель нефти, отгружаемой в Бендер-Машуре. Это соответствовало базовой цене в Персидском заливе.³⁶ Но Ачесон заставил премьер-министра уступить. Разве недостаточно устранения англичан из Ирана и утращения его нефтяных доходов? — настаивал он.³⁷

Считалось, что в таком виде проект урегулирования вполне приемлем для англичан, так как АИНК получила достаточный разрыв в ценах для обеспечения существенной торговой прибыли, которая со временем возместила бы передачу Абадана. По американским расчетам, для АИНК результат приближался к "равному разделу прибылей".³⁸ Однако поскольку прибыль нефтяных компаний складывалась в основном от операций по переработке нефти и розничной продаже нефтепродуктов, "небританская компания" оказывалась в более выгодном положении.

25 октября в Англии на смену лейбористам пришло консервативное правительство Черчилля. Министром иностранных дел стал Иден. 4 ноября Ачесон встретился с ним в Париже. Переговоры продолжались до 14 ноября. Государственного секретаря сопровождали Линдер и Гарриман. Ачесон высказал мнение, что сведения об Иране Иден "продолжал черпать из того же отравленного источника, что и его предшественник". Под этим источником следовало понимать АИНК.³⁹ Впрочем, Иден не делал из этого секрета: "На каждом этапе переговоров между нами и компанией велись продолжительные консультации", — пишет он в мемуарах. В свою очередь, глава английской дипломатии был всерьез обеспокоен той поддержкой, которую Мосаддык в конфликте с Великобританией извлекал из "нейтралитета" Соединенных Штатов. Иранское правительство публично заявляло, что США поддерживают его.⁴⁰

Оппозиция англичан американским нефтяным планам в Иране проявилась на переговорах в полную меру. Иден не мог согласиться с по-

терей Абадана. В качестве альтернативы он выдвинул предложение о совместном участии английского и американского капитала в эксплуатации иранской нефти. Иден видел в этом единственный способ покончить с тем, что Мосаддык постоянно "разыгрывал американскую карту" против Англии. Американская сторона считала, что предложение несколько запоздало. Гарриман сказал, что, будь оно сделано предыдущим летом, это повлияло бы на образ мыслей иранцев и привело бы к более удовлетворительному для англичан решению.⁴¹

Что касается позиции Ирана по этому вопросу, то еще в Нью-Йорке на беседе с Макги Мосаддык отверг идею эксплуатации иранской нефти международным консорциумом, в котором доля американских компаний "Эксон" и "Мобил" равнялась бы долям АИИК и "Шелл" и составила 23,75%. Ему импонировал контролируемый только американцами консорциум по типу Саудовской Аравии - Арамко.⁴² Это оказалось неприемлемым для англичан, а госдепартамент ещё не решился поступиться отношениями с Великобританией ради продвижения в Иране.

Таким образом, в 1951 г. Соединенным Штатам удалось сделать заметный шаг в проникновении американских монополий в нефтяную промышленность Ирана. "Крупнейшая сделка в истории" - выкуп нефтяными монополиями США части прибылей в консорциуме у АИИК - вытекала из постановки Гарриманом вопроса о компенсации в центр англо-иранских переговоров: на последовавших американо-иранских переговорах проблема возмещения АИИК Ираном превратилась в проблему возмещения АИИК американцами. При этом становится очевидным, что равную долю прибылей в консорциуме не Англия уступила Соединенным Штатам, как считал, например, французский журналист Фонтэн,⁴³ а Соединенные Штаты - Англии, т.к. уже в ходе американо-иранских переговоров 1951 г. была согласована большая мера американского участия в иранской нефтяной промышленности, чем в конечном варианте соглашения участников консорциума. Действительно, если летом этого года речь шла о сбыте нефтепродуктов, то осенью обговаривалось их производство. Наконец, соглашение консорциума с Ираном осуществилось на основе известной формулы Гарримана, выработанной летом 1951 г. в Тегеране, которая воплотила идею Макги о поддержке национализации на словах и ограничения её на деле.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Grayson B.L. United States - Iranian Relations. - Wash., 1981. - P.123.
- 2 Rubin B. Paved with Good Intentions: The American Experience and Iran. - N.Y., 1980. - P.57.
3. Shwadran B. The Middle East, Oil and the Great Powers. N.Y., 1959. -P.103.
- 4 New York Times. - 1954. - August 6.
- 5 Fanning L. Foreign Oil and the Free World. - N.Y., 1954.- P.294.
- 6 Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть. К истории "политики силы" / Пер. с англ. - М., 1956. - С.340; Алиев С.М. Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. - М., 1985. -С.100.
- 7 McGhee G. Envoy to the Middle East. Adventures in Diplomacy. - N.Y., 1983. - P.457.
- 8 Acheson D. Present at the Creation. My years in the State Department. - N.Y., 1970.-1024p.; Eden A. The Memoirs. Full Circle. - L., 1960.-619p.
- 9 Walters V. Silent Missions. - N.Y., 1978. -654p.
- 10 McGhee G. Op. cit. - P.327.
- 11 Department of State Bulletin. -1954.-May 10.
- 12 Longrigg S.H. Oil in the Middle East: Its Discovery and Development. - L., 1968. - P.164.
- 13 Shwadran B. Op. cit. -P.109.
- 14 McGhee G. Op. cit. - P.335.
- 15 Acheson D. Op. cit. - P.652.
- 16 Department of State Bulletin.-1954.-May 10.
- 17 United Nations. Department of Economic Affairs. Review of Economic Conditions in the Middle East. 1951/52. - N.Y., 1953. - P.61.
- 18 McGhee G. Op. cit. - P.326.
- 19 Fanning L. Op. cit. - P.55.
- 20 New York Times. - 1951. -May 3.

- 21 Walters V. Op. cit. - P.253.
- 22 Ibid. -P. 256.
- 23 Ibidem.
- 24 Shwadran B. Op. cit. - P.120.
- 25 Walters V. Op. cit. - P.258.
- 26 Нефтеперерабатывающий завод в Абадане, в то время крупнейший в мире, был основной частью недвижимой собственности АИНК в Иране. Национализация иранской нефтяной промышленности означала прежде всего экспроприацию завода, а также нефтепроводов и бурового оборудования месторождений. По концессионному договору 1933г. сами месторождения считались собственностью Ирана. Национализация означала, помимо сказанного, прекращение концессии.
- 27 Grayson B. L. Op. cit. - P.128.
- 28 McGhee G. Op. cit. - P.389-390.
- 29 Ibid. - P.401; Walters V. Op. cit. - P.261.
- 30 Bharier J. Economic Development in Iran, 1900-1970. - L., 1971. - P.161.
- 31 McGhee G. Op. cit. - P.394.
- 32 Ibid. - P.395; Acheson D. Op. cit. - P.658.
- 33 Longhurst H. Adventure in Oil: The Story of British Petroleum. - L., 1959. - P.144-145.
- 34 McGhee G. Op. cit.- P.401.
- 35 Fanning L. Op. cit. - P.113.
- 36 Review of the Economic Conditions in the Middle East. - P.60.
- 37 McGhee G. Op. cit. - P.399.
- 38 Ibid. - P.402.
- 39 Acheson D. Op. cit. - P.659.
- 40 Eden A. Op. cit. - P.198-200.
- 41 Ibid. - P.201-202.
- 42 McGhee G. Op. cit. - P.395.
- 43 Fontaine P. La Guerre Froide du Petrole. - Paris, 1956. -P.152.

ЭКСПАНСИОНИСТСКАЯ ПОЛИТИКА США В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
АЗИИ И ОБРАЗОВАНИЕ ТИХООКЕАНСКОГО ПАКТА /АНЕКС/
/1950-1951 гг./

Я. Г. Джанов

Во второй половине 40-х гг. в Азии сложилась новая обстановка: победа революции в Китае, образование народно-демократических государств в Корее и Вьетнаме, подъем национально-освободительного движения - все это ослабило позиции империализма в этом регионе, подорвало влияние колониальных держав. Ранее господствовавшие здесь Англия, Франция и Япония, ослабленные второй мировой войной, не могли сдержать рост освободительной борьбы народов.

В этих условиях организатором подавления революционных процессов в этом районе, как и на всем земном шаре, стали Соединенные Штаты Америки. Они стремились направить освободившиеся страны по капиталистическому пути, создать условия для неоколониалистского грабежа, гарантировать американским монополиям безопасность капиталовложений, потеснить своих конкурентов в этой части мира. Чтобы достичь поставленных целей, Вашингтон старался наладить особые отношения со странами Азии и тихоокеанского бассейна, опутать их системой военно-политических блоков.

Заинтересованность американского империализма в укреплении своих позиций в Азии была отражена в ряде документов, принятых администрацией Трумэна в конце 1949-начале 1950 г. 23 декабря 1949 г. Совет национальной безопасности /СНБ/ США, определяя в специальной директиве значение Азии для Соединенных Штатов, подчеркивал: "Создание в этом регионе устойчивых и независимых государств, дружественных Соединенным Штатам Америки, и стремление использовать конструктивно их потенциальную мощь должно укреплять безопасность Азии и усиливать позиции Соединенных Штатов в мире"¹.

Особый интерес США проявляли к Юго-Восточной Азии. Американские государственные, политические деятели и генералы неоднократно подчеркивали особое военно-стратегическое значение этого района, возрастание его важности в связи с революцией в Китае. Министр обороны в правительстве Трумэна Джонсон в письме государственному секретарю Ачесону в апреле 1950 г., говоря о значимости Юго-Восточной Азии для Соединенных Штатов, указывал на наличие здесь больших сырьевых запасов - 2/3 мирового производства олова, 95 процентов потребностей США в натуральном каучуке удовлетворялись в то время за счет импорта из этого региона².

Подчеркивая важность данного региона, он писал: "Юго-Восточная Азия - жизненная часть в линии сдерживания коммунизма, протянувшейся от Японии на юг и вокруг полуострова Индостан. Безопасность трех главных некоммунистических районов мира - Японии, Индии и Австралии - зависит в огромной мере от способности государств Юго-Восточной Азии противостоять коммунизму"³.

Сущность стратегии и тактики США в Азии была сформулирована Советом национальной безопасности 30 декабря 1949 г. в документе под названием "Позиция Соединенных Штатов в отношении Азии". В нем, в частности, отмечалось, что США должны продолжать использовать свое влияние в Азии, чтобы "...удовлетворить основные требования националистического движения, уменьшая в то же время поддержку колониальных держав, которые являются нашими западными союзниками"⁴. Соединенные Штаты таким образом стремились занять позицию, которая позволяла бы им маневрировать между солидарностью с империалистическими государствами /с их вытеснением из этого региона в дальнейшем/ и политикой заигрывания с национально-освободительным движением, пытаясь при этом повернуть его против стран социализма.

В приведенном выше документе СНБ отмечалось, что США должны поддержать усилия азиатских националистических лидеров создать региональные организации "некоммунистических" государств в различных районах Азии, а также должны помочь этим ассоциациям в достижении их целей, при условии, что они будут соответствовать американским интересам. СНБ подчеркивал, что необходимо обеспечить политическую и военную помощь правительствам, которым будет угрожать "коммунистическая агрессия". Далее Совет национальной безопасности предлагал развивать многостороннее и двухстороннее сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии⁵.

Думается, что Совет национальной безопасности не случайно поставил вопрос о создании военно-политических объединений в Азии спустя всего лишь несколько недель после образования Китайской Народной Республики. Поскольку речь шла о регионе, непосредственно граничащем с КНР, то Вашингтон опасался в первую очередь воздействия китайской революции на азиатские страны. А упоминание СНБ угрозы "коммунистической агрессии" свидетельствует о том, что создание будущих ассоциаций мыслилось на антикоммунистической основе.

Планы создания военно-политического блока в Азии американские правящие круги стали разрабатывать сразу после окончания второй мировой войны. Первоначально предполагалось, что основой такого союза на Тихом океане станут Филиппины и Южная Корея, а возглавит

его гомиьндановский Китай. Но ввиду развала чанкайшистского режима этот план оказался неприемлемым.

В этой ситуации США стали осуществлять другой вариант, уделяя при этом особое внимание Филиппинам, которые, получив формально независимость в 1946 г., оставались связанными с Соединенными Штатами целым рядом кабальных экономических и военных соглашений. Оказав давление на филиппинское правительство, Вашингтон способствовал тому, что оно еще в начале 1949 г. выступило инициатором образования регионального альянса на Тихом океане. На конференции в Дели, созванной в январе 1949 г., представитель Филиппин призвал азиатские страны создать "могущественную постоянную организацию азиатских стран для охраны Дальнего Востока от "коммунизма" или другой иностранной идеологии"⁶.

Год спустя филиппинский представитель в ООН Ромуло предпринял зондаж среди дипломатов стран Запада и Юго-Восточной Азии относительно создания региональной организации в КВА. Реакция азиатских стран на этот зондаж, по оценке помощника государственного секретаря США Баттервортов, была "прохладной и осторожной". Такая позиция объяснялась тем, что филиппинская инициатива, с точки зрения Индии и ряда других азиатских государств, преследовала цель создания союза, имеющего военный характер и антикоммунистическую направленность. Филиппинское руководство пыталось маневрировать, подчеркивая, что их предложение предполагает пакт, который бы ограничивал свою деятельность лишь рамками политического и культурного сотрудничества. Но даже такая постановка вопроса, по мнению высокопоставленного американского дипломата Аллисона, не вызвала энтузиазма у азиатских стран⁷.

На совещании дипломатических представителей США в странах Дальнего Востока, состоявшемся 13-15 февраля 1950 г. в Бангкоке, американские дипломаты вынуждены были констатировать, что идея создания региональной ассоциации заинтересовала лишь Таиланд и Южную Корею, а Бирма, Цейлон, Индия, Япония и Пакистан отнеслись к ней негативно. Кроме того, все азиатские государства "возражают против создания антикоммунистического блока или военного союза". Здесь же выяснилось, что Австралия не проявила энтузиазма относительно создания альянса, а Новая Зеландия соглашалась на участие в Тихоокеанском пакте при условии вхождения в него "только США, Австралии и Великобритании"⁸.

Позиция Австралии и Новой Зеландии не соответствовала интересам США на Тихом океане. Соединенные Штаты связывали особые надежды именно с этими государствами, рассчитывая, что их участие в военно-по-

литических блоках в Юго-Восточной Азии должно обеспечить прозападную ориентацию планируемых ассоциаций. Об этом напоминал американскому послу в Австралии государственный секретарь Ачесон в телеграмме от 25 февраля 1950 г. Он указывал, что госдепартамент придает большое значение созданию региональной коалиции в Юго-Восточной Азии и что участие в ней Австралии и Новой Зеландии "должно обеспечить прозападную ориентацию любых складывающихся здесь ассоциаций"⁹.

Таким образом, на пути образования военно-политической группировки в Азии США столкнулись с рядом сложных проблем. Одной из них, с точки зрения американского дипломата Джессепа, были внутренние трудности азиатских стран. В начале 1950 г. Джессеп совершил поездку по 14 странам Азии. Свои сомнения относительно способности государств этого региона создать какой-либо союз он высказал 23 марта 1950 г. на совещании в госдепартаменте, которое проводилось государственным секретарем Ачесоном. Было заявлено, что правительства стран Юго-Восточной Азии имеют недемократический, с точки зрения США, характер, при этом они "коррупционированы и некомпетентны". Экономические и финансовые трудности этих стран обусловлены отсутствием квалифицированных кадров. Далее Джессеп указал на военную слабость режимов этого района, которая особенно хорошо была видна в действиях против левых сил /многие из этих стран были охвачены гражданскими войнами/, в то же время он отметил силу местных коммунистов. Было обращено также внимание на то, что в названном районе существует недоверие к Западу. Это недоверие усугублялось отсутствием координации действий империалистических государств в Азии, разным подходом США и Великобритании к проблеме признания КНР. Джессеп считал, что многое для США в Юго-Восточной Азии будет зависеть от развития событий в Китае. На совещании он также подчеркнул, что страны Индокитая не считают региональный пакт важным предметом и вообще, по его мнению, "азиаты склонны выжидать". При этом Джессеп заявил, что ситуация для США небезнадёжная, что нужно действовать решительно, поскольку, как он выразился в докладе, "азиаты склонны вставать на сторону победителя"¹⁰. По сути дела, Джессеп рекомендовал использовать силу ради достижения целей США в этом регионе.

Непростым для США был вопрос о том, какие государства следует вовлечь в планировавшийся военно-политический блок. Особую сложность при этом представляла проблема Японии. Соединенные Штаты после второй мировой войны стремились превратить ее в своего союзника в борьбе против социализма и национально-освободительного дви-

жения в Азии. Страны тихоокеанского бассейна, в свою очередь, испытывали недоверие к Японии, привлечение ее к региональному блоку могло нанести ущерб США. В то время в госдепартаменте полагали, что создание пакта из государств только с белым населением вызовет обвинения в "белом империализме". Но в то же время участие в блоке экономически отсталых азиатских стран делало сложной проблему финансового вклада каждого члена союза.

В марте 1950 г. госдепартамент пришел к выводу, что страны Юго-Восточной Азии не в состоянии создать региональную организацию и, следовательно, "не способны защитить себя от военной агрессии без помощи западных держав". Внешнеполитическое ведомство США рекомендовало немедленно предоставить военную помощь Таиланду и недавно образованным марионеточным режимам во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, которые были признаны США 7 февраля 1950 г. В основе рекомендаций лежала мысль о том, что американская "помощь" даст возможность этим странам противостоять коммунизму", обеспечит США доступ к таким стратегическим материалам, как вольфрам, олово, каучук, а также будет способствовать ослаблению их борьбы за экономическую самостоятельность¹¹.

Министр обороны США в правительстве Трумэна Джонсон в письме Ачесону от 14 апреля 1950 г. доказывал, что военные меры могут предотвратить "коммунистическую экспансию" в данном регионе. Коммунистический контроль здесь, подчеркивал он, будет в значительной степени содействовать разрешению продовольственной проблемы в КНР и откроет доступ СССР к стратегическим материалам в Юго-Восточной Азии. Глава Пентагона отмечал, что, по оценкам разведки, состояние экономики этого района можно расценить как неудовлетворительное, а военную ситуацию, особенно в Индокитае, где Франция терпела поражение от сил национально-освободительного движения, как крайне сложную. Министр указывал на то, что комитет начальников штабов рекомендует поторопиться с программами военной помощи странам Юго-Восточной Азии, чтобы не выпустить из рук контроль над ними. При этом Джонсон считал, что военная помощь должна быть не безусловной, а тщательно контролируемой и увязанной с политическими и экономическими программами. Он указывал, что Соединенные Штаты смогут осуществить свои цели в Азии только в том случае, если им удастся подорвать позиции правительства КНР как внутри страны, так и в Азии. "Разрешению проблем, стоящих перед Юго-Восточной Азией, - указывал Джонсон, - будут содействовать быстро предпринятые и продолжительные действия по сокращению давления со стороны коммунистического Китая". В этой связи комитет начальников штабов отмечает необходи-

мость... усиления эффективности "китайских националистических сил". Американские генералы предлагали ряд мер с участием военных: увеличение числа визитов вежливости, или "демонстрации флага", осуществление блокады морских портов КНР чанкайшистами до тех пор, пока она будет эффективной. Такая блокада, по мнению американских милитаристов, должна была помочь чанкайшистам, укрывшимся на Тайване, перерезать линии коммуникаций к Китаю, усложнить экономические проблемы, а также способствовать возникновению беспорядков в Китайской Народной Республике¹². Это письмо свидетельствует о том, что генералитет США настаивал на продолжении политики, направленной против законного правительства Китая.

В ходе дебатов в конгрессе по вопросам азиатской политики США в 1950 г. сенаторы Ноулэнд, Смит, Бриджес, конгрессмен Джалд и другие, как до войны в Корее, так особенно после ее начала, неоднократно выступали с предложениями, аналогичными тем, которые содержались в приведенном письме Джонсона. 10 марта 1950 г. Ноулэнд, выступая в сенате, требовал предоставить часть средств из суммы в 75 млн. дол. Бирме, Индокитаю и Тайваню. Эти деньги конгресс выделил для оказания помощи гоминьлановскому режиму в Китае в 1949 г., но они не были использованы ввиду его развала. В конгрессе эти требования не вызвали какой-нибудь оппозиции¹³.

1 мая 1950 г. президент Трумэн предоставил 13 млн. дол. в качестве военной помощи Индонезии и марионеточным режимам во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, которые были созданы французскими колонизаторами в противовес Демократической Республике Вьетнам. Президент одобрил также предоставление этим режимам экономической помощи в сумме 750 тыс. дол. Помимо того, он дал указание директору бюджетного бюро рассмотреть возможность предоставления 20 млн. дол. государствам этого района в соответствии с рекомендациями Госдепартамента. Сообщая о своем решении Ачесону, президент писал: "Я хочу в настоящее время, чтобы США увеличили помощь этим государствам, которая крайне необходима и существенна для дальнейшего достижения американских целей в этих районах"¹⁴.

Правительство США поддерживало колониалистскую политику Франции в Индокитае. Это американское содействие укрепляло позиции французских империалистов, выступавших за продолжение войны против народов Индокитае, боровшихся за национальную независимость.

Наряду с предоставлением финансовых средств некоторым странам Юго-Восточной Азии США не оставляли попыток создания здесь регионального блока. Определенным шагом в этом направлении была конференция Австралии, Индии, Индонезии, Пакистана, Филиппин и Цейлона,

проведенная в Багио в конце мая 1950 г. Примерно за месяц до конференции Ачесон в телеграмме американскому послу в Австралии рекомендовал напомнить министру иностранных дел этой страны о заинтересованности США в создании регионального пакта в Юго-Восточной Азии¹⁵. Однако предварительное зондирование показало, что Индия, Индонезия, Пакистан и Цейлон против предложения Австралии и Филиппин о военном сотрудничестве, в результате чего предложение не было даже включено в повестку дня конференции¹⁶.

После конференции в Багио Соединенные Штаты продолжали усилия по сколачиванию антикоммунистического союза на Тихом океане. Особенно интенсивными они стали с началом агрессии США в Корее. 11 июля 1950 г. комитет по иностранным делам палаты представителей конгресса единодушно выразил мнение о необходимости создания Тихоокеанского пакта, моделью которого служил бы Североатлантический договор¹⁷. С призывами об оказании "помощи" азиатским странам выступили в июле 1950 г. конгрессмены Джавитс и Джадд. Последний требовал предоставления военной помощи проамериканским режимам, настаивал на обязательном американском присутствии на Тайване, Филиппинах и в Индокитае. Он призвал госдепартамент проявить инициативу и быть лидером в создании Тихоокеанского пакта¹⁸.

Соединенные Штаты, пытаясь снять подозрения азиатских стран относительно своих намерений, стремились к тому, чтобы инициатива в создании военно-политического блока в бассейне Тихого океана исходила от госуларств данного региона. Американская дипломатия надеялась, в частности, на проявление активности со стороны австралийского правительства, однако Австралия, неоднократно заявлявшая в прошлом о необходимости создания такого союза, в 1950 г. не выказывала особой поспешности. В Вашингтоне предполагали, что в ходе визита в США в июле-августе 1950 г. австралийский премьер-министр Мензис поднимет вопрос о Тихоокеанском пакте. Но Мензис, встречаясь с Трумэнэом, Ачесоном, другими официальными лицами, этого не сделал¹⁹.

Австралия, видя, что США заинтересованы в ней как в инициаторе создания блока, пыталась добиться гарантий своих интересов²⁰.

В свою очередь, американская дипломатия полагала, что война в Корее подтолкнет "консервативные азиатские режимы" к формированию связанного с Соединенными Штатами блока. Так, заведующий отделом Северо-Восточной Азии госдепартаamenta Аллисон в памятной записке на имя Ачесона отмечал в июле 1950 г., что агрессия в Корее "приблизит день, когда настоящая природа коммунистической угрозы будет признана... азиатскими нациями... Поэтому можно ожидать, что

будут расти требования создать что-то вроде тихоокеанского или азиатского пакта²¹.

20 октября 1950 г. во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке министр иностранных дел Австралии Спендер изложил американским дипломатам свою позицию по поводу предполагаемого пакта. Он заявил, что в него могут войти Австралия, Новая Зеландия, США, Англия и Канада. С его точки зрения, участие азиатских государств в блоке было "важным, но не необходимым". Австралийский министр полагал, что вопрос о членстве Японии является преждевременным, но в будущем его можно будет рассмотреть. Спендер высказался против участия в союзе Франции и Нидерландов, поскольку "это внесло бы взрывной колониальный аспект, а индокитайские государства не могут быть членами этого союза, — подчеркнул он, — потому что их нельзя отрывать от Франции"²². В таком случае участникам будущего блока пришлось бы помогать Франции в ее войне против национально-патриотических сил этого района, что способствовало бы падению их влияния. Выгоднее было руками Франции вести борьбу против национально-освободительного движения.

20 октября 1950 г. Ачесон направил представителю США в ООН телеграмму, в которой указывал, что Соединенные Штаты не должны брать на себя руководство созданием Тихоокеанского пакта, "особенно ввиду проблем, которые естественно при этом встают, таких как возможное неправильное понимание мотивов США, различные концепции и цели заинтересованных государств и выбор членов"²³.

К этому времени в Вашингтоне, очевидно, пришли к выводу, что создание военно-политического блока с участием Австралии и азиатских государств пока невозможно из-за разного уровня развития предполагаемых союзников и противоречий между ними. На это указывал специалист по делам Юго-Восточной Азии Лэки на совещании в госдепартаменте в декабре 1950 г. Он заявил, что "страны этого региона, за исключением, может быть, Таиланда и Вьетнама, отказались рассматривать предложения США о необходимости согласованных действий против агрессии, как в настоящем, так и в будущем". Из этого он делал вывод: "Очень сомнительно, чтобы эти страны поняли необходимость их взаимодействия с Соединенными Штатами в защите Индокитая от коммунистической угрозы"²⁴. В этих условиях американская дипломатия стала рассматривать Австралию и Новую Зеландию как единственно надежных партнеров в тихоокеанском бассейне. Это же отмечал в своей памятной записке на имя Ачесона 30 ноября 1950 г. советник госдепартамента Дж. Ф. Даллес, предлагавший ускорить "достижение взаимопонимания" именно с этими странами²⁵.

Таким образом, оставив на время попытки сколотить широкий военно-политический блок в Азии, Белый дом взял курс на создание военного союза в южной части Тихого океана. В то же время в конгрессе по-прежнему раздавались голоса в пользу создания Тихоокеанского пакта, который включал бы в себя США, Австралию, Новую Зеландию, Филиппины, Японию и Тайвань. Об этом говорил в декабре 1950 г. Маккарти²⁶

В январе 1951 г. Трумэн назначил Дж. Ф. Даллеса своим представителем для ведения переговоров по вопросу о мирном договоре с Японией и поручил ему разработать соглашение по обеспечению безопасности с определенными тихоокеанскими островными нациями. В феврале 1951 г. Даллес посетил Канберру, где провел засекреченные переговоры с представителями Австралии и Новой Зеландии о заключении Тихоокеанского пакта. В ходе переговоров министр иностранных дел Австралии Спендер заявил, что его правительство не подпишет мирный договор с Японией до тех пор, пока "в текст договора не будут включены приемлемые ограничения, предотвращающие перевооружение Японии" и "не окажется возможным достичь согласия относительно удовлетворительного оборонного соглашения. Это соглашение должно принять форму трехстороннего пакта...". Спендер подчеркнул, что "соглашение должно предусматривать создание постоянной организации для осуществления консультаций и мероприятий на уровне политического и военного руководства"²⁷.

В апреле 1951 г. Даллес сделал несколько публичных заявлений о проблемах создания военно-политического альянса в Азии. Это были первые сообщения в американской печати о достижении каких-либо договоренностей, касавшихся Тихоокеанского пакта. В интервью журналу "Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт" он, в частности, сказал, что США рассматривают серию соглашений со странами тихоокеанского бассейна. Одним из них является двусторонний договор с Японией, другим — договор с Филиппинами, а также трехсторонний пакт между США, Австралией и Новой Зеландией. Даллес подчеркнул, что все эти соглашения могут быть объединены в рамках одного договора²⁸. В июле 1951 г. журнал "Форин афферс" в статье "Тихоокеанский пакт: взгляд вперед или назад?" привел еще одно высказывание Даллеса, сделанное им 23 апреля 1951 г.: "Соединенные Штаты не намерены оставлять Азию и предпринимают конкретные шаги по созданию многостороннего соглашения о безопасности". Комментарий автора статьи в этом журнале содержит предостережение, что создание блока и подписание двусторонних соглашений в целях предупреждения возможной японской агрессии будет движением назад, а не вперед и "может привести к прямо противоположным результатам. "Форин афферс" считал, что блок

должен быть открытым и доступным для всех тех наций, которые могли временно воздержаться от присоединения к нему, а также он должен быть широким по числу участников, включая чанкайшистский режим на Тайване. По его мнению, "Тихоокеанский пакт без азиатских материковых государств и Канады был бы полюбен Североатлантическому договору, который бы включал в себя лишь США, Англию и Исландию"²⁹.

Названная статья отражала позицию крайне правых политических кругов США, связанных с тайваньским лобби. Идеи, прокламируемые "Дэриид афферс", неоднократно высказывались в конгрессе. В принципе с такой точкой зрения был согласен и госдепартамент.

Таким образом, из всех вариантов образования проамериканского блока в Юго-Восточной Азии и Южной части Тихого океана, рассмотривавшихся в 1950-1951 гг., американская дипломатия смогла осуществить только заключение пакта между США, Австралией и Новой Зеландией. 1 сентября 1951 г. в Сан-Франциско был подписан Тихоокеанский пакт, который оформил военный союз между Австралией, Новой Зеландией и Соединенными Штатами Америки, получивший название АНЗЮС /по начальным буквам английского названия стран-участниц/. Договором предусматривались консультации между этими странами в случае "угрозы нападения" и совместные военные действия при нападении на их территории, вооруженные силы, суда, самолеты на Тихом океане³⁰.

В основу Тихоокеанского пакта, по предложению американских дипломатов, были включены положения, имевшиеся в тексте Североатлантического договора 1949 г. В том же другом соглашениях есть статьи, которые ставят Соединенные Штаты в этих союзах в привилегированное положение. В ст. 4 АНЗЮС, как и в договоре о создании НАТО, записано, что каждая из сторон будет действовать в случае общей опасности в соответствии с ее конституционными предписаниями³¹. Известно, что по американской конституции право объявления войны принадлежит конгрессу и подписанные правительством США союзнические соглашения не могут обязывать Соединенные Штаты автоматически вступать в войну.

Руководители Австралии и Новой Зеландии не могли не знать этого. Они не могли быть уверенными в том, что в случае нападения на их страны конгресс США примет решение в пользу обеспечения безопасности Австралии и Новой Зеландии. Возможности для маневра у этих государств были ограничены, к тому же устремления их буржуазии совпадали с целями американского империализма на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии — укрепить позиции капитализма, подавить национально-освободительное движение.

Усилия американской дипломатии в 1950-1951 гг. по созданию широкой военно-политической организации в Азии, которая была бы подоб-

на Североатлантическому договору, не принесли успеха. Помехой для США были антиимпериалистические позиции молодых азиатских государств, в частности Индии, которые укреплялись благодаря росту мощи и авторитета Советского Союза, мировой социалистической системы.

Война в Корее, развязанная Соединёнными Штатами, не подтолкнула азиатские страны, на что надеялся госдепартамент, к объединению в антикоммунистический блок, а, наоборот, усилила их недоверие к США. По этим причинам правительство Трумэна вынуждено было проявлять определённую осторожность, маскировать свои неокOLONиалистские планы. Правящие круги США не отказались от проектов более широкого проамериканского военно-политического союза в Азии. Первоначальным шагом в этом направлении стал Тихоокеанский пакт, который укрепил военные позиции американского империализма в этом регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Containment: Documents on American Foreign Policy, 1945-1950/ Ed. by T. Etzold, J.Gaddis. - N.Y., 1978. - P.252. - The Position of the United States with respect to Asia, NSC 48/1.
- 2 Congressional Record (CR). - Vol.97. - P.246.
- 3 Foreign Relations of the United States (FR). - Vol. YI. East Asia and the Pacific. - P.780-781. Джонсон государственному секретарю Ачесону. - 1950, 14 апреля.
- 4 Containment... - P.275. - The Position of the United States with Respect to Asia, NSC 48/1.
- 5 Ibidem.
- 6 Воронцов В.Б. Тихоокеанская политика США /1941-1950/. - М., 1967. - С.281-282.
- 7 FR, 1950. -Vol.YI. East Asia and the Pacific. - P.1, 123.
- 8 Ibid. - P.19.
- 9 Ibid. - P.27.
- 10 Ibid. - P.68.
- 11 Ibid. - P.43,44. Paper Prepared in the Department of State. Military Assistance to Thailand. Military Assistance for Indochina.
- 12 Ibid. - P.780-783. Министр обороны Джонсон государственному секретарю Ачесону. 14 апреля 1950.
- 13 CR. - Vol.96. - P.3180.

- 14 FR, 1950. - Vol. VI. East Asia and the Pacific. - P.791.
- 15 Ibid. - P.81-82.
- 16 Мартынов А.И. У истоков Тихоокеанского пакта // Вопросы истории. - 1968. - № 2. - С.91.
- 17 CR. - Vol. 96. - P.10545.
- 18 Ibid. - P.10559.
- 19 FR. - 1950. - Vol. VI. East Asia and the Pacific. - P.121.
Памятная записка помощника государственного секретаря по европейским делам /Перкинса/ государственному секретарю. 27 июля 1950.
- 20 Летова Н.П. Австралия и страны Азии. Очерки международных отношений. - М., 1960. - С.72.
- 21 FR, 1950. - Vol. VI. East Asia and the Pacific. - P.122.
- 22 Ibid. - P.150. Memorandum of Conversation, by Mr. Word Allen P., Adviser, United States Delegation to the United Nations General Assembly. - N.Y., 1950. - Oct.12.
- 23 Ibidem.
- 24 Ibidem.
- 25 Ibid. - P.163.
- 26 CR. - Vol.96. - P.1678.
- 27 Мартынов А.И., Русакова О.К. Австралия в международных отношениях XX века. - М., 1978. - С.166.
- 28 US News and World Report. - 1951. - April 27. - P.31.
- 29 Foreign Affairs. - 1951. - July. - P.540-541.
- 30 История дипломатии. - Т.У, кн. I. - М., 1974. - С.320.
- 31 America in Divided World, 1945-1972 / Ed. by R.H.Ferrel. Columbia (S.C.), 1975. - P.148.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ВЕДОМСТВА США В 1900 - 1914 гг.

Т. А. Закаурцева

На рубеже XIX-XX вв. постепенно начинают складываться в единую систему элементы бюрократического аппарата, созданного в США. Среди органов, входящих в состав внешнеполитического механизма, дипломатическое ведомство является одним из главных, поскольку осуществляет на практике внешнюю политику государства. Американский империализм сложился и приобрел специфические черты в период между 1898 и 1914 г. Качественные сдвиги в общественно-экономическом строе государства знаменовали "поворот к империализму - и в смысле полного господства трестов, и в смысле всевластия крупнейших банков, и в смысле грандиозной колониальной политики и прочее..."¹.

Свойственный империализму процесс концентрации производства и образования мощных монополистических объединений происходил в США быстрее и размах его был шире, чем в других капиталистических странах. За десятилетие после испано-американской войны американская внешняя торговля выросла более чем на 75%², выведя страну по многим показателям на второе место в мире по объему экспорта, что в стоимостном выражении означало рост более чем на 1,5 млрд. дол.³ Американские монополии развернули активную деятельность в поисках рынков сбыта производимой в США продукции. Внешнеполитические акции Соединенных Штатов проводились при участии американской дипломатической службы. Социальная природа государства определяет организацию его внешнеполитического механизма и дипломатического аппарата⁴. Отмечая изменения в структуре и функциях государственного департамента в начале XX в., необходимо учитывать специфическое положение данного учреждения в американском внешнеполитическом механизме. Госдепартамент, как и все остальные министерства, не упоминается в американской конституции⁵. Более того, в целом вопросы руководства иностранными делами распределяются между исполнительными и законодательными органами⁶.

Дипломатическая служба США была создана конгрессом 27 июля 1789 г. С той поры она оказалась в центре политической борьбы между представителями интересов различных слоев американской буржуазии в сенате и палате представителей. Данный акт конгресса оставил руководство внешними делами за президентом, поскольку определение главных направлений внешней политики и деятельности госдепартамента полностью находится в его ведении⁷.

Начало XX в. было отмечено свойственным империализму процес-
сом укрепления позиций исполнительной власти, а также соответ-
ствующим падением роли представительного органа. Американский мо-
нополистический капитал испытывал настоятельную потребность в
оперативной и квалифицированной реализации своих "социальных за-
казов". Вместе с тем сам правящий класс США неоднороден и част-
ные интересы отдельных его групп часто не совпадают. Наиболее
влиятельные в данный период слои буржуазии, используя полити-
ческие партии в качестве одного из главных орудий, ведут борьбу
за овладение Белым домом и государственной машиной с целью пере-
строить внутреннюю и внешнюю политику государства в выгодном для
себя направлении. Экономические, политические, идеологические и
военные интересы монополистической буржуазии являются движущей
силой внешней политики США в период империализма⁸. Эффективность
же влияния деловых кругов на внешнюю политику страны достигается
различными средствами, в том числе личной ужимей бюрократии и
трестов.

Не случайно ключевые посты президента и государ-
ственного секретаря в рассматриваемый период часто занимали до-
веренные лица влиятельных монополистических группировок. Извест-
но, например, что президентов Т.Рузвельта и В.Вильсона поставила
у власти финансовая группа банкира Моргана, а президент
Тафт выражал интересы Рокфеллера и Меллона⁹. Используя через них
прерогативы администрации в области назначения на федеральные
должности, агенты монополии начали проникать и в дипломатическое
ведомство. Особую активность при этом проявляли монополии, имев-
шие интересы за рубежом. Так, юридический советник "стального
короля" Карнеги - Л.Нокс стал в администрации Т.Рузвельта воен-
ным министром, а при У.Тафте - госсекретарем, его предшественник
на этом посту Э.Рут был адвокатом Моргана¹⁰. Подобных примеров
можно привести немало.

Дипломатическое ведомство, руководимое госсекретарем, непосред-
ственно подчиненным президенту, испытывало на себе негативное
влияние частой сменяемости руководства и дипломатических предста-
вителей США за рубежом, делажа важных зарубежных постов между
непрофессионалами-сторонниками партии, пришедшей к власти. Уже с
конца прошлого века стало очевидным, что подобное положение про-
тиворечит совокупным практическим интересам американской буржуа-
зии. Все громче раздавались голоса в пользу реформы зарубежной
службы и приспособления госдепартамента к выполнению новых за-

дач, выдвигаемых монополиями во внешней политике страны¹¹. Характерно, что при этом коммерческие интересы прикрывались понятиями "национального интереса и национальной безопасности".

Легкость внутренней экспансии и завоевания первых колоний в Тихом океане и Карибском бассейне, а также растущий военный потенциал США подталкивали их к более активной внешней политике¹². Рост же финансовых и экономических интересов за границей стимулировал создание хорошо оснащенной и эффективно действующейграничной службы¹³.

По традиции экономические интересы американской буржуазии за рубежом представляли консульства. "С тех пор, как американцы в конце XIX в. осознали свои заморские интересы преимущественно экономическими и социальными", консульский корпус стал привлекать большее внимание широких слоев американской буржуазии¹⁴. Президент Т.Рузвельт и его госсекретарь столкнулись в 1905 г. с организованным требованием консульских реформ со стороны бизнесменов, связанных с внешней торговлей, империалистов, миссионерских обществ и членов лиги реформ гражданской службы¹⁵.

Американские консульские представительства за границей были гораздо многочисленнее соответствующих дипломатических представительств и выполняли социализированные функции /главным образом коммерческие/. Резкое увеличение объема внешней торговли привело к возрастанию консульских обязанностей. Однако существующий штат консульской службы по количественному составу и подготовке не мог в должной степени справиться с возросшими обязанностями. Следствием этого явились "многочисленные жалобы, адресованные конгрессменам и сенаторам, и таким путем движение за реформы приобрело влиятельных ходатаев"¹⁶. Особое недовольство вызвала недостаточная компетентность консулов, которые назначались, как правило, по политическим соображениям. Нередко ими оказывались бизнесмены, уделявшие своим делам большую часть времени, или же внештатные консулы из числа местных жителей, обычно вовсе не заинтересованные в развитии американской торговли.

Реорганизация консульской службы была произведена президентом Т.Рузвельтом. Собрав накануне подготовки своего ежегодного послания конгрессу в конце 1905 г. совещание представителей профессиональной дипломатии, Т.Рузвельт предложил им обсудить рекомендации, которые он намеревался дать конгрессу в отношении заграничной службы¹⁷. Выслушав все мнения, он, однако, не учел предложения дипломатов о комплексной реорганизации и сконцентрировал

внимание в своем послании только на реформе консульской службы.

Непосредственный проект реформы готовил госсекретарь Э. Рут-сторонник реорганизация всех служб и подразделений, связанных с иностранными делами, имевший уже опыт преобразования военного департамента, главой которого был ранее. Исполнительное распоряжение, сделанное Т. Рузвельтом на основе этого проекта 10 ноября 1905 г., было подвергнуто модификации и ограничению при прохождении его в конгрессе в апреле 1906 г.¹⁸ Было повышено жалованье консульским представителям на основе четкой классификации, ограничены их возможности для частного предпринимательства, расширены функции консульских чиновников, была отделена консульская служба от института коммерческих агентов, находящегося в ведении министерства торговли и труда.

В результате реформы оплата труда консулов стала регулярной и выросла более чем в три раза, намного превзойдя соответствующий показатель для дипломатического персонала. Прием в консульский корпус был ограничен квалификационными экзаменами, открывшим путь профессионализации консульских сотрудников. Вакансии высших рангов заполнялись путем повышений в должности в соответствии со способностями и опытом. Такие меры привели к общему сокращению штата консулов, преимущественно низшего ранга, при увеличении числа генеральных консулов, то есть людей, как правило, более высокой квалификации. Это, в свою очередь, привело к последствиям, не предусмотренным законом о реформе: число консульских агентств значительно сократилось, и основная работа сконцентрировалась в крупных консульствах.

В последующие годы консульский корпус не подвергался специальному реформированию. Основные изменения в его работе происходили в русле общих реформ заграничной службы или госдепартамента, как, например, в 1909 г., когда после реорганизации всего дипломатического ведомства был введен специальный пост директора консульской службы вместо курирования ее третьим помощником госсекретаря США. В целом же в результате консульских реформ цели, поставленные их инициаторами, были в основном достигнуты. Служба, став более организованной и концентрированной, перейдя на профессиональную основу, полнее могла удовлетворять запросы правящего класса¹⁹.

Приспособление к новому положению на международной арене не случайно начато в США с зарубежной части системы органов внешних сношений. Законы развития империализма толкали буржуаз-

ное государство к расширению сфер влияния для успешного функционирования капитализма в период качественно нового состояния американской экономики. Движение за реорганизацию дипломатического ведомства имело много общего с другими мероприятиями, осуществленными администрацией Рузвельта. Имея в виду нужды монополистического капитала, кампания за профессионализацию консульской и дипломатической служб усиленно рекламировалась буржуазной прессой как демократическая мера, призванная обеспечить равные возможности достижения высших постов и доступ путем сдачи экзаменов к престижной государственной службе за рубежом.

Растущие вместе с военной силой претензии американских правящих кругов сопровождалась повышением роли дипломатических инструментов внешнеполитического влияния. Американские политики и историки рассматривали дипломатию как "перчатку на железном кулаке силы" и средство политического давления²⁰. К дипломатическим представительствам США в отдельных странах также были повышены требования. Начало реформ и здесь было положено Т. Рузвельтом, однако при нем они не были завершены. Президент был противником замкнутой дипломатической касты, поскольку считал, что длительное пребывание за границей негативно влияет на патриотизм дипломатов, способствует их активному занятию бизнесом или политикой и вредит выполнению прямых обязанностей²¹.

Реформу системы дипломатической службы провел президент Тафт. Мотивируя необходимость этого мероприятия, он апеллировал к "национальным коммерческим интересам", в чем был активно поддержан Национальной ассоциацией промышленников. Первый помощник госсекретаря Хантингтон Вильсон составил план реорганизации госдепартамента и дипломатической службы²².

В ноябре 1909 г. было издано президентское распоряжение, которое устанавливало порядок повышения по службе, обязательные экзамены при назначении на дипломатическую службу. Главный упор в распоряжении был сделан на регулирование кадровой политики. Были приняты меры по обеспечению надлежащего социального состава дипломатического корпуса и его формированию исключительно из среды представителей американской буржуазии²³.

Дипломатическое ведомство США не имеет кадровой единой системы по сей день, в его руководстве и на ключевых постах большинство составляют так называемые "политические назначенцы" – представители руководящей партии. Основной состав – сотрудники административно-технического аппарата и дипломатические секретари – полу-

чили по исполнительному распоряжению 1909 г. статус чиновников гражданской службы. В целях обеспечения притока постоянных чиновников и в то же время повышения их квалификации была введена более дробная классификация различных должностей. Должность дипломатического секретаря была разделена: вводился статус вторых и третьих секретарей, которые дополнительно назначались в наиболее важные посольства. Конгресс утвердил назначение 12 новых дипломатических секретарей, увеличив общее число их до 60²⁴.

В отличие от консульской службы дипломатический корпус увеличивался в размерах и становился более разветвленным. Система экзаменов позволяла поддерживать определенный квалификационный уровень сотрудников. Больше внимания стало уделяться языковой подготовке. В штат вводятся специальные должности переводчиков. Особенно усиливается подготовка кадров, владевших японским и китайским языками²⁵.

Для поступления на дипломатическую службу формально не требовалось высшего образования, но экзамены включали проверку знаний в объеме университетского курса. В связи с этим почти половина назначаемых обучалась в Гарвардском, Йельском или Принстонском университетах, 25% обучались за границей, на службу не принимались лишь без высшего образования²⁶. Образовательный ценз был одним из барьеров, преграждавших путь в дипломатию выходцам из малообеспеченных семей. Этому способствовали также небольшой размер жалованья, более низкий, чем у европейских дипломатов, а также отсутствие пенсий²⁷.

Реформы дипломатической и консульской служб, подчиненных государственному секретарю, но стоявших несколько особняком и отличных от штата госдепартамента, сыграли значительную роль, но все же не сняли необходимости преобразования центрального внутреннего органа внешнеполитических отношений. Структура дипломатического ведомства была нерациональной. В его состав входили подразделения, занимавшиеся сугубо внутренними делами. Несовершенство административного устройства госдепартамента было особенно очевидным при сравнении его с министерствами иностранных дел европейских держав. Это на практике вело к тому, что "американская дипломатия играла второстепенную роль по сравнению с европейской, отставая по быстроте реакции на события, по гибкости и маневренности, несмотря на то, что в целом американский империализм наращивал агрессивное вмешательство в дела других стран"²⁸.

Отрицательные стороны такой ситуации привлекали внимание про-

фессиональных дипломатов, пытавшихся найти позитивное решение вопроса. Одним из них был уже упоминавшийся нами в связи с реформой дипломатической службы Х. Вильсон. Он предложил план создания в госдепартаменте территориальных управлений для дифференцированного подхода к проведению внешнеполитических акций. План этот не был достойно оценен. В экспериментальном порядке было учреждено управление дальневосточных дел, руководство которым поручалось Х. Вильсону. Госсекретарь Ф. Нокс, больше интересовавшийся вопросами экономической экспансии, сделал его своим первым помощником, полностью положившись на него в организационных вопросах. В июле 1909 г. для разработки и осуществления комплексной программы реорганизации госдепартамента Ф. Нокс запросил у конгресса 100 тыс. дол. Вскоре вопрос был решен положительно²⁹. Территориально-политическое деление стало актом долговременного значения для американской дипломатии. К дальневосточному управлению, ведавшему восточной частью азиатского континента, прибавились еще три: управление латиноамериканских стран, западноевропейской и ближневосточное³⁰.

Особенно важным было привлечение к руководству и работе в отделах специалистов-экспертов из числа сотрудников дипломатической службы, имевших опыт работы в конкретных регионах и понимавших значение каждого из них для американских интересов. Ими стали У. Филиппс /американский посланник в Китае/, Т. Даусон /знарок латиноамериканских условий/, Г. Уайт /специалист по англо-американским дипломатическим проблемам/ и многие другие³¹.

Был усовершенствован также высший эшелон управления госдепартамента. Значительно усилились позиции первого помощника госсекретаря, курирующего политические вопросы. Второй помощник стал ответственным за решение организационных и административных вопросов, а третий – за аппарат дипломатической службы³².

В связи с тем, что госсекретарь назначался президентом часто без учета его способностей и подготовки, на этом посту нередко оказывались люди недостаточно компетентные, поэтому учреждался институт советников-консультантов. Должность советника вменяла ему в обязанность изучение и составление докладов, рекомендаций по наиболее важным или спорным вопросам внешнеполитического и юридического характера. Первым на эту должность был назначен генеральный прокурор Г. Хойт. Должность постоянного дипломатического советника также предназначалась наиболее опытному дипломатическому чиновнику, который должен был давать квалифицированные

советы при разработке и осуществлении внешнеполитических акций. На нее был назначен впервые специалист по латиноамериканскому региону Т. Даусон. О значении обоих постов говорит величина установленных для них окладов, каждый из которых в полтора раза превышал жалованье первого помощника госсекретаря³³. Развитию консультативного аппарата дипломатического ведомства способствовало также расширение бюро юрисконсульта: в его состав вошли помощники и младшие клерки.

В условиях бурного развития средств связи, расширяющегося доступа общественности к различным, в том числе и зарубежным, источникам информации госдепартамент усиливает внимание к своевременному толкованию событий в интересах американского империализма, насаждая нужные ему настроения среди американцев. Кроме того, существовала насущная необходимость своевременного и полного оповещения зарубежных сотрудников обо всех изменениях в политической линии правительства США. Эти задачи должен был решить специальный отдел информации, организованный тогда же, в 1909 г. Он стал регулярно составлять обзоры американской и иностранной печати для информирования руководящих чиновников департамента, готовить оперативную сводку об основных направлениях американской внешней политики, переговорах, ведущихся США во всех частях света. Постепенно пропагандистский информационный аппарат начинает приобретать черты самостоятельного звена, участвующего в процессе формирования внешней политики.

Обработке общественного мнения способствовали пресс-конференции, регулярно проводившиеся госсекретарем или его помощниками. Со времен Дж. Хейя, который ввел их в госдепартамент, форма проведения пресс-конференций несколько изменяется. Они готовились заранее и проводились таким образом, чтобы делать акцент на наиболее выигрышных с пропагандистской точки зрения моментах политики администрации.

Таким образом, реорганизация госдепартаментa, имевшая целью сделать его деятельность эффективной, обеспечить оперативное руководство подразделениями заграничной службы, превратить его в послушное орудие администрации при выработке и проведения экспансионистской политики за рубежом, проводилась по линии расширения штата, создания новых территориальных и функциональных подразделений, усиления специализация сотрудников. По своей организационной структуре дипломатическое ведомство США после проведенных мероприятий подошло к более высокому уровню по срав-

нению с прежним положением, что отразилось на подготовке американской дипломатии к борьбе за передел поделенного мира. И все же масштабы развития дипломатического ведомства не могли быть соотнесены с ростом активности внешней политики страны. Несмотря на то, что персонал госдепартамента увеличился с 90 человек в 1900 г. до 210 в 1909 г., а число зарубежных представителей в августе 1914 г. достигло 121, дипломатический аппарат явно не соответствовал возросшему объему претензий американского монополистического капитала³⁴.

К общей и ведущей тенденции усложнения и специализированного приспособления дипломатического ведомства к условиям империализма добавились некоторые другие. В осуществлении внешнеэкономических акций принимали участие гражданские министерства, такие как финансов, торговли, а в предвоенные годы и сельского хозяйства, особенно тесно связанные с крупнейшими банками и монополиями страны. Так, министерство торговли и труда, созданное в 1903 г. уже в 1905 г. посылает за рубеж четырех своих агентов. После того как в 1913 г. это министерство было разделено, торговое ведомство увеличило их количество и с 1914 г. стало назначать торговых атташе, которых госдепартамент должен был направлять в распоряжение наиболее важных миссий³⁵. Агенты других гражданских министерств нередко проводили самостоятельную политику, следуя указаниям своего руководства и нисколько не заботясь о ее соответствии общей линии департамента в данной стране. Преодоление межведомственных споров, необходимость кооперирования с другими министерствами в осуществлении внешнеполитических задач становится в начале XX в. одной из новых тенденций в развитии дипломатического ведомства США.

Другим новым направлением его развития становится сотрудничество дипломатии с академическими кругами. Реформы дипломатического ведомства были поддержаны американскими университетами. В 1906 г. Национальная ассоциация промышленников собрала в Чикаго президентов различных университетов в поддержку реформ. Ч.Элиот из Гарвардского университета организовал движение за подготовку кадров для дипломатической и консульской деятельности.

После испано-американской войны несколько американских профессоров изучили международную обстановку и пришли к выводу, что роль искусной дипломатии в обеспечении международного превосходства отдельной нации значительно возросла. Накануне мировой схватки за передел поделенного мира только несколько ученых система-

тически занимались исследованием международных отношений, но именно они сформулировали теорию "национального поведения" на международной арене. Ряд профессоров, тесно связанных с госдепартаментом /К.Мур, А.Кулидж, У.Стоуэл/, так же как и некоторые сотрудники департамента /Л.Эйнштейн, Де Уитт Клинтон Пул/, сделали вывод о необычайном обострении международного соперничества³⁶. Они предлагали американскому правительству полностью использовать возможности, которые открывались перед американскими торговыми монополиями.

Для этого они советовали реформировать американскую заграничную службу, призванную поддержать стабильность "естественной соперничающей системы" и оградить интересы США. Историк А.Кулидж и дипломат Л.Эйнштейн сошлись на мысли о необходимости для США перейти к новой внешней политике, исполнив новым содержанием доктрину Монро и традиционный американский изоляционизм. Каждый из них со своей позиции объяснял необходимость дипломатической координации с европейскими странами, удерживающей их от активных действий на американском континенте³⁷.

Ученые привлекались также для решения практических вопросов американской дипломатии. Например, в 1900 г. в состав так называемой Комиссии по учреждению гражданского правительства Филиппин были введены представители академической науки, конгрессмены профессор Д.Вочестер и Б.Мозес³⁸. Констатировать наличие устойчивых контактов внешнеполитических ведомств с научным миром до первой мировой войны явно преждевременно, но само появление таких контактов, как тенденции, имеющей долговременные последствия, достаточно показательно.

Одним из важнейших направлений в развитии госдепартамента становится укрепление его традиционно тесного сотрудничества с военными ведомствами. Некоторые госсекретари прошли школу военного министерства. С зарубежными чиновниками США сотрудничали военные атташе.

Изменения в структуре госдепартамента были обусловлены возрастанием роли дипломатических инструментов внешнеполитического влияния накануне первой мировой войны как способа политической подготовки к ней и создания для Соединенных Штатов лучших условий в предстоящих столкновениях. Перемены в американском дипломатическом ведомстве происходили в русле общего поворота преобладающих кругов США к буржуазному реформизму как средству стабилизации капитализма в новых условиях монополистической стадии развития. Преобразования были связаны с выполнением новых задач, поставлен-

ных перед американской внешней политикой монополистическим капитализмом и превращенном США в колониальную империалистическую державу. Развивавшийся государственно-монополистический капитализм способствовал усилению бюрократизации всего государственного аппарата, в том числе его внешнеполитической части.

ПРИМЪЧАНИИ

- 1 Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. - Т. 33. - С. II.
- 2 Barnes W., Morgan J. The Foreign Service of the United States. Origins, Development and Functions. - Wash., 1961. - P. 155.
- 3 Outline of the Organization and Work of the Department of State. - Wash., 1911. - P. 86-87.
- 4 Блищенко И.П. Дипломатическое право. - М., 1972. - С. 4.
- 5 Henkin L. Foreign Affairs and the Constitution. - N.Y., 1972 - P. 5.
- 6 Бланке У. Заграничная служба США. - М., 1974. - С. 28.
- 7 United States Statutes at Large. - Vol. I, - P. 29.
- 8 Движущие силы внешней политики США. - М., 1965. - С. 7.
- 9 Громаков Б.С., Лисневский Э.В. История государства и права США /1870-1917 гг./ - Ростов, 1973. - С. 32, 54.
- 10 Там же. - С. 54-55.
- 11 Congressional Record (CR), 58th Congress, 3d Session. - P. 95, 776, 1664.
- 12 Morgentau H. New Foreign Policy for the United States. - N.Y., 1969. - P. 158.
- 13 Jones A.G. The Evolution of Personnel Systems for United States Foreign Affairs. Carnegie Endowment for International Peace. - 1965. - P. 5.
- 14 Schulzinger R.D. The Making of the Diplomatic Mind (1908-1931). Middletown, 1975. - P. 5.
- 15 Ilchman W.F. Professional Diplomacy in the United States (1779-1939). - Chicago, 1961. - P. 181.
- 16 Заллет Р. Дипломатическая служба: её история и организация во Франции, Великобритании и США. - М., 1956. - С. 275.
- 17 Strauss O.H. Under Four Administrations. - Boston, 1922. - P. 184.
- 18 Histon R. Worldwide Mission. The Story of the United States Foreign Service. - N.Y., 1970. - P. 179.
- 19 Barnes W., Morgan J. Op.cit. - P. 157-158.
- 20 Марион Дж. Базы и империя. - М., 1948. - С. 102.
- 21 Ilchman W., F. Op.cit. - P. 88.

- 22 CR, 62nd Congress, 2nd Session. - P.184,411; Foreign Relations.
1906. - P.1362-1363.
- 23 CR, 60th Congress, 1st Session, H.R.20345.
- 24 Barnes W., Morgan J. Op.cit. - P.156.
- 25 Histon R. Op.cit. - P.178-180.
- 26 Ilchman, W.F. Op.cit. - P.95.
- 27 Jones A.G. Op.cit. - P.7.
- 28 Николаев Д. Из истории дипломатии. - Международная жизнь. - 1977. -
№6. - С.104.
- 29 Reorganization of the State Department. - Wash., 1971.
- 30 Заллет Р. Указ. соч. - С.278.
- 31 Barnes W., Morgan J. Op.cit. - P.179.
- 32 Заллет Р. Указ. соч. - С.278.
- 33 Там же.
- 34 United States Department of State. Diplomatic and Consular
Service, August 22, 1914.
- 35 Заллет Р. Указ. соч. - С.275, 281.
- 36 Schulzinger R.D. Op.cit. - P.23.
- 37 Coolidge A.C. The United States as a World Power. - N.Y., 1910;
Einstein L.D. American Foreign Policy. - N.Y., 1910.
- 38 Papers relating to the Foreign Relations of the United States.
Dec. 3, 1900. - Wash., 1902. - P. XXXIV.

АМЕРИКАНСКИЕ ИСТОРИКИ РАДИКАЛЬНОГО НАПРАВЛЕНИЯ О ПОЛИТИКЕ США НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Л.С. Решетникова

В конце 60-х гг. в американской исторической литературе появились работы, в которых был подвергнут основательному пересмотру ряд фундаментальных положений буржуазной науки по истории США. Авторы этих работ получили название "новых левых". Советские историки определили место и роль "новых левых" в буржуазной исторической науке, дали критический анализ выдвинутых ими концепций. В работах О.Л. Степановой, В.В. Согрина рассмотрены взгляды "новых левых" по таким аспектам внешней политики США, как "холодная война", причины её происхождения, советско-американские отношения, вторая мировая война¹. Советские историки определяют "новых левых" как мелкобуржуазное радикальное течение с присущими ему тенденциями левачества. Радикалы-продукт влияния прогрессистского, ревизионистского направления американской общественно-политической мысли, идейных воззрений известных американских авторов - Ч. Бирда, Ф. Тэрнера, У. Уильямса и других. Несомненное влияние оказали на них взгляды А. де Токвиля, писавшего об особенностях американской общественно-политической системы.

Цель данного сообщения - показать, как отразились идейно-политические взгляды радикалов на трактовку политики США на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны, данную ими в работах 70-х гг. В основе их идейно-теоретического подхода к оценке американской внешней политики лежит положение о том, что США со времени их основания были экспансионистским, империалистическим государством, стремящимся к мировому господству. Движущими силами этой политики были экономические интересы, борьба за рынки сбыта, источники сырья, без которых было невозможно существование американского капитализма. Особую роль в этой политике играл Дальний Восток. "Колонизовав Дальний Запад, мастерски используя его ресурсы, нация пришла к заключению, почему бы в конце XIX - начале XX в. не заняться Дальним Востоком и мировой политикой в Тихом океане. Во всех аспектах это был выход для нации, марширующей к Тихому океану", - приводят они высказывание Ф. Тэрнера².

В 1969 г. известный американский историк Л.Гарднер изложил свою точку зрения на причины обострения отношений США и Японии в докладе на конференции американских и японских историков, посвящённой японо-американским отношениям в 1931-1941 гг. Признавая приоритет экономических факторов, Гарднер отмечал, что рынки Азии не имели для США первостепенного значения, но агрессия Японии в Северном Китае угрожала интересам США в целом. "Если Японии удастся создать прочную опору в Маньчжурии и Северном Китае, - писал он, - если закрытие "открытых дверей" повлечёт незначительные потери, не поставит ли это в опасность американские политические и экономические интересы в Европе и Латинской Америке"³. Но глубинные причины военного конфликта, по его мнению, коренятся в разных экономических системах: "закрытой" и "открытой", для которых характерны непримиримые противоречия. "Было общепризнанным, - утверждал он, - что борьба между "закрытыми" и "открытыми" экономиками не может быть постепенно решена на базе осуществления"⁴.

Эта точка зрения не являлась чем-то новым в попытках выяснить суть политики США на Дальнем Востоке, причины войны на Тихом океане. Она оказалась разновидностью антинаучной концепции о противоборстве между тоталитарными и демократическими государствами, на основе которой историки - консерваторы доказывали, что США на Дальнем Востоке и во всём мире отстаивали принципы свободы, мира, демократии и прогресса.

Подобная оценка была дана в совместной работе Л.Гарднера, У.Ляффера, Т.Макморрика "Создание американской империи". Давая определение позиции США, данное У.Уильямсом в книге "Трагедия американской дипломатии" как "высший реализм", они утверждали, что Уильямс имел в виду защиту принципа свободы и свободного предпринимательства: "Свобода и свободное предпринимательство были неделимы, мир не мог жить наполовину свободным, наполовину в рабстве, должно было быть либо то, либо другое. Японское поведение в Маньчжурии не только создавало прецедент, за которым последовали другие, что привело бы к окончательному кризису капитализма"⁵.

Иная интерпретация дальневосточной политики США содержится в книге Л.Гарднера "Имперская Америка. Американская внешняя политика после 1898 г.", опубликованной в 1976 г. Он рассматривал её как средство, с помощью которого президент Ф.Рузвельт стремился усилить позиции исполнительной власти в политической системе страны. Гарднер определял позицию США по отношению к Японии как жёсткую, не дававшую возможности компромисса. Для этого он исполь-

зовал такие аргументы, как мнение Г.Фейса, признанного в американской буржуазной историографии авторитета по вопросам политики США на Дальнем Востоке, что американская политика не оставляла Японии другого выхода, как "занять место в дальнем конце стола"⁶. Комментируя слова японского посла в США Номуры, который возглавлял японскую делегацию на американо-японских переговорах в 1941 г., о том, что государственный секретарь США Хэлл "мало интересовался вопросом достижения соглашения", Гарднер, ссылаясь на мнение военного министра в правительстве Рузвельта и бывшего госсекретаря Стимсона, писал, что Рузвельт и Хэлл решали, "как заставить японцев отбрызнуть огонь первыми без большого ущерба для нас". В заключение Гарднер сослался на вывод, сделанный историком официального направления Н.Грэнбером: "Отношение Соединенных Штатов и Японии зашли в тупик не потому, что требования Токио стали большими... а потому, что администрация Рузвельта всё яснее давала понять, что США не пойдут на уступки"⁷. Надо отметить тенденциозность данных авторов в трактовке исследуемого вопроса. Точка зрения Гарднера является разновидностью концепции "войны с черного хода", выдвинутой правыми "ревизионистами" 40-х гг. Такая постановка вопроса не способствует исторически верной оценке сущности дальневосточного курса США и пониманию причин войны с Японией.

У.Ляффер и Р.Поленберг высказывали мысль, что одним из факторов, определявших политику США на Дальнем Востоке, было "желание сохранить Японию как противовес Советскому Союзу и, возможно, большевизированному Китаю"⁸. Однако главными факторами они считали экономические интересы США: Китай как потенциальный рынок, а "Япония - третий по объему покупатель американских товаров"⁹. Они обосновывали идею взаимосвязи экономики с внешней политикой, её мотивами, методами ведения. "Экономическая система разбилась в 1931 г., подняв фашизм в Японии и Германии. Вашингтонская система, следовательно, распалась, позволив Японии разрушить открытые двери в Азии... Американская экономическая система развалилась, оставив Хэлла с его принципами сохранения мира с помощью международного рынка"¹⁰. Ляффер и Поленберг подходили к оценке политики США с позиций экономического детерминизма, оставляя в стороне всю совокупность классовых, политических интересов США. Надо отметить, что подобные взгляды высказывали Ч.Бирд, Т.Бейли и ряд других американских историков.

Следует отметить, что в работах историков - радикалов, опубликованных в 70-е гг., изложены различные точки зрения на сущность

политики США на Дальнем Востоке. Они, по сути, являются вариантами уже существующих в американской буржуазной исторической науке концепций, выдвинутых историками – консерваторами, которые представляли официальное направление, утверждая, что США отстаивали принцип свободы и прогресса. Ревизионисты же считали, что Рузвельт и его окружение спровоцировали войну с Японией, преследуя свои интересы. Историки-радикалы не смогли создать свою оригинальную концепцию, поскольку им, так же как и многим американским буржуазным историкам, был присущ прогматический подход, ненаучная методологическая основа. Для их метода исследования характерна интерпретация уже введенных в оборот документов и материалов, в основном политического и дипломатического характера. Всё это, вместе взятое, приводит к искажению исторической действительности, упрощенной трактовке внешней политики США на Дальнем Востоке.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Степанова О.Л. "Холодная война": историческая ретроспектива.- М., 1982; Согрин В.В. Современная американская радикальная историография о внутренней и внешней политике США XX в.// Новая и новейшая история.-1983.- № 3.
- 2 Gardner L.C., LaFeber W.F., McCormic T.J. Creation of the American Empire.- N.Y.; L.; San Francisco, 1973.- P.205.
- 3 Gardner L.C. The Role of Commerce and Treasury Departments. Pearl Harbor as History 1931-1941.- N.Y.; L., 1973.-P.263.
- 4 Ibidem.
- 5 Gardner L.C., LaFeber W.F., McCormic T.J. Op.cit.- P.394.
- 6 Gardner L.C. Imperial America. American Foreign Policy since 1898.-N.Y.; Chicago...-1976.-P.147.
- 7 Ibid.- P.153.
- 8 LaFeber L.C., Polenberg R. The American Century.A History of the United States since 1898's. N.Y.; L...- 1975.- P.225.
- 9 Ibid.-P.237.
- 10 Ibid.-P.247.

ОБЗОР АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ АСПЕКТАМ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ
ПОЛИТИКИ США в 30-е гг.

С.П.Цыганкова

Советские авторы выявили тесную связь между экономическими интересами монополистической буржуазии США и внешнеполитической деятельностью американского правительства в межвоенный период¹. В данном обзоре отражены взгляды американских буржуазных авторов послевоенных лет/40-80-е гг./ на эту проблему, писавших об экономических аспектах дальневосточной политики США в 30-е гг.

В 40-50-е гг. историки официального направления отрицали заинтересованность деловых кругов США в азиатском рынке, опровергая тем самым влияние экономических интересов на выработку дальневосточной политики США в 30-е гг. Видный американский историк тех лет Т.Бейли писал в связи с этим: американская дальневосточная политика была "в большей степени направлена на защиту международного права, чем на получение долларов и центов"². Крупнейший специалист по Дальнему Востоку в эти годы А.Гриссуолд утверждал: "Существовали другие, нежели материальные, соображения, которые определяли дальневосточную политику США. Желание помочь Китаю стать хозяином своей судьбы отражало врожденный американский идеализм"³.

После войны американские буржуазные авторы, за редким исключением, мало уделяли внимания экономическим аспектам дальневосточной политики США в предвоенные годы, развивая основные идеи историков военных лет. Ещё в 1942 г. была опубликована статья Мэшленда "Влияние экономических интересов на американскую дальневосточную политику в 1937-1941 гг." Появление её, по словам автора, было вызвано широко распространенным в США мнением изоляционистов о том, что Америка начала войну с Японией во имя защиты интересов американского бизнеса, в частности интересов нефтяной компании "Станвак". Вопреки очевидным фактам Мэшленд доказывал, что правительство США проводило жесткую политику экономического давления на Японию до начала войны с ней в 1941 г., отказываясь при этом от выгодных экономических связей на Дальнем Востоке. Администрация Рузвельта, в частности, отказывалась применить по отношению к Японии экономические санкции в связи с её агрессией в Китае, что автор объясняет боязнью войны на два фронта, угрозу которой осознавал, по его мнению, и

американский народ. Мэшленд признает факт обширной торговли США с Японией в годы японо-китайской войны, но объясняет его исключительно меркантильными интересами американского бизнеса. Он пишет: "Американские экспортеры хорошо понимали, что они помогают Японии создавать новые военные отрасли промышленности, что могло быть использовано как против Китая, так и против США. Но они уходили от политических проблем и действовали как независимые торговцы, занимающиеся обычной торговлей с японцами. Пока последние были в состоянии платить, а американское правительство не предпринимало никаких мер, чтобы присечь эту торговлю, они её активно вели"⁴. Факты, которые Мэшленд приводит в своей статье, противоречат основным её выводам. Он сообщает, что деловые круги США выступили против применения законодательства о нейтралитете к военным событиям на Дальнем Востоке; осудили "карантинную" речь президента Рузвельта, произнесенную им 5 октября 1937 г. с целью сдержать агрессоров в мире; не приняли денонсацию американо-японского торгового договора 1911 г., которую предложил в июле 1939 г. госдепартамент, и т.д. Причины войны на Тихом океане Мэшленд усматривает не в обострении американо-японских экономических противоречий в этом регионе, а в том, что после начала войны в Европе оказались под угрозой интересы национальной безопасности США. "К 1941 г. американские монополии были готовы принять как таковые действия своего правительства, которые предпринимались в интересах национальной безопасности"⁵.

В 1953 г. американский буржуазный автор Р. Стромберг написал статью, подтверждавшую выводы Мэшленда. "В движении к нейтралитету, а затем к войне бизнес не играл самостоятельной роли. Он действовал в силу сложившихся обстоятельств, как все", — считал он⁶.

Для американской буржуазной историографии официального направления в 40-50-е гг. было свойственно также преувеличивать огромные потенциальные возможности китайского рынка, в чем были убеждены и многие государственные деятели США в 30-е гг. Г. Стимсон, бывший в 1929-1932 гг. государственным секретарем, писал в середине 30-х гг. в своей работе "Дальневосточный кризис": "Китай до того велик и нормальные потребности его населения в настоящее время до того ещё не развиты, что возможности торговли с ним и удовлетворения его потребностей по мере того, как эта страна будет идти вперед по пути современной цивилизации, буквально безграничны"⁷. Предположения о китайском Эльдorado подтвердила посетившая Китай в 1935 г. торговая миссия Форбса. "Огромные перемены происходят сейчас в Китае, модер-

низация идет быстрыми темпами. Эти перемены означают открытие обширной территории, населенной миллионами людей, как самого важного торгового рынка в мире в течение последующих нескольких десятилетий. Ни одна нация не может позволить себе пренебречь этим рынком, и прежде всего Америка с ее способностью производить то, в чем нуждается Китай, и покупать то, что он может производить"⁸. Развивая эти идеи американских государственных деятелей, Н.Пейфер, один из известных в США специалистов по дальневосточному региону, писал после войны: "Дальний Восток — это единственное место на земле, открытое для экспансии. Америка должна бороться за него, в противном случае будут подорваны позиции капитализма в стране"⁹.

В 60–70-е гг. с критикой официального направления в американской буржуазной историографии выступили историки-радикалы, которые доказывали связь внешней политики США с экономическими мотивами и потребностями частнокапиталистической системы и классовыми интересами монополистической буржуазии.

Л.Гарднер в работе "Экономические аспекты дипломатии "нового курса" писал: "Хотя идея о великом китайском рынке не была материализована, многие американские государственные деятели в период "нового курса" действовали, исходя из убеждения, что это когда-нибудь произойдет. Эта надежда давала им достаточное основание, чтобы противостоять японской экспансии в Азии. Страх, что потеря Китая может означать переход всего Дальнего Востока под японский контроль, стимулировал к действию"¹⁰. Гарднер доказывал, что министерство торговли США в 30-е гг. было обеспокоено стремлением Японии вытеснить американский капитал как из самой Японии, так и из Китая, планируя включить его в закрытую зону, контролируруемую ею. Министр финансов Моргентау, по словам Гарднера, определял дальневосточную политику как "борьбу между тремя блоками: поднимающимся и новым, существующими стерлинговым и энергичным долларовым". В 1935 г. Моргентау заявлял: "Идет международная борьба между Великобританией, Японией и США, и Китай является костью посредине"¹¹.

Современные американские буржуазные историки развивают идеи радикалов, но отвергают при этом принцип экономического детерминизма, который последние использовали, рассматривая внешнеэкономическую экспансию США как средство разрешения их внутривнутриполитических и социальных проблем. Так, А.Сэволл в статье "Питтман и китайский рынок, 1933–1940" рассматривает внутривнутриполитическую борьбу в правящих

кругах США по вопросам экономической экспансии на Дальнем Востоке в указанный период, противопоставляя при этом позицию государственного секретаря Хелла взглядам сенатора Питтмэна. Сэволл доказывает, что Питтмэн, в отличие от государственного секретаря, не считал, что американское благополучие зависит от "упорной, все расширяющейся заморской экономической экспансии". Являясь главой сенатского комитета по иностранным делам с 1933 по 1940 г. и одновременно главой так называемого "серебряного блока" в конгрессе, пишет Сэволл, Питтмэн не считал, что средством разрешения внутриполитических и социальных проблем США, порожденных обеспечением серебра в стране, является американская экспансия в Китае¹².

Тезис о разрыве внутренних и внешних проблем в политике США в 30-е гг. имеет широкое хождение в буржуазной историографии второй половины 70-х - начала 80-х гг. Выдвигая его, американские авторы последних лет возрождают старый вывод историков официального направления: администрация Рузвельта не учитывала мнение бизнеса, вырабатывая внешнюю политику на Дальнем Востоке. Так, Вилкино в очерке "Роль американского бизнеса в 30-е гг." приводит данные из журнала "Форчун", который подсчитал, что в сентябре 1940 г. среди 15 тыс. американских бизнесменов, представлявших 750 крупнейших корпораций, 75% высказывались за "умиротворение" Японии, склонны были подписать с ней новое торговое соглашение и даже признать японские сферы влияния в Китае, 19% бизнесменов высказывались за жесткую политику по отношению к Японии вплоть до применения санкций и угрозы военной силы. Правительство США не прислушалось к мнению подавляющего большинства деловых кругов, США, делает вывод Вилкино, отказались проводить политику "умиротворения" по отношению к Японии. При этом она ссылается на слова государственного секретаря Хелла, который указывал, что американские интересы на Дальнем Востоке значительно шире торговых интересов американских граждан в Китае и Японии¹³. То же самое пытается доказать И.Андерсон - известный американский специалист по вопросам нефтяной политики США, когда он пишет, что администрация Рузвельта не прислушалась к мнению нефтяной компании "Станвак" в период обсуждения в правительственных кругах вопроса о нефтяном эмбарго в первой половине 1941 г. и заморозила японские фонды в США в июле 1941 г., что привело к полному прекращению поставок нефти Японии¹⁴. При этом, правда, И.Андерсон уточняет, что лично президент Рузвельт не причастен к указу о замораживании

японских активов и что нейтральное эмбарго являлось результатом действия сил в бюрократических ведомствах¹⁵. Другой современный американский историк, Ф.Адамс, говоря о взаимодействии бизнеса и правительства по вопросу об экспортно-импортной политике США на Дальнем Востоке в 30-е гг., пишет: "Торговые интересы не играли решающей роли в механизме принятия решений. Тем не менее, если даже политические деятели не контролировались прямо теми или иными представителями бизнеса, они могли быть зависимы от них. Экспортеры и финансисты были в состоянии создавать ситуации, которые могли заставить правительство действовать вопреки установленным принципам"¹⁶.

Одной из последних работ в американской буржуазной историографии по экономическим аспектам внешней политики США в 30-е гг. является статья Хасавэя в сборнике за 1984 г. под названием "Экономика и мировая политика. Очерк американской дипломатии с 1789 г." Автор признает в ней наличие экономических противоречий между США и Японией, обострившихся в 30-е гг. в связи с осуществлением японской захватнической политики в Китае. Стремление Японии установить свою гегемонию в Восточной Азии противоречило традиционной политике США в этом регионе, наносило удар по их мечте об огромных потенциальных возможностях рынка в Китае. В то же время Хасавэй отмечает, что существовали выгодные экономические связи между США и Японией и влиятельные силы в США были заинтересованы в их сохранении. "Экономическое соперничество и японские усилия закрыть "открытую дверь" в Китае сделали отношения между Вашингтоном и Токио холодными, но не были достаточной причиной для войны между ними"¹⁷. Автор приходит к выводу, весьма распространенному в современной американской буржуазной историографии "постревизионистского синтеза": американские национальные интересы помимо экономического имеют политический, идеологический и моральный аспекты, и их нельзя отрывать один от другого¹⁸.

Таким образом, "синтез" методов, свойственный современной американской буржуазной историографии, вбирает в себя идеи предшествующей официальной исторической литературы и взгляды радикалов. Это позволяет современным авторам выявить множество факторов при объяснении причин возникновения американо-японской войны на Тихом океане, но в то же время затушевывать межимпериалистические противоречия в этом регионе.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Родов Б. Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане /1938-1941/. - М., 1951; Севостьянов Г.Н. Подготовка войны на Тихом океане /сентябрь 1939-декабрь 1941/. - М., 1962.
- 2 Bailey T.A. A Diplomatic History of the American People. - N.Y., 1955. - P.940.
- 3 Griswold W. The Far Eastern Policy of the United States. - N.Y., 1938. - P.471.
- 4 Masland J.W. Commercial Influence Upon American Far Eastern Policy, 1937-1941 //Pacific Historical Review. - Sept. 1942. - P.281-300.
- 5 Ibid.-P.289.
- 6 Stromberg R. American Business and the Approach of War, 1935-1941 // Journal of Economic History. - Winter, 1953. - Vol.13.- P.58-78.
- 7 СТИМСОН Г. Дальневосточный кризис. - М., 1936.
- 8 American Trade Prospects in the Orient. - N.Y., 1935. - P.12-15.
- 9 Peffer N. Must We Fight in Asia? - N.Y., 1935. - P.234-235.
- 10 Gardner L. Economic Aspects of New Deal Diplomacy.- Madison, 1964. - P.328.
- 11 Gardner L. The Role of the Commerce and Treasury Departments// Pearl Harbor as History. - N.Y., 1973.- P.264.
- 12 Sewall A. Key Pittman and the Quest for the China Market, 1933-1940 // Pacific Historical Review.- August, 1975.-P.371,352.
- 13 Wilkins M. The Role of US Business. In: Pearl Harbor as History.- P.351,352.
- 14 Anderson Ir. The Standard Vacuum Oil Company and United States East Asian Policy, 1933-1941.-Princeton, 1975.
- 15 Anderson Ir. The 1941 De Facto Embargo on Oil to Japan. A Bureaucratic Reflex // Pacific Historical Review.-May, 1975.
- 16 Adams F. The Export-Import Bank and American Foreign policy, 1934-1939.-Columbia, 1976.-P.VIII.
- 17 Economics And World Power.-N.Y., 1984.-P.305.
- 18 Ibidem.

СОЦИАЛЬНО-КРИТИЧЕСКОЕ ТЕЧЕНИЕ В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ФРГ: ПРОБЛЕМА ЭВОЛЮЦИИ

Н.С. Москвитина

Деятельность историков социально-критического течения во второй пол. 60-х - нач. 70-х гг. - своеобразный символ тогдашней оппозиции традициям немецкого идеалистического историзма в историографии ФРГ - стремления к теоретизации исторической науки, более тесной кооперации со смежными социальными дисциплинами, критическому анализу немецкой истории и увязке исторических исследований с актуальными потребностями общественно-политической практики.

Закономерен вопрос о судьбе этой оппозиции в конце 70-х - первой пол. 80-х гг., на новом этапе развития исторической науки ФРГ, отмеченном, с одной стороны, оживлением субъективистских, иррационалистических, неохистористских тенденций¹, а с другой - тягой к реалистичному, более точному и полному, чем раньше, анализу исторической действительности. Сложное сосуществование этих тенденций особенно наглядно воплотилось в развитии и упрочении новой исследовательской ориентации - "истории повседневности" - истории "снизу и изнутри", как ее часто называют в ФРГ².

Дискуссии с ее сторонниками (и в печати, и на 35-м съезде западногерманских историков в октябре 1984 г. в Западном Берлине) были в последние годы основной формой проявления полемической активности историков социально-критического течения, в первую очередь его лидеров - Г.-У. Велера и Ю. Кокки. Представляется, что именно в контексте этих споров и можно выявить эволюцию самого течения, что немаловажно для понимания его существенных особенностей и сегодняшнего состояния западногерманской буржуазной историографии в целом.

Историки социально-критического течения стали первыми и наиболее авторитетными оппонентами истории повседневности в исторической науке ФРГ: интенсивность их критической реакции была обусловлена не в последнюю очередь серьезными идейно-политическими расхождениями, выразившимися в различной оценке современности в целом и западногерманской действительности в частности. Главное, что неприемлемо для историков социально-критического течения в идейной подоплеке концепций повседневности, - это ее "антимодернистская", критическая по отношению к современному индустриальному капитализму направленность. Проявляясь в сочувственном по-

вестовании о жизни "маленького человека" в условиях растущей анонимизации и бюрократизации индустриальной системы, она, по мнению Велера, представляет собой "зеленую" угрозу "западной рациональной культуре" и ее реальным достижениям³. Она недооценивает при этом внутри- и внешнеполитические реалии социал-либеральной эры: "...при всех частных недостатках, - подчеркивает Велер, - по сравнению с немецкими государствами в прошлом или же с восточно-немецким государством" Федеративная республика в настоящем "гарантирует своим гражданам беспрецедентную реализацию либеральных и демократических прав, правовую и социальную надежность"⁴. Защита "ценностей западной демократии" и "утверждение общественных и политических преимуществ Федеративной республики"⁵ тесно увязываются Велером с надежным противодействием "коммунистическому неандертализму" (от влияния которого, по его мнению, не свободно антивоенное движение в ФРГ), с сохранением "европейского равновесия" (т.е. осуществлением "двойного решения" НАТО) и "институциональной привязанности к Западу" (т.е. твердого следования курсом атлантизма во внешней политике)⁶. Такая позиция характерна и для другого видного представителя социально-критического течения - Г.-А.Винклера⁷, который вышел из СДПГ, выражая свое несогласие с "левым" антиядерным курсом ее нынешнего руководства⁸.

Это фактически сводит на нет запал критики, обращенной Велером к отдельным проявлениям консервативной волны в ФРГ (росту реваншистских настроений, возрождению и идеализации "пруссских традиций" и т.п.)⁹. Ведь их трудно изолировать от упрочения тех же атлантических тенденций во внешней политике ФРГ в последние годы. В условиях поляризации общественно-политических сил в Федеративной республике в конце 70-х - начале 80-х гг. попытка Велера определить "золотую середину": избежать, с одной стороны, взгляда на мир через "красно-розовые очки" и одиозного консерватизма, с другой, оборачивается, таким образом, отстаиванием правых, "атлантических" средств защиты "плюралистической демократии" и вообще откровенной апологетикой последней, что прямо противоречит тем требованиям критического отношения к действительности и перманентных социальных реформ, которые историки социально-критического течения выдвигали в конце 60-х - начале 70-х гг.

Идеализация достижений реформистской стратегии социал-ли-

беральной коалиции, зашедшей в тупик в конце 70-х – начале 80-х гг., обнаруживает и нереалистичный, охранительный характер обновленной трактовки "критико-эмансипаторской" функции исторического знания, которая теперь дается Велером и его единомышленниками: ее демократически-плюралистическая реформистская направленность преобразуется в "стабилизирующую идентификацию" бундесбюргера "с западногерманским государством" на основе пропаганды демократических достижений Федеративной республики, "социал-демократических и либеральных традиций" ¹⁰.

Отстаивание необходимости такой идентификации для историков социально-критического течения идет рука об руку с критикой средств "ложной" идентификации, предлагаемой историками повседневности. И здесь представители социально-критического течения попадают в близкую им стихию: ведь эти средства однозначно расцениваются ими как "неоистористские", а история повседневности в целом – как "неоистористский рецидив" в историографии ФРГ ¹¹.

Стремясь к сочувственному изображению "маленького человека" в истории и усвоению его опыта противостояния давлению индустриального капитализма, историки повседневности, по мнению Велера и Кокки, идеализируют патриархальную жизнь низов, направляя свои усилия на неоистористскую реконструкцию субъективности и "собственного смысла" прошлого ¹². Это, как подчеркивают историки социально-критического течения, обуславливает враждебное отношение к теориям в исторической науке и, следовательно, сознательный отказ от целостного аналитического подхода к обществу и "микроисторическую" направленность работ историков повседневности, абсолютизацию ими "рассказа" как формы реконструкции прошлого, т.е. ставит под вопрос основные завоевания историков социально-критического течения в предшествующие годы ¹³.

Велер и Кокка достаточно проницательно указывают на субъективистскую опасность, подстерегающую здесь историков повседневности, на реальность "антитеоретического тупика". Но защищая завоевания теоретически ориентированной "исторической социальной науки" от нападков историков повседневности, представители социально-критического течения расставляют теперь новые акценты в обосновании ее принципов.

Обращаясь к центральной проблеме использования теорий в исторической науке, Велер и Кокка подчеркивают, что в основе анти-теоретического настроя историков повседневности лежит ложная трактовка отношения исследователя к изучаемой исторической действительности –

тельности. Нацеленность на постижение "собственного смысла" прошлого, "истории самой по себе" приводит историков повседневности к признанию иллюзорной по своей сути, как считает Кокка, возможности "прямого доступа к исторической реальности", преодоления "дистанции между исследователем и объектом"¹⁴. Но справедливо отмечая субъективизм традиционного исторического "вчувствования" и аморфность описания исторического прошлого "как оно было", лидеры социально-критического течения сами становятся на субъективистские позиции, настойчиво подчеркивая "активно-созидающий вклад исследователя" в его подходе к прошлому¹⁵, утверждая при этом, что историческая действительность лишь одна из контролируемых инстанций в научной работе историка¹⁶. Неоистористская надежда на то, что "понятия и теории" можно "развить... из самой этой действительности"¹⁷ утопична, утверждает Кокка, в борьбе с субъективизмом воспроизводя его лишь в другой форме.

Но спрашивается тогда, отчего возникает неудовлетворенность той или иной теорией? Прежде всего - из-за того, что она не способна достаточно убедительно и полно отразить историческую реальность.

Теоретический скепсис историков повседневности - вынуждены признать представители социально-критического течения - во многом коренится в разочаровании "ограниченными возможностями больших теорий"¹⁸, т.е. в первую очередь теорий модернизации, взятых на вооружение в историографии ФРГ именно историками социально-критического течения и использованных ими, прежде всего Велером, при изучении проблем германской истории XIX-XX вв. и ставших, по сути, основой их подхода к обществу как целостному феномену¹⁹, как к совокупности различных сфер - экономики, власти, культуры. Эта чрезмерно схематичная, не учитывающая должным образом человеческую сторону исторического процесса теоретическая перспектива нуждается, как вынуждены сейчас признать Велер и Кокка, в определенных коррективах. "К критике надо прислушаться, - пишет Кокка, - и попытаться ее позитивно переработать"²⁰.

Каковы же пути такой корректировки? Первое, что было предложено историками социально-критического течения, - это рассмотрение истории повседневности как истории семьи, населения, спорта и т.д., являющейся лишь дополнением прочих равноправных сфер целостной "истории общества"²¹. "История повседневности может обогатить историческую социальную науку",нося сугубо дополнитель-

ный характер по отношению к "истории процессов и структур" — присоединяется к Велеру Кокка²². Этим, по сути, подразумевается дополнение уже существующих теоретических конструкций, в рамках которых невозможно комплексное и динамичное рассмотрение общества: остается, как справедливо отмечает историк повседневности из Геттингена А. Людтке, "разложение реальных исторических и общественных связей на отдельные сферы" и при этом упускаются из виду многомерность отдельных ситуаций и движущие силы исторического процесса²³. Главное — в данном случае не решается (как не решалась она в рамках исторической социальной науки и раньше) проблема связи объективной и субъективной сторон исторического процесса, будучи низведенной до проблемы субъективной комбинации методических приемов²⁴.

Способ же разрешения такого рода вопросов, предлагаемый многими представителями истории повседневности, — расширение ее до уровня глобальной перспективы исследования общества — для историков социально-критического течения абсолютно неприемлем. "Перспективу повседневности нельзя абсолютизировать", "она не обладает структурирующей силой", воспроизводя антитеоретизм и микроисторический подход к исторической действительности, пишет Кокка²⁵. Многое в этих утверждениях справедливо. Однако отвергая перспективу повседневности в целом как неистористскую, Велер и Кокка фактически направляют основной огонь критики против стремления понять историю повседневности как процесс, связанный с производством и воспроизводством реальной жизни, с определением "особенностей социальных производственных отношений" и конкретным анализом в их контексте классового протеста, неотъемлемым элементом которого является культура в широком смысле²⁶, в то время как перспективность такого рода поисков возможностей познания общества как конкретного динамичного целого несомненна.

Таким образом, историки социально-критического течения столкнулись, с одной стороны, с проблематичностью убедительного "дополнения" до "целостности" привычных генерализованных концепций, а с другой — с неприемлемостью тотальной перспективы истории повседневности.

Стремление определить "третий путь" между грешащей схемой генерализацией и неистористским антитеоретизмом, надо думать, сыграло решающую роль в новом обращении историков социально-критического течения к теоретическому наследию М. Лебера, что было особенно заметно на XVI Международном конгрессе историчес-

ких наук в Штутгарте в сентябре 1985 г. Не новая для сторонников исторической социальной науки апелляция к Веберу теперь приобретает апологетический характер. Велер, который еще десятилетие назад был склонен определять для себя критическую дистанцию по отношению к веберовским концепциям, настаивая (как, впрочем, и Кокка) на необходимости соединения "рациональных элементов" веберовской и Марксовой концепций, в Штутгарте решительно подчеркнул полную неприемлемость "Марксова монистического редукционизма" притязającego на постижение "сущности" исторического процесса²⁷, а также его теории классов и классовой борьбы. Лишь веберовский вариант теоретизации, по мнению историков социально-критического течения, позволяет адекватно соединить теорию и эмпирию, не подводя исторические факты под уже существующие "генерализированные высказывания" и постоянно имея в виду необходимое "расстояние" между теорией и реальностью²⁸.

Теперь, защищая свое давнее убеждение в принципиальной равноправности экономических, политических и социокультурных факторов, удельный вес которых можно определить лишь в процессе эмпирических исследований, одновременно сомневаясь в возможностях их убедительного анализа в рамках "больших" аналитических схем, Велер настаивает на первоочередной разработке ограниченных идеально-типических "каузально-функциональных гипотез" и их взаимодействии, что, как считает ученый, возможно и станет строительным материалом теории в будущем²⁹. Но будучи убежденным в равноправности различных факторов и их всегда индивидуальной и во многом случайной комбинации, Велер тем самым признает правомерность любых "каузально-функциональных гипотез", каждая из которых имеет полное право на существование и вовсе не претендует на "абсолютное" соответствие действительности. В этом случае вряд ли можно надеяться на то, что фиксация на субъективистской, в конечном счете, "комплексности" автоматически проложит путь новой целостной теории.

Поиски теоретической "золотой середины" в этом случае ведут скорее не к прогрессу историко-научного аналитического познания, но к очевидному тяготению к традиционной исследовательской практике, к сближению с консервативным и традиционалистски настроенным большинством цеха западногерманских историков и исчезновению того налета радикальной оппозиционности, который историческая социальная наука несла на себе в конце 60-х - начале 70-х гг. Все это не может не сказаться и на исследовательской практике: рассматривая классы и социальное неравенство как проявление различной

комбинации факторов, классовую борьбу как "особый случай", а "классовые столкновения" - как результат "исторически случайных условий"³⁰, Велер, рассчитывая создать более дифференцированный и менее схематичный (чем в его прежних работах конца 60-х - начала 70-х гг.)³¹ образ целостного германского общества, за десять с лишним лет так и не получил реального исследовательского результата.

Таким образом, полемика с "неоистористской волной" в лице истории повседневности (феномена, несомненно, нуждающегося в дифференцированном подходе)³² свидетельствует о наступлении нового этапа в эволюции историков социально-критического течения, сущность которого - в гипертрофии наименее реалистичных элементов их собственных концепций и в отрицании на деле фундаментальных установок, характеризовавших это течение в период его формирования (критическая направленность подхода к изучению исторической действительности, восприятие общества как целостного глобального образования в длительной временной перспективе и т.д.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Schleier H. Zum idealistischen Historismus in der bürgerlichen deutschen Geschichtswissenschaft//Jahrbuch für Geschichte.- Bd.28.- 1983.- S.147 ff; Lozek G. Narration und Sozialgeschichte// Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.- 1986.-H.2.-S.113-115.

² См. : Peukert D. Arbeiteralltag - Mode oder Methode?// Arbeiteralltag in Stadt und Land.-Argument - Sonderband 94.- Berlin (West), 1982.- S.8-39; Geschichte von unten.- Graz-Wien, 1984.- S.11-39; Ullrich V. Entdeckungsreise in den historischen Alltag // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht (далее - GWU).- 1985.- H.6.-S.403-414.

³ Wehler H.- U. Der Bauernbandit als neuer Heros // Die Zeit.-1981.- 18. September.- N 39.- S.44; Petersen T. Unmut, Armut, Anmut. Vielfältige Strömungen auf dem 35. Historikertag in Berlin // Frankfurter Allgemeine Zeitung (далее - FAZ).- 1984.- 9. Oktober.- N 227.- S.25.

⁴ Wehler H.-U. Preussen ist wieder chic... Politik und Polemik in

- 20 Essays.- F.a.M., 1983.- S.179.
- 5 Wehler H.-U. Wir brauchen keinen neuen deutschen Sonderweg // FAZ.- 1982.- 15. Februar.- N 38.- S.9.
- 6 CM.: Wehler H.-U. Preussen ist wieder chic...,- S.38,43; ders. Wir brauchen keinen neuen deutschen Sonderweg...- S.9.
- 7 CM.: Winkler H.-A. Der Weg der deutschen Sozialdemokratie im 20. Jahrhundert // GWU.- 1985.-12.-S.825.
- 8 CM.: Reinischer Merkur.- 1986.- 8 März.- N 11.- S.4.
- 9 Wehler H.-U. Preussen ist wieder chic...- S.11-18, 60-66, 67-71.
- 10 Ibid.- S.179.
- 11 Kocka I. Klassen oder Kultur?// Merkur.- 1982.-N.10.-S.957.
- 12 Kocka I. Theory and Social History:Recent Developments in West Germany // Social research.- 1980.-N 3.-P.447; Wehler H.-U. Bauernbandit...- S.44.
- 13 Kocka I. Historisch - anthropologische Fragestellungen - ein Defizit der Historischen Sozialwissenschaft?// Historische Anthropologie.-Göttingen, 1984.- S.77 ff.
- 14 Kocka I. Theory and Social History...- P.446; ders. Zurück zur Erzählung? // Geschichte und Gesellschaft (Далеко- GG).- 1984.- H.3.- S.404.
- 15 Kocka I. Zurück zur Erzählung...- S.404-405.
- 16 Kocka I. Einleitung zu: Max Weber at la methodologie de l'histoire// XVI e congres international des sciences historiques,Rapports I.- Stuttgart, 1985.-S.244.
- 17 Kocka I. Historisch-antropologische Fragestellungen...-S. 80.
- 18 Kocka I. Klassen oder Kultur?...- S.958.
- 19 CM.:Позе Г. Прогресс без социальной революции? Теории "модернизации" и буржуазные социальные науки. - М., 1985. - С. 102-129.
- 20 Kocka I. Zurück zur Erzählung...- S. 405.
- 21 Wehler H.-U. Geschichtswissenschaft heute // Stichworte zur "Geistigen Situation der Zeit".- F.a.M., 1979.- S. 744-745; ders. Bauernbandit...- S. 44.
- 22 Kocka I. Drittes Reich: Die Reihen fast geschlossen // Die Zeit - 1983, - 14.Okttober.- Nr. 42.- S.30.

- 23 Lüttke A. Rekonstruktion von Alltagswirklichkeit. Entpoliti-
sierung der Sozialgeschichte // Klassen und Kultur.- F.a.M.,
1982.- S.327,329.
- 24 Medick H. "Missionare im Ruderboot?" Etnologische Erkenntnis-
weisen als Herausforderung an die Sozialgeschichte // GG.- 1984.
- H.3.- S. 295.
- 25 Kocka I. Drittes Reich... - S. 30.
- 26 Lüttke A. Rekonstruktion... - S. 328; ders. Einleitung // Klas-
sen und Kultur... - S. 12.
- 27 Wehler H.-U. Max Webers Klassentheorie und die neuere Sozial-
geschichte // XVI e congres international...- S. 279, 281.
- 28 Kocka I. Einleitung ...- S. 245, 246.
- 29 Wehler H.-U. Max Webers Klassentheorie... - S. 280.
- 30 Ibid.- S.279.
- 31 Wehler H.-U. Bismark und der Imperialismus.- Berlin (West);
Köln, 1968.- 502 S; ders. Das Deutsche Kaiserreich 1871-1918.- 3
Aufl. - Göttingen, 1977. - 239 S.
- 32 Richter R. Zur Analyse und Kritik der nichtmarxistischen Ge-
schichtsschreibung über den Alltag im deutschen Faschismus // Bei-
träge zur Geschichte der Arbeiterbewegung.- 1983.- H.6.- S. 824.

КАТЕГОРИЯ "ПОНИМАНИЯ" В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н.С.Кречетова

Осмысление немецкого идеалистического историзма XIX в. и его гносеологической сердцевины – исторического понимания не перестает волновать западногерманскую историческую науку. Критическое отношение к своему прошлому, доминировавшее до середины 70-х гг. в историографии ФРГ, сменилось признанием стиля мышления немецких историков прошлого века вполне современным компонентом западного мышления. Сегодня никто из западногерманских обществоведов не признает кризиса герменевтических наук, скорее, напротив, происходит отход от упрощенной трактовки "понимания", оно представляется имманентно присущим немецкому историзму. Дискутировавшийся в 60-х-середине 70-х гг. вопрос, останется ли историческое понимание "по эту сторону" исторической науки, решен окончательно в его пользу¹.

Тому факту, что историческое понимание прочно утвердилось в западногерманской историографии, есть свои причины. Прежде всего, историческое понимание в немецкой традиции XIX в. неразрывно связано со складыванием буржуазных представлений о методе исторической науки. Ясно, что усиленные поиски теории исторической науки сегодня не могут игнорировать это обстоятельство. Очевидным является и то, что историческое понимание отнюдь не надуманная проблема, а действительно необходимый компонент интерпретации прошлого. Не случайно поэтому к теоретическому осмыслению "понимания" все больше поворачиваются профессиональные историки. В исторической науке ФРГ в последнее время откровенно звучит признание в усталости от внедрения социологических методов, мало обогативших методикой конкретные исследования. Западногерманские историки пытаются оживить культурно-историческую традицию, утратившую свою значимость в результате сциентизации исторической науки.

Несколько парадоксально в этой связи выглядит то, что в последние годы мы не встретили ни одной статьи или монографии, специально посвященной проблеме исторического понимания. Но в то же время этот вопрос затрагивается во всех работах, рассматривающих теорию исторической науки. Примечательно, что термин "понимание" часто опускается, хотя, по сути дела, речь идет именно о нем. Так, В.Моммзен говорит о "необходимости перевести язык

источника на язык историка как о центральной проблеме исторической интерпретации². Его коллега Ф. Майер считает, что всякое гуманитарное знание имеет дело с трактовкой текста, "историку нужно описать факты, которые уже описаны в источнике, таким образом, в первую очередь мы спрашиваем интерпретатора, а не текст"³.

Сказанное свидетельствует, что в западногерманской исторической науке не найдено пока окончательного решения проблемы "понимания". Одновременно очевидно, что все подходы к нему уже наметились. Каковы же они?

Прежде всего, отношение западногерманской исторической науки к историческому пониманию характеризуется исключительной противоречивостью, что является следствием неоднозначной оценки самого идеалистического историзма. С одной стороны, учение о понимании в его классическом варианте критикуется за крайний субъективизм, иррационализм, узкие границы применения. С другой — все более распространяется мнение, что "герменевтический историзм не означал ни в коем случае отрицание социальной истории, так как его методы были распространены на все сферы человеческой деятельности"⁴. Налицо попытка доказать, что немецкий историзм никогда не противопоставлял понимание объяснению, что акт понимания всегда носил в историзме рациональный характер. Подобный подход отражает тот факт, что критика идеалистического историзма ни в прошлом, ни тем более в настоящем не означала для историографии ФРГ кризиса его методологических основ. В западногерманском обществоведении ушло в прошлое противопоставление "понимания" и социальных методов исследования, утверждается, что они спокойно уживались в немецкой исторической науке прошлого века, а значит, и сегодня понимание не отрицает квантифицированной истории. Вновь зазвучало предложение о разграничении раннего и позднего историзма (историзма I и историзма II), Ранний историзм, по утверждению западногерманских обществоведов, не тождествен идеализму; "и позитивизм и исторический материализм складывались под знаком историзма I"⁵. Действительно, учение о понимании не было единым на различных этапах трансформации идеалистического историзма ни с точки зрения его обоснования, ни в плане теоретического содержания его основных постулатов. Вместе с тем является несостоятельным стремление западногерманских историков разорвать герменевтическую традицию историзма, противопоставив друг другу отдельные этапы его эволюции. Задавая се-

бе "вечный" вопрос: что же все-таки понимать под историзмом, западногерманское обществоведение пытается, по сути, провести ревизию всех прежних мнений, расширить аспект изучения истории историзма. С этой целью предпринимается попытка осмыслить историзм в интернациональном аспекте. При этом делается вывод, что учение о понимании не только плод размышлений немецких ученых XVIII-XIX вв., а имеет богатое прошлое в европейской культуре, начиная с XVI в., где акт понимания, конечно же, был рационален.

Таким образом, вопрос, который не так давно вызывал размежевание в западногерманской историографии, именно историзм или социальная история, "понимание" или "квантификация", снят с повестки, будучи решенным в пользу их соединения и переплетения. Так, например, представители группы "Квантум" пишут: "Главная задача квантификации - это синтез анализа и понимания... Квантификация-это средство лучшего понимания"⁶. Стремление к синтезу методов обусловило чрезвычайно широкий спектр подходов к пониманию от крайне узкого его осмысления до исключительно широкого. В различных работах присутствуют трактовки исторического понимания и как метода, созданного В.Дильтеем⁷, и как специальной методологической дисциплины, вида философствования, применимого к различным сферам научного познания. В книге западногерманского философа К.Ахама учение о понимании охватывает и логическое осмысление, и герменевтическое понимание, и эмпирическое объяснение. "Понимание", таким образом, по мнению автора, выполняет интегративную функцию в общественном познании⁸.

Историки и философы ФРГ весьма различных направлений находят в историческом понимании родственные, созвучные их теоретическим взглядам черты, превращая его в "свое", неотъемлемую черту научного исследования. Общая позиция такова: нельзя отказать историческому пониманию в его месте на научной сцене и отодвинуть в частную область индивидуального предпочтения исследователя; сделать так - значит недооценить роль важнейшего элемента в процессе познания.

В результате такого подхода становится возможным появление работ, исследующих "понимание" абсолютно в духе немецкого идеалистического историзма XIX в., что вряд ли было бы возможным ещё десятилетие назад. Мы имеем ввиду книгу И.Лойшнера "История в прошлом и настоящем"⁹, где можно встретить и оживление био-

графического метода, и тезис о том, что история – главное средство познания человека, притом сущность человека непознаваема. Не случайно также рассмотрение любого теоретического вопроса в новейшей западногерманской историографии через критический или позитивный анализ взглядов И.Г.Дройзена, В.Дильтея, Л.Ранке, В.Гумбольдта стало абсолютным правилом.

Пока неявно, но все же ощутимо обнаруживается тенденция неудовлетворенности западногерманских ученых состоянием теоретического плюрализма, благодаря которому в 70-е годы историческое понимание было вписано в современную западную методику познания. Все чаще можно встретить грустные признания в отсутствии целостности, концептуальности исторических исследований. Категория методологического плюрализма, полагают историки ФРГ, имела большое значение " в преодолении догматических методов исследования. Но она не дает однозначности ни в смысле теории, ни в смысле критериев исторической и логической проверки и в конце концов культивирует антинауку... К тому же часто пропагандируется лишь видимость плюрализма"¹⁰.

Характерное для современного состояния западногерманской буржуазной историографии повышение её самооценки проявляется и в осознании того, что плюрализм порождает научный пессимизм, и в сомнениях в пользу социологизации истории, и в признании неопределенности самого статуса социальной истории в западногерманской науке. Научность истории западногерманские авторы все менее склонны связывать с внедрением социологии в процесс исторического исследования¹¹.

Не случайно поэтому постоянное обращение историков ФРГ к своему прошлому, к истории немецкого идеалистического историзма, в котором они находят и целостность мировоззрения, и научный оптимизм, и веру в безграничные возможности истории.

Для современного состояния западногерманской исторической мысли характерно не только осмысление истории герменевтической традиции и её интерпретации в настоящем, но и попытка обнаружить в ней новое, отличное от историзма, современное позитивное звучание. Не реанимировать идеалистический историзм в прежнем виде, а осовременить его аргументацию учения о понимании, органично вписать "понимание" в методику исторического исследования – такова задача, которую ставят перед собой западногерманские ученые в последнее время. С этой целью подвергается пересмотру теоретическое обоснование учения о понимании идеалистичес-

тического историзма прошлого века, но уже с попытками его нового решения.

Так, вновь поставлена проблема соотношения гуманитарных и естественных наук, противопоставление которых, как известно, послужило основой для обособления "понимания" в качестве специфического метода познания. Результатом современного решения этой проблемы становится тезис: "Природу мы тоже понимаем!"¹². "Человек - продукт природы, - читаем мы в статье историка А. Демандта, - мы не можем ни отрывать историю от природы, ни переплавлять их"¹³. Автор верно полагает, что все науки, изучающие деятельность человека, а значит и естествознание, связаны с пониманием, но ничего не говорит о том, что понимание истории и понимание природы это далеко не одно и то же. Нет в указанной статье и сколько-нибудь диалектического осмысления взаимосвязи понимания и объяснения. Так здесь намечен скорее подход к действительно важной проблеме, нежели её решение.

Снова актуализируется вопрос о взаимосвязи истории и литературы, близость между которыми усматривалась в прошлом веке именно в методе понимания. Сегодня вновь исследуются типы исторических текстов, хотя признается одновременно, что понимание истории не тождественно пониманию литературного феномена. В. Моммзен отмечает: "И в труде историка, и в труде литератора присутствует фантазия, но история стоит на прочной эмпирической основе"¹⁴. Ему вторит его коллега Ф. Майер: "Для историка текст - это прежде всего источник, а не разговорный феномен. Поэтому филология - это наука о текстах и языке, а история - о выраженных путем языка реальностях"¹⁵. Возрождается и проблема лингвистического понимания исторических текстов, поставленная в свое время В. Гумбольдтом.

Предлагается подвергнуть пересмыслению категории "Ideengeschichte" и "Geistesgeschichte", послуживших в прошлом основой для отождествления понимания с методом исследования истории. По этому поводу можно сослаться на работу Е. Шулина, анализирующего место Ф. Майнеке в немецкой историографии¹⁶. Автор утверждает, что социальная история не должна ни в коем случае игнорировать вопрос о духовных изменениях в обществе. В свою очередь, "история идей" не означала и в прошлом приоритета идей в истории. Автор предлагает не дополнить социальную историю политической, а вернуться к её изучению, правда, на других основаниях, хотя и не проясняет, каковы они должны быть.

Вновь поднимается проблема предпосылочности исторического по-

знания¹⁷. Эта идея в разных вариантах служила в свое время обоснованием исторического понимания, скажем, у В. Дильтея она заложена в его категории "жизненного опыта", в котором, по его мнению, объективирован совокупный опыт истории. Предпосылочность для современных западногерманских историков - это понимание прошлого из своих собственных предпосылок, учет в интерпретации исторических источников традиции мышления.

Наконец, историков ФРГ заботит проблема объективности исторического понимания. Правда, решения предлагаются весьма тривиальные, а именно провозглашается отождествление объективности с общезначимостью, "интерсубъективностью"¹⁸.

Таким образом, в западногерманском обществоведении ощутимо стремление к единству в теоретическом обосновании исторического понимания, одновременно очевидно, что утеряна основа для него и нет на сегодняшний день общности в поисках методологических принципов обоснования исторического понимания. Поэтому вопросы, поставленные в свое время немецким идеалистическим историзмом по поводу исторического понимания, не получили своего разрешения и в современной западногерманской исторической науке. Так, нет ответа на следующие вопросы: является ли историческое понимание самоцелью исторического познания, что первично - исторический источник или его смысл, какова взаимосвязь исторического понимания и объяснения, правомерно ли отождествлять "понимание" и метод исторической науки, каково место "понимания" в интерпретации прошлого и в силах ли историческое понимание интерпретировать исторический источник с точки зрения адекватности отражения им действительности.

Для марксистской исторической науки в качестве безотлагательной встает задача не только критически осмыслить проблему "понимания" в буржуазной её трактовке, но и взять на себя инициативу в позитивной её разработке и, прежде всего, в уяснении специфики "понимания" в историческом исследовании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Erdmann K.D. *Zeitgeschichte zwischen Wissenschaft und Politik// Forschung in der Bundesrepublik Deutschland, Beispiele, Kritik, Vorschläge.* - Weinheim, 1983. - S.92.

- 2 Mommsen W.I. Die Sprache des Historikers // Historische Zeitschrift.- 1984.-Bd. 238.-H.1.- S.64.
- 3 Maier F.G. Der Historiker und die Texte // Historische Zeitschrift.- 1984.- Bd.238.- H.1.- S.86-87.
- 4 Iggers G. Neue Geschichtswissenschaft. Vom Historismus zur historischen Sozialwissenschaft.-München, 1978.- S.35.
- 5 Oexle O.G. Die Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus. Bemerkungen zum Standort der Geschichtsforschung // Historische Zeitschrift.-1984.- Bd.238.- H.1.- S.40.
- 6 Jarausch I. Quantifizierung in der Geschichtswissenschaft. Probleme und Möglichkeiten.- Düsseldorf, 1977.- S.13.
- 7 Wörterbuch zur Geschichte.- München, 1983.- S. 94.
- 8 Acham K. Philosophie der Sozialwissenschaften.- Freiburg; München, 1983.- S.90,97.
- 9 Leuschner I. Geschichte in Vergangenheit und Gegenwart.- Stuttgart, 1980.- S. 1-153.
- 10 Acham K. Op.cit.- S.244.
- 11 CM.: Maier F. Op.cit.- S.84.
- 12 Demandt A. Natur- und Geschichtswissenschaft im 1976 // Historische Zeitschrift.- 1983.- Bd. 237.- H.1.- S.66.
- 13 Ibidem.
- 14 Mommsen W.I. Op.cit.- S.67.
- 15 Maier F. Op.cit.- S.85-86.
- 16 Schulia E. Friedrich Meinecke Stellung in der deutschen Geschichtswissenschaft // Historische Zeitschrift.-1980.-Bd. 230.-H.1.- S. 25.
- 17 CM.: Mommsen W.I. Op.cit.- S. 63-69.
- 18 CM.: Esch A. Überlieferungs - Chance und Überlieferungs-Zufall als methodisches Problem des Historikers // Historische Zeitschrift.-1985.-Bl. 240.-H.3.- S. 567-570.

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ И НАПРАВЛЕНИЯХ ТЕОРИИ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

О.В.Синицын

Специальные монографические исследования, многочисленные статьи и рецензии на страницах периодических изданий, методологические дискуссии свидетельствуют, что "теория истории" является одной из центральных проблем теоретико-методологических исследований современной буржуазной историографии.

Усиление внимания к данной проблеме вызывается несколькими причинами. Во-первых, результаты перманентного кризиса буржуазной исторической науки, последствия которого в настоящее время все более начинают осознавать и сами буржуазные историки и социологи, вынуждают их пересматривать существенные элементы своего теоретического и методологического инструментария; во-вторых, усиление идеологической борьбы заставляет буржуазных обществоведов искать новые возможности противостояния растущему влиянию марксистской теории истины; в-третьих, "обновление" методологических оснований буржуазной историографии определяется новыми задачами, связанными со значительными сдвигами в уровне познания, реализованными в смежных с историей общественных науках (социологии, лингвистике, политэкономии и др.), что острее ставит вопрос об их соотношении.

Развиваясь под воздействием этих факторов, буржуазная историография, используя теоретическое наследие своих предшественников и традиционные для буржуазной исторической науки принципы интерпретации соотношения истории и теории в историческом познании, осуществляет определенную модернизацию своих теоретико-методологических концепций.

В буржуазной методологии истории не существует единого подхода к пониманию соотношения истории и теории, но при всем многообразии течений буржуазной историографии они сводятся к нескольким направлениям, условно которые можно разделить на три группы:

1. "Эмпирическое" направление. Сюда относятся представители идиографического течения в буржуазной историографии ("нарративная" или "событийная" историография, олицетворяющая неокантианскую линию развития буржуазной методологии истории).

2. "Теоретическое" направление. Оно представлено сторонниками концепции "теоретизации истории" (так называемая "модернист-

ская" историография, олицетворяющая позитивистскую линию развития буржуазной методологии истории).

3. "Социоисторическое" направление. К нему принадлежат исследователи, ориентирующиеся на сближение и "сплетение" концепций идиографической историографии с ограниченным вариантом "модернистской" историографии.

Рассмотрим общие характерные черты и некоторые особенности каждого направления.

"Эмпирическое" направление генеалогически связано с теоретико-методологическими концепциями традиционного, "классического" буржуазного историзма и основывается на учениях Л.Ранке, В.Виндельбанда, Г.Риккерта и других классиков "идиографизма". К его представителям в современной буржуазной историографии можно отнести Г.Риттера, А.Стерна, Э.Питца, Г.Ротфельса, К.Гильдебранда, Т.Целдина, Р.Коббса и многих других.

Основополагающие принципы и форма аргументации современных сторонников идиографизма мало чем отличается от методологических постулатов его "классиков". Они, как и прежде, основываются на абсолютизации одной из особенностей исторического познания (значение элемента описательности в исторической науке), что в методологическом плане находит свое выражение в отрыве особенного и единичного от общего. Особенно показательна в данном случае позиция А.Буллока. По его убеждению, история, если она хочет называться наукой, должна выполнять свою главную задачу - "раскрытие хронологической последовательности событий, взаимодействия индивидуальностей, конфликтов частных интересов, связи рационального и иррационального в поведении, элементов случайности"¹.

Позиции современных неокантианцев в новейшей буржуазной историографии не столь сильные, как 50-60 лет тому назад, но тем не менее их влияние (особенно в ФРГ) все еще довольно значительно. Более того, в последние годы в западной историографии заговорили о "новой волне" идиографизма. Так, Л.Стоун в статье "Возрождение нарратива" пишет, что сейчас наблюдается возрождение "нарративной истории", как следствие падения престижа истории, посвященной постановке "больших объяснительных вопросов", и генерализирующей "научной истории". По его мнению, это реакция на разочарование в основном экономически-детерминистскими моделями исторического объяснения, которые доминировали в послевоенные годы².

Мнение Л.Стоуна, хотя и не бесспорное, отражает умонастроение определенной части представителей буржуазной историографии,

только разочаровавшихся не "экономическим детерминизмом", как пишет Стоун, а предельно абстрактными позитивистскими моделями исторического объяснения. При этом, спасаясь от кризисного тупика, буржуазные историки зачастую не видят другого выхода, кроме возвращения к традиционной концепции "чистого факта" и индивидуализирующего метода в истории. Естественно, что при таком понимании предмета истории отпадает всякая необходимость в обобщении, выявлении закономерностей, в исторической теории, ибо, по мнению современных сторонников идиографизма, в таком случае "упраздняется собственно история"³.

Таким образом, для "эмпирического" направления буржуазной историографии характерны недооценка и даже игнорирование теоретического подхода к изучаемым явлениям и процессам, трактовка исторических событий и явлений как единственных и неповторимых, абсолютизация идиографического метода исторического познания. Признавая единственным методом изучения исторических явлений их описание, субъективный, индивидуализирующий подход ограничивает задачи исторического исследования его эмпирической стадией: добросовестным повествованием и описанием явлений и их субъективной оценкой историком. Все эти особые признаки "эмпирического" направления сводятся в конечном итоге к одной основной ведущей идее — отрицанию закономерного характера общественно-исторического развития.

Второе направление, основывающееся на принципах позитивистской социологии, получило широкое распространение в современной буржуазной историографии в последние 20 лет. Оно является, с одной стороны, реакцией на первое направление, отходом части буржуазных историков от неудовлетворившего их идиографизма, а с другой — попыткой преодолеть кризис путем переосмысления предмета и задач истории и выхода в новые сферы общественной жизни, особенно в сферу социальных и экономических отношений и структур.

В методологическом плане "теоретическое" направление буржуазной историографии нашло свое наиболее характерное выражение в концепции "теоретизации истории"⁴. Сегодня отказ видеть задачу историка в чистом описательстве стал характерным явлением для многих представителей буржуазной историографии. История без объяснения не имеет смысла, — указывают Т.Климо и П.Хауэлс и подчеркивают, что именно теоретическое осмысление представляет возможность ответить на вопросы, которые ставит перед нами история⁵. В поддержку важности и необходимости теоретической интерпретации ис-

тории выступают П.Леброн, П.Бреши, К.Фабер, А.Коббен, Э.Кребек, С.Бир, А.Эддис, Б.Уолш, П.Мюнц, Дж.Стедман и многие другие представители буржуазной историографии.

Осознание важности теоретического мышления для познания истории является определенным шагом вперед в буржуазной науке, способствуя более глубокому пониманию возможностей исторического познания. Но это вовсе не значит, что концепция "теоретизации истории" посягает на идеалистические основы. Напротив, она еще более субъективизирует историческое познание, что приводит к произвольной трактовке общественного процесса. Примером тому могут служить попытки акцентировать внимание на изучении общественных структур, способных, по мнению П.Мюнца, "привнести смысл в хаос" ⁶.

Структурализм в истории распространяется под флагом преодоления идиографизма и стремления к генерализации. Объект познания истории рассматривается более широко, так как в нем выделяются не индивидуальные, а массовые явления. Однако на деле это приводит к явному пренебрежению фактической стороной истории. При этом структуры рассматриваются как самодовлеющие, внутренние противоречивые системы ⁷, отсюда общественная жизнь остается неупорядоченным нагромождением, но теперь уже не индивидуальных событий, а структур, также лишенных внутренних движущих сил.

Структуралисты широко пользуются понятиями "общего закона", структурной закономерности, которые ничего общего не имеют с объективными историческими законами. П.Мюнц, Б.Уолш, Б.Ласслет и их единомышленники говорят, во-первых, о таких "закономерностях", которые не отражают сущность общественно-исторического процесса, во-вторых, заявляя, что закономерности есть, они тут же непременно утверждают, что они не имеют объективного характера, а вносятся в поток фактов через сознание изучающего его ученого ⁸. Таким образом, "закономерности" структуралистов есть всего лишь случайные схемы, необходимые лишь для связного изложения событий, но не имеющие органической связи с содержанием исторического процесса.

Надо заметить, что некоторые структуралисты, понимая, что субъективизм не имеет ничего общего с научным познанием, обращаются к анализу таких исторических фактов, явлений и структур, которые поддаются экспериментальному измерению и проверке, а значит, могут быть изучены объективно. С этим связано их обращение к квантитативной, или количественной, истории, широко применяющей новые статистические и логико-математические методы исторического анализа ⁹.

Стремление к расширению зоны количественного анализа, применению в историческом исследовании статистико-математических методов является важной тенденцией современной исторической науки. Однако буржуазная методология абсолютизирует метод статистической обработки данных, акцентирует внимание лишь на количественной стороне исторического процесса, затушевывает цифровыми показателями классовую природу исторических явлений и процессов, нередко основывается на произвольном манипулировании количественными характеристиками. Применение статистико-математических методов на методологической основе идеализма ведет к односторонности, схематизму, антиисторизму и не избавляет буржуазную историографию от субъективизма.

Таким образом, "теоретизация истории" не выводит буржуазную историографию из кризиса теории познания. В рамках идеалистической методологии истории не может быть выработана теория истории, которая могла бы вооружить историографию объективными методами исследования исторического процесса на уровне его закономерностей. Требование "больше теории" приводит к антиисторизму, формализации и схематизации исторического процесса, к отрыву исторического познания от реальной действительности.

Третье направление буржуазной историографии получило распространение в самое последнее время. Его цель — сближение концепций, ориентирующихся на идиографизм, с ограниченным вариантом "теоретической" истории. Оно исходит из стремления подчеркнуть общность буржуазной методологии истории и историографии, смягчить расхождения во мнениях и вернуть утерянную инициативу в борьбе с марксизмом-ленинизмом по основным теоретико-методологическим вопросам. Это привело к двум вариантам решения поставленной цели.

Во-первых, наблюдается тенденция вообще оставить в стороне дебаты по вопросу о соотношении истории и теории. Американский историк Х.Фейн, например, пишет: "Я думаю, что концентрация внимания на этой дебатированной проблеме отрывает от решения других, более серьезных проблем"¹⁰. Его поддерживает Х.Уайт: "Существующие доктрины есть не что иное, как замкнутый круг неразумных, риторических вопросов"¹¹. Подобные попытки уйти от решения проблемы соотношения истории и теории в сущности беспочвенны, ибо на практике историки так или иначе неизбежно с ней сталкиваются. Не случайно, взгляды Х.Уайта и его сторонников подверглись решительной критике как со стороны представителей первого, так и второго выделенных нами направлений¹². Е.Голоб, например, пишет,

что смысл высказываний Уайта опасен и губителен для исторической науки, что от решения методологических проблем нельзя просто отмахнуться, что сегодняшняя задача, напротив, искать новые варианты их решения .

Одним из таких вариантов объяснения соотношения истории и теории в историческом познании является "социоисторическая" концепция. К ее сторонникам в современной буржуазной историографии можно отнести А.Кузминского, М.Мандельбаума, Х.Либель, А.Голоба и других. Наиболее отчетливо в 70-х годах идеи этой концепции развил А.Кузминский. В статье "Парадокс исторического знания"¹³ он выступил с критикой как идиографизма, так и сциентизма. Первый он называет "интуитивной историей", второй - "рационалистической историей". Выход он видит в так называемой "социологической истории". Ее задача - взять все ценное и положительное из этих двух крайностей и "развить среднюю линию", которая, признавая значение уникального, включает в систему исторического знания и ограниченные обобщения¹⁴.

Весьма показательна заключительная фраза А.Кузминского, раскрывающая сущность его позиции. "Достоинство нашего диалектического компромисса, наших попыток сбалансировать оба подхода, - пишет он, - заключается не в желании достичь "согласия", которое, конечно, возможно, ибо их взаимодополнимость позволяет это, а в том, что двойственный подход освобождает нас от абсолютного доминирования каждого из них и делает нас восприимчивыми в принципе к другим альтернативам"¹⁵.

Итак, "социоисторическое" направление претендует на новую интерпретацию соотношения истории и теории. По мнению его представителей, в данной концепции проводится идея специфики исторического познания и признается правомерность исторических событий. Но признавать на словах это еще не значит научно решать проблему на деле. Здесь перед буржуазными учеными сразу же встают вопросы: как от простого описания фактов и событий перейти к исследованию закономерностей, как увязать глубину закона и богатство явлений? При ответе на эти вопросы они наталкиваются на противоречия, неразрешимые в рамках идеалистической методологии истории.

Признать объективные закономерности общественно-исторического развития они не могут и отсюда утверждают, что исторические обобщения могут быть лишь ограниченными, выполняющими задачи классификации и объяснения прошедших исторических событий. При

этом, считая "неправомерным" обобщения детерминистского типа, буржуазные историки "подлинно научными" признают только типы субъективных обобщений. Не удивительно поэтому, что "новейший" подход органически стыкуется с традиционным буржуазным историзмом. Тот же самый А. Кузминский в рецензии на работу П. Мюппа решительно выступил против его структуралистской концепции, заявляя: "Моя цель — защитить идею Ранке, что действительное дело историка — нарисовать "картину того, что произошло"¹⁶. По сути, мы имеем здесь дело лишь с модифицированным неокантианством, на практике являющемся только кажущимся средством "обновления" исторических концепций.

Современные буржуазные критики "старой" неокантианско-позитивистской методологии не пытаются преодолеть ее ненаучные предпосылки, а стараются лишь "сбалансировать" две крайности, что фактически выливается в механическое комбинирование двух традиционных подходов. Возникающие при этом эклектизм и методологический плюрализм признаются буржуазными историками вполне "правомерными" и даже "полезными", поскольку якобы позволяют свободно "сбалансировать" при решении конкретных исследовательских задач и делают "восприимчивыми к другим альтернативам". Между тем очевидно, что "новая" методология ненаучно решает вопрос о соотношении истории и теории и не выводит буржуазную историографию из кризиса.

Итак, критический анализ основных направлений интерпретации соотношения истории и теории в современной буржуазной историографии показывает, что все эти направления характеризуются ограниченностью и ошибочностью теоретических и методологических принципов исторического познания и демонстрирует неспособность немарксистской историографии по самой своей природе дать научное решение этой важной методологической проблемы. В то же время этот анализ показывает, что буржуазная историография осуществляет определенную модернизацию своих теоретико-методологических концепций, что поиски выхода из кризисного состояния многообразны, что хотя нет полного единства позиций и идут напряженные споры, буржуазных ученых объединяет борьба против материалистического понимания истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Bullock A. Is History Becoming a Social Science? — New York; London, 1977. — P. 18.

- ² Stone L. The Revival of Narrative: some comments on a new old history // Past and Present. - 1979. - N 85. - P. 3-4.
- ³ Hildebrand K. Geschichte oder "Gesellschaftsgeschichte? // Historische Zeitschrift. - 1976. - Bd. 223. - H.2. - S. 340.
- ⁴ См.: Иванов В.В. К вопросу о методологической сущности концепции "теоретизации истории" // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. - Казань, 1972. - С. 21-36.
- ⁵ Climo T.A., Howells P.G. Possible Worlds in historical Explanation // History and Theory. - Vol. 15. - 1976. - N 1. - P. 1.
- ⁶ Munz P. The Shapes of Time: a new Look at the philosophy of history. - Middletown, 1977. - P. 44.
- ⁷ Ibid. - P. 19, 31, 98-99, 103-104.
- ⁸ См.: Walsh W.H. An introduction to philosophy of history. - Hutchinson, 1977. - P. 39; Munz P. Op.cit. - P.65.
- ⁹ См., например: Floud R. An introduction to quantitative methods for historians. - Princeton, 1973; Lee C.H. The quantitative approach to economic history. - London, 1977.
- ¹⁰ Fain H. History as Science // History and Theory. - Vol. 9. - 1970. - N 2. - P.155.
- ¹¹ Цит. по: Kellner H. A bedrock of order: Hayden White's Linguistic Humanism // History and Theory. - Vol. 19. - 1980. - N 4. - P. 10.
- ¹² См.: Metahistory: Six Critiques. (статьи Г.Келлнера, М.Мандельбаума, Е.Голоба, Н.Струве, Ф.Помпера, Дж.Нельсона) // History and Theory. - Vol. 19. - 1980. - N 4.
- ¹³ Kuzminski A. The paradox of historical Knowledge // History and Theory. - Vol. 12. - 1970. - N 3. - P. 269-279.
- ¹⁴ Ibid. - P. 271.
- ¹⁵ Ibid. - P. 279.
- ¹⁶ Kuzminski A. Review essay on the book by P.Munz The Shapes of Time: a new Look at the philosophy of history // History and Theory. - Vol.18.-1979. - N 1. - P. 62.

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЙСКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ТВОРЧЕСТВА ТОМАСА КАРЛЕЙЛЯ

Г.А.Синельникова

Характеризуя современную английскую и американскую историографию о Т.Карлейле (1795–1881), можно говорить о новом всплеске интереса к английскому мыслителю XIX в.¹, что позволяет согласиться с Я.Кэмпбеллом, который прямо выделяет 70-е гг. как новый этап изучения его жизнедеятельности². Какова же причина такого внимания современной английской и американской критики к Т.Карлейлю? По мнению почти всех исследователей его творчества, она кроется в неожиданно возникшем на Западе примерно два десятилетия назад усиленном интересе к викторианской эпохе, и прежде всего к литературе этого периода как неоспоримому и не теряющему своего значения со временем достижению XIX в. Отсюда вытекает и качественное отличие современного этапа изучения творчества Т.Карлейля, сущность которого заключается в литературно-критическом подходе к наследию английского мыслителя. Поэтому в глазах современных критиков Т.Карлейль – это в первую очередь мастер нехудожественной прозы и важный источник идейного влияния на литературу викторианского периода. А поскольку именно английская литература, как и английская общественная мысль XIX в. в целом, оказала сильное воздействие на формирование и развитие общественной мысли Америки, то, видимо, не случаен факт, отмеченный Д.Теннисом, что американская школа занимает центральное место в научном изучении творчества английского автора³. Однако вышеупомянутый подход выражается не только в количественном и качественном преобладании литературно-критических исследований, но и в значительном влиянии этих работ на проблематику и приемы исследования более традиционных направлений в изучении творчества Т.Карлейля. А именно его биографии, политических, философских и исторических взглядов.

Обращение к биографическому материалу при изучении идейного наследия того или иного мыслителя – процесс естественный. Тем не менее количество биографических работ о Т.Карлейле поражает своей величиной, даже с учетом более чем 150-летней истории их написания и традиционного для западной историографии увлечения этим жанром. Вместе с тем необходимо отметить, что успехи биографических исследований в 70-е гг. связаны не с обобщением фактов, а с их накоплением, которое идет в двух направлениях. Представителей

первого отличает изобретательность в поисках оригинальных, а потому часто не столь важных фактов биографии Т.Карлейля⁴. Вторым направлением накопления информации стало выяснение взаимоотношений Т.Карлейля с его современниками-викторианцами, что обусловлено спецификой нынешнего этапа изучения английского мыслителя. В 70-е гг. появились многочисленные статьи и заметки о взаимоотношениях английского автора с выдающимися викторианцами⁵ и их менее знаменитыми современниками, преимущественно из литературных кругов⁶. Наибольшим авторитетом в этой области пользуется американский профессор Ч.Сендерс, только за 70-е гг. опубликовавший до десятка работ на эту тему⁷. Все это свидетельствует о создании солидной биографической базы для изучения идейного наследия Т.Карлейля.

В чем же видят современные исследователи вклад английского мыслителя в развитие викторианской литературы? Прежде всего в его литературном мастерстве, значительной роли в развитии литературной критики вообще и в том влиянии произведений Т.Карлейля, которое они оказали на викторианских писателей. Основное достоинство его работ литературоведы 70-х гг. усматривают в органическом единстве структуры, системы образов, стиля и идейного содержания произведения, что и оказывает сильное воздействие на читателя⁸. Более значимой оказалась другая сторона литературоведческой теории Т.Карлейля, связанная с её социально-реалистической ориентацией⁹, что и позволяет современным исследователям ставить английского автора у истоков викторианской литературной критики, или как её называет П. Дейл, "нового реализма"¹⁰. Суть его, в отличие от романтической и современной критики, исследователи видят в явно выраженных историческом и социологическом подходах. Причем исторический подход понимается ими и как принцип историзма¹¹, и как обращение к истории — учительнице жизни¹², и как внимание к событийной стороне дела, а не к абстрактной ситуации, как у романтиков.

В русле общей переоценки творчества Т.Карлейля можно отметить также новую тенденцию в оценке его политического кредо. Если раньше большинство исследователей делало акцент на реакционной стороне учения английского мыслителя¹³, то в 70-е гг. на первый план был выдвинут его радикализм. Самой заметной работой, определившей специфику нынешнего этапа, стала монография американского исследователя Ф.Розенберга¹⁴, которая не только стимулирует обращение ученых к социально-политическим воззрениям Т.Карлейля, но и создает реальную основу для более взвешенной их оценки.

Что касается других историографов, то они, будучи в принципе

согласными с данной переориентацией, не закрывают глаза на явное несоответствие оценки Т.Карлейля как радикала с некоторыми пунктами его политической теории. Более того, именно эти пункты — отношение английского мыслителя к рабству и его обращение к средним векам как к образцу социального устройства — стали предметом их изучения, так как без их анализа снять возникшее противоречие невозможно. Так, в своих статьях Я.Кэмпбелл и Д.Уокмен, обращаясь к рассмотрению вопроса о рабстве в трудах Т.Карлейля¹⁵, делают вывод, что Т.Карлейль никогда серьезно не занимался проблемой рабства, так как считал, что надо сначала решить вопрос с бедняками Ирландии и Англии, а потом беспокоиться о далеких ямайских неграх. Но обвиняя английское правительство и либералов в неспособности решить внутренние проблемы, он по инерции переносил эту критику и на всю их внешнюю политику. Таким образом, авторы статей пытаются если не оправдать, то объяснить объективно-реакционную позицию Т.Карлейля его субъективно-радикальными мотивами.

Несколько иначе вышеуказанное противоречие решается в работе А.Чандлер, посвященной изучению идеализации средних веков в английской литературе XIX в.¹⁶ В целом политическая доктрина Т.Карлейля, по мнению исследовательницы, носит амбивалентный характер, так как, с одной стороны, английский мыслитель критикует капитализм, а с другой — вслед за Сен-Симоном ориентируется на "Капитанов промышленности", действующих, правда, в духе средневековой этики. Такая амбивалентность взглядов позволяет автору монографии говорить о Т.Карлейле как о представителе консервативного радикализма. Общую оценку социально-политических взглядов английского мыслителя как амбивалентных разделяют также К.Хэррис и Р.Стэнч¹⁷.

Наметились изменения и в толковании философского наследия Т.Карлейля, которое всегда было объектом изучения критики. В 70-е гг. не появилось ни одной работы, где бы эта тема рассматривалась самостоятельно. Дело, видимо, в том, что, во-первых, Т.Карлейль не был профессиональным философом и не оставил после себя систематизированного учения. А во-вторых, в его творчестве прослеживается очень сильное влияние немецких романтиков и немецкой классической философии, что ставит под сомнение вопрос об оригинальности его суждений. Сущность современного подхода к философским взглядам Т.Карлейля в том, что авторы акцентируют свое внимание не на целостности, а на отдельных сторонах философского учения Т.Карлейля, не на его оригинальности, а на тесной связи с немецкой общественной мыслью¹⁸. Что касается первой особенности, то наибольший ин-

терес для современных исследователей представляют те философские взгляды Т.Карлейля, которые были связаны с его практической деятельностью, ибо именно эти взгляды, будучи тесно связаны с практикой и обогащаясь за её счет, являются наиболее оригинальными в философском наследии Т.Карлейля.

На изучение исторических взглядов Т.Карлейля преимущественное влияние оказывают теоретико-методологические поиски западных историографов, ищущих выход из кризиса буржуазной исторической науки. Отсюда интерес к таким проблемам, как философия истории Т.Карлейля и его биографический метод.

Конечно, философия истории Т.Карлейля интересна в настоящее время прежде всего своей гносеологической стороной, но понять её без изучения теории исторического процесса невозможно. Вот почему Х.Тревор-Ропер начинает свою статью с изложения именно теории исторического процесса английского историка¹⁹. А.П.Дейл замечает, что хотя Т.Карлейля нельзя по величине сравнить с Вико или Гегелем, но и он интересовался не просто историческим фактом, но полной моделью исторического процесса²⁰. Причем ценность карлейлевской модели оба автора видят в её противоположности взглядам рационалистов на общество, что проявилось в отказе от идей прямолинейного прогресса, акценте на революционном, а не эволюционном развитии общественного организма и т.д. Несомненно, что более диалектическое понимание исторического процесса не могло не сказаться на теории исторического познания английского мыслителя. Характерной чертой её, по мнению всех исследователей, был историзм. Именно историзм Т.Карлейля и является основным критерием отнесения его к представителям "нового чувства истории". Кульминационным пунктом последнего, считает Ф.Розенберг, стала философия истории Гегеля²¹. А поскольку в Англии Т.Карлейль был одним из первых, в чьих трудах "новое чувство истории" дало о себе знать, постольку никто из его современников, как отмечает Х.Тревор-Ропер, не мог игнорировать его философию истории²². А.П.Дейл прямо считает причиной такого влияния историзм английского историка.

М.Пекхэм обращает внимание на конкретные аспекты карлейлевской теории исторического познания. Интересным для современной науки, по мнению исследователя, является решение английским историком таких вопросов, как роль историка и историческое сочинение в условиях культурной ситуации XIX в., а также проблема философии исторического открытия²³. С этой целью М.Пекхэм использовал ранее неисследованный материал, а именно авторское вступление Т.Карлейля к "Исто-

рии Фридриха Великого", работы также почти не изучаемой. Это наглядный пример того, как новая проблематика способствует введению в оборот новых источников.

И все-таки основное внимание при изучении теории и практики исторического познания Т.Карлейля западные авторы уделяют так называемому "биографическому методу" - основному методу английского историка. И действительно, Т.Карлейль является, пожалуй, единственным историком, который пытался теоретически обосновать использование биографии как главного способа познания исторической реальности. Можно согласиться с В.Уорингом, который заметил, что все исторические сочинения Т.Карлейля, вплоть до "Истории Французской революции", можно считать биографиями²⁴. Теоретическое обоснование метода в первую очередь интересует таких исследователей, как М.Хэррис и В.Уоринг, которые с этой целью обращаются к "теории героев" Т.Карлейля, а также к его статье "Биография" и многочисленным заметкам и высказываниям о теории биографии. Что касается конкретно-исторических работ английского автора, то оба исследователя наиболее удачной считают биографию Стерлинга, малоизвестного друга Т.Карлейля. Но если В.Уоринг видит залог успеха в использовании таких требований метода, как "любящее сердце" и "видящие глаза", то К.Хэррис, наоборот, считает, что причина удач в отступлении от основного требования метода, а именно идентификации автора с героем. Менее удачной, на наш взгляд, является работа Д.Кокшата об искусстве биографии в Англии XIX в., где "Письма и речи Оливера Кромвеля" Т.Карлейля используются скорее как иллюстративный материал²⁵.

В заключение следует отметить, что в 70-е гг. анализу подвергаются все, даже самые популярные, исторические сочинения Т.Карлейля, а не только "История Французской революции", как это было раньше. Это объясняется, конечно, и желанием компенсировать недостаток внимания к малоизученным работам, таким, например, как "История Фридриха Великого"²⁶. Но главное, видимо, в том, что сейчас интерес переносится с конкретно-исторического на теоретико-методологическое содержание исторических работ Т.Карлейля. А в этом смысле "непопулярные" работы английского историка имеют не меньшую ценность.

Можно полагать, что идейное наследие Т.Карлейля ещё долго не потеряет своего значения для западных исследователей. Причина этого в том, что в целом творчество английского мыслителя есть отражение кризисной эпохи во всем её многообразии. Именно на этом де-

дают ударение те исследователи, которые занимаются не частными вопросами, а дают общую оценку мировоззрения Т.Карлейля²⁷. Несомненно, что такая общая направленность творчества ученого соответствует мироощущению его современных западных критиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Taar R.L. Thomas Carlyle: A Bibliography of English - language criticism. 1824-1974. - Virginia, 1976. - 259 p.
- ² Campbell J. Thomas Carlyle. - London, 1974. - P. XI.
- ³ Tennyson L.B. Carlyle Today // Carlyle Past and Present. A Collection of New Essays edited by K.G. Fielding and R.L. Taar. - London, 1976. - P. 42.
- ⁴ См.: Moore C. Carlyle Mathematics and Mathesis// Carlyle Past and Present... - P. 61-90; Bell A. Thomas Carlyle and the London Library // The Times Literary Supplement (далее: TLS). - 1981.- N 4078. - 611-612.
- ⁵ См.:Sulford R. Ruskin's Notes on Carlyle // TLS. - 1971. - N 3607. - P. 453; Vogeler M. Ruskin's Notes on Carlyle // TLS. - 1971. - N 3610. - P.535; Clark M. Dickens and Carlyle // TLS. - 1971. - N 3607. - P. 449; Collins P. Dickens and Carlyle // TLS.- 1971.- N 3603.- P.325.
- ⁶ См.:Chalmers E.B. Mrs Carlyle's Letters to John Stodart // TLS.- 1971. - N 3617. - P. 739-741; Cline C.L. Meredith Meeting with Carlyle// TLS. - 1973. - N 3770. - P. 1380; Coustillas P. Meredith and Carlyle// TLS. - 1973. - N 3742. - P. 1449.
- ⁷ The Background of Carlyle's Portrait of Coleridge in "The Life of John Sterling" // Bulletin of the John Rylands Un-ty Library of Manchester. - 1973. - LVI ; Carlyle and Thackeray// Ninteenth-Century Perspectives. Essays in Honor of Lionel Stevenson. Durham, 1974; Carlyle's Pen Portraits of Queen Victoria and Prince Albert// Carlyle Past and Present... - P.216-238; Carlyle's friendships and other studies. - Durham, 1977. - 342p. and etc.
- ⁸ См.: Brian J. Supreme Fiction. Studies in the Work of William Blake, Thomas Carlyle, W.B. Yeats, and D.H. Laurence. - London, 1974. - P. 75-147; Brooks G.H. The Rhetorical Form of Carlyle's "Sartor Resartus". Un-ty of California Press. Berkley.- Los Ange-

- les; London, 1972. - 201 p.; Arac J. Commissioned Spirits. The Shaping of Social Motion in Dickens, Carlyle, Melville, and Howthorne. Rutgers Un-ty Press. - New Brunswick, New Jersey. 1979. - 200 p.
- 9 Starzyk L. Arnold and Carlyle // Criticism. - 1970. - XII. - P. 297.
- 10 Dale P.A. The Victorian Critic and the Idea of History. Carlyle, Arnold, and Pater. - Harvard; Cambridge; London, 1977. - P. 75.
- 11 Ibidem.
- 12 Arac J. - Op.cit.
- 13 CM.: Tennyson L.B. Thomas Carlyle // Victorian Prose. A Guide to Research etited by David J. Delayra. The Modern Language association of America. - New York, - 1973. - P. 75.
- 14 Rosenberg P. The Seventh Hero: Thomas Carlyle and the Theory of Radical Activism. - Harvard Un-ty Press, Cambridge; Massachusetts, 1974. - 235 p.
- 15 Campbell J. Carlyle and Negro Question Again // Criticism. - 1971. - XIII. - P. 279-290; Workman D. Thomas Carlyle and the Governor Eyre Controversy: an Account with Some-New Material // Victorian Studies. - 1974. - September. - P. 77-102.
- 16 Chandler A. A Dream of Order. The Medieval Jdeal in Ninteenth-Century English literature. - London, 1971. - 278 p.
- 17 Stange L.R. Refractions of Past and Present // Carlyle Past and Present ... - P. 106; Harris K.M. Carlyle and Emerson. Their Long Debate. - Cambridge; Massachusetts; London, 1978. - 194 p.
- 18 CM.: Ashton R.D. Carlyle's Apprenticeship: His Early German Criticism and His Relationship with Goethe. 1822-1832 // A Modern Janquge Review. - 1971. - Vol. 71. - N1. - P. 1-19.
- 19 Trevor - Roper H. Thomas Carlyle's Historical Philosophy // TLS - 1981. - N 4082. - P. 731 - 734.
- 20 Dale P.A. Op.cit. - P. 50.
- 21 Rosenberg P. Op.cit. - P. 66
- 22 Trevor - Roper H. Op.cit. - P. 731.
- 23 Peckham J. Frederich the Great // Carlyle Past and Present... - P. 198-214.

- 24 Waring W. Thomas Carlyle. - Boston, 1978. - 146 p.
- 25 Cockshut A.O.J. Truth to Life. The Art of Biography in the Ninetunth Century. Collins. St. Jame's Place. - London, 1974. - 220 p.
- 26 Adrian A.A., Adrian V.H. Frederick the Guat: "That Unutterable Horror of a Prussian Book // Carlyle Past and Present... - P. 177 - 197; Peckham M. Op.cit.
- 27 Peckham M. Victorian Revolutionaries. Speculations on Some Heroes of a Culture. Crisis. - New York, 1970. - 306p. ; Wilson J.R. " Signs of the Times" and "The Present Age": Essays of Crisis // Western Humanities Review. 1972. - XXVI - P.369-374.

Ф.М.СТЕНТОН О НОРМАНДСКОМ ЗАВОЕВАНИИ АНГЛИИ

А.Е.Якуб

Фрэнк Мерри Стентон (1880–1967) был одним из крупнейших английских медиевистов нашего столетия, специалистом по истории раннесредневековой Англии. Формирование общеисторических представлений Ф.Стентона происходило в разгар борьбы между представителями традиционной вигско-либеральной интерпретации истории и сторонниками сформировавшегося критического направления. Ожесточенная критика последними практически всех основных исторических концепций, сложившихся в английской медиевистике во второй половине XIX в., отражала начавшийся общий кризис методологических основ буржуазной исторической мысли в целом.

Такая историографическая ситуация должна была повлиять на формирование теоретических представлений молодого историка и всю его последующую конкретно-историческую практику. В настоящей статье предпринимается попытка определить место Ф.Стентона в английской медиевистике, для чего мы обратимся к изучению его теоретико-методологических принципов через призму одной, но достаточно емкой и не утратившей своей актуальности и поныне конкретно-исторической проблемы – проблемы нормандского завоевания Англии.

Стремление к целостному охвату всех сторон жизни средневекового общества, установлению определенных связей между ними, глубокому анализу и обобщению на его основе накопленного материала, построению собственной концепции заметно отличало Стентона от представителей господствовавшего в межвоенный период критического направления. Нормандское завоевание в исследованиях Стентона выступает как бы в двух качествах. Прежде всего, оно является логическим завершением всего хода исторического развития англосаксонской Англии. Сравнивая положение дел в Англии и Нормандии накануне завоевания, Стентон делает вывод, что при последних англосаксонских королях Эдуарде Исповеднике и Гарольде положение дел в Англии отличалось крайней неустойчивостью и напряжением. Эта неустойчивость объясняется им главным образом социально-политическим отставанием Англии в сравнении с соседней Францией, что обусловило серьезное отставание и в военном отношении. Феодалное пешее ополчение, сформировавшееся из хускерлов, тэнов и верхушки свободного крестьянства, уже не могло противостоять тяжелооруженной рыцарской коннице¹.

Вместе с тем Стентон подвергает критике мнение У.Стеббса, будто Англосаксонское королевство накануне 1066 г. находилось на грани развала. Обратившись к данным нумизматики, он подчеркивает, что сохранившиеся в большом количестве монеты того времени являются неопровержимым доказательством достаточно сильной центральной власти, обеспечивавшей функционирование единой денежной системы и, следовательно, сбор налогов². Стентон также не согласен с мнением Э.Фримена о катастрофическом характере битвы при Гастингсе. По его мнению, активное проникновение нормандцев в Англию началось еще до экспедиции Вильгельма Завоевателя. Процесс постепенной норманнизации охватил практически всю общественную жизнь страны, от политики до торговли и религии. Это привело к тому, что англосаксонское общество было уже подготовлено к восприятию тех норм жизни, которые принесли с собой нормандцы после 1066 г.³

Таким образом, в основе концепции Стентона лежит идея континуитета, отражавшая его стремление доказать мирный, бесконфликтный путь развития английского общества в средние века. Тем не менее эта идея, в толковании Стентона, содержит и определенный позитивный момент, ибо, развивая ее, он фактически защищает представление о прогрессе в истории. Он отвергает провозглашаемое сторонниками критического направления отрицание преемственности в движении человеческой истории, которое они усиленно проповедовали в 20-40-е гг. нашего столетия.

Стентон стремится обосновать континуитет практически на всех уровнях общественной жизни Англии — и в политической, и в социальной, и в конституционной истории. Подобный подход потребовал серьезного расширения источниковой базы исследования. Стремление к выявлению важнейших деталей истории, основанное на глубоком знании источников и их компетентной критике, лежало в основе исторического метода Стентона. В своих исследованиях он широко использовал источники самого различного характера и степени информативных возможностей.

Высоко оценивая традиционные нарративные источники — хроники, анналы, саги, эпистолярные памятники, Стентон в то же время отмечает их ограниченность. Она вытекает из самой природы этих исторических источников, в которых главное место уделяется событиям политической и военной истории. Опора только на эти источники, по мнению Стентона, приводит лишь к скольжению по поверхности истории и не позволяет понять глубинные процессы, происходившие в обществе на уровне крестьянской общины⁴. Более ценными источниками для познания общественных процессов являются, по его мнению, хартии и коро-

левские приказы.

Кроме того, Стентон считал необходимым обращаться к данным других наук. Весьма интересны его изыскания в области топонимики, данные которой широко использовались им в изучении прежде всего социальной истории англосаксонской и частично англо-нормандской Англии. Большое значение он также придавал использованию в исторических исследованиях материалов археологии, исторической географии и исторической картографии, нумизматики, памятников архитектуры и прикладного искусства⁵.

Широкая источниковая база служила Стентону необходимой основой целостного подхода к проблеме нормандского завоевания. Одним из основных методов её изучения в исследованиях ученого становится сравнительно-исторический. Этот метод используется им как бы в двух срезах, горизонтальном и вертикальном. При этом для каждого отрезка истории как доминанта выступает то первый, то второй срез. Так, анализируя состояние дел в Англии и Нормандии накануне 1066 г. Стентон прибегает к сравнению по горизонтали, то есть к сравнению состояний и явлений, находящихся по времени в одной плоскости. Для периода после 1066 г., наоборот, более широко автор использует метод сравнения по вертикали, сравнения складывавшегося англо-нормандского общества с Нормандией как его прародиной.

В истории складывания англо-нормандского государства при Вильгельме Завоевателе Стентон выделяет два этапа. На первом этапе (1066 - 1069 гг.) Вильгельм пытался сохранить старый англосаксонский государственный аппарат, опереться на часть англосаксонской знати, добиться участия французов и англичан в его правительстве на равных условиях⁶. Однако в 1069 г. на севере Англии вспыхнуло восстание англосаксов, которое получило поддержку извне, со стороны Шотландии и Дании. Это восстание означало для Вильгельма крах его первоначального плана управления страной, и развитие англо-нормандского государства вступает во второй этап, на котором доминирующую роль начинает играть факт завоевания. В Англии ускоряется процесс введения феодальной системы⁷.

Понятия "феодализм", "феодальный" выступают у Стентона основополагающими при выяснении роли и значения нормандского завоевания. Их использование дает ему возможность провести качественное различие между двумя обществами, сменившими друг друга, - дофеодальным англосаксонским и феодальным англо-нормандским⁸. Однако само понятие "феодализм" раскрывается им чрезвычайно однобоко, с формально-юридических позиций. Вслед за Мэтландом и Раундом он

отождествляет феодализм с введением в Англии после 1066 г. вассально-ленной системы, в основе которой лежит принцип держания в обмен на четко специализированную и точно определенную службу. Именно эти четкость и точность влекли за собой, по его убеждению, качественное отличие англо-нормандского общества от англосаксонского, в котором возникавшие до завоевания подобные отношения между лордами и их вассалами страдали еще недостаточной определенностью⁹.

Вместе с тем Стентон справедливо полагает, что некритический перенос в исторических исследованиях феодальной терминологии нормандского общества до 1066 г. на английскую почву после завоевания влечет за собой грубые ошибки. Он считает необходимым прежде всего выяснить социальную наполненность терминов, одинаково использовавшихся и в Нормандии, и в Англии. С этой целью он прибегает к их сравнительно-историческому анализу в вертикальном срезе. В результате этого анализа ученый приходит к выводу, что складывавшаяся в Англии система военно-ленных отношений не представляла собой простой кальки нормандской системы. По сравнению с последней она отличалась большей простотой, но именно в этой простоте заключалась сила королевской власти, ибо взаимоотношения между лордами и их вассалами, а также между ними и королем были более точными и определенными¹⁰. Методика терминологического анализа, примененная в данном случае Стентоном, оказывается весьма близкой к методике, к которой широко прибегал в своих исследованиях М.Блок¹¹.

Стентон признает серьезный характер последствий нормандского завоевания и последовавшего за ним введения феодализма (в его понимании) для социального строя Англии. Более того, он даже заявляет о том, что нормандское завоевание и последующие два десятилетия были социальной революцией¹². Однако "революционность" нормандского завоевания он понимает весьма ограниченно. Для него это всего лишь изменения, коснувшиеся господствующего класса англосаксонской Англии, на смену которому в ходе завоевания и введения системы условных держаний пришла новая знать. Итогом было приобретение новым господствующим классом стабильности и сплочения, которые были неизвестны в донормандскую эпоху¹³.

Еще сильнее стремление доказать практически бесконфликтный характер развития английского общества до и после завоевания проявляется у Стентона, когда он обращается к истории английского крестьянства. По его мнению, нормандское завоевание не повлекло

за собой никаких радикальных изменений во взаимоотношениях, существовавших до него внутри поместий между лордами и англосаксонскими крестьянами¹⁴. Он утверждает, что "крестьянство как класс пострадало меньше, чем те, кто был выше него", что "структура сельского общества не была серьезно затронута"¹⁵. Более того, воспоминания о гармонии интересов тэнов и крестьян,

которая якобы существовала в англосаксонский период и особенно проявлялась в их сотрудничестве в работе суда и финансовых органов под управлением чиновников, ответственных непосредственно перед королем, как считает Стентон, стали одним из условий развития местной администрации при нормандских королях¹⁶.

Еще одно подтверждение теории континуитета между англосаксонским и англо-нормандским обществами Стентон ищет в конституционной истории страны. По его мнению, Бильгельм после завоевания Англии полностью сохранил конституционные основы древнеанглийского государства, институты которого дали ему такую власть, какой не обладал ни один из монархов того времени в Европе¹⁷. Сохранялось также англосаксонское право¹⁸. Даже в институтах, которые по своему происхождению не были англосаксонскими, он старается найти какие-то англосаксонские традиции, внешне напоминающие континентальные, с тем, чтобы доказать подготовленность англосаксонского общества к почти безболезненному восприятию завоевания. Именно так, полагает ученый, обстояли дела, например, с введением в Англии лесного законодательства и института заповедных лесов¹⁹.

В действительности, однако, сложившийся в Англии после завоевания государственный аппарат, несмотря на наличие в нем явных признаков предшествующих политических структур, не был простым повторением ни англосаксонских, ни англо-нормандских институтов власти, а представлял собой их слияв, соответствующий качественно новому этапу развития английского средневекового общества.

В своих исследованиях Ф.Стентон, как считал он сам и как отмечают его биографы, стремился к объективному изложению событий истории, основанному на достоверных, очищенных от всяких наслоений фактах. Такой "чистый" факт Стентон ставил превыше всего. Поэтому он практически полностью отвергал возможность заимствования фактов из вторых рук, особенно у своих коллег-историков. Отсюда его стремление опираться только на критически выверенные источники, выявлять из них факты и на их основе строить объективную картину событий. Вместе с тем Стентон не отрицал, что любое исто-

рическое исследование несет на себе печать субъективности его автора и всегда зависит от современной ему эпохи. Это толкало его в определенной степени к релятивистскому взгляду на историю. Он утверждал, что созданная им концепция англосаксонской Англии соответствовала только уровню знаний его времени и в ближайшем будущем будет написана новая история этого периода, основные положения которой совершенно не будут соответствовать его собственным²⁰. В целом сочетание во взглядах Стентона стремления к объективности через беспристрастность с определенной дозой релятивистских и презентистских представлений позволяет говорить о нем как об историке, близком к современным необъективистам.

Итак, подведем некоторые итоги. Широкое использование сравнительно-исторического метода, опора на факты, взятые исключительно из источников, стремление к созданию обобщающей концепции, взгляд на английское средневековое общество как общество изменяющееся и развивающееся и тем самым признание идеи прогресса означало, что Ф.Стентон воспринял некоторые традиции вигско-либеральной историографии. Это дополнялось стремлением понять общество как единый организм, в котором политические, социальные, правовые отношения и институты оказываются тесно связанными между собой, значительным расширением рамок понятия "исторический источник" и использованием новой методики терминологического анализа, что позволяет говорить об определенной близости Стентона к французским историкам, создателям школы "Анналов" М.Блоку и Л.Февру. Однако на складывание теоретико-методологических представлений Ф.Стентона определенное влияние оказали идеи, характерные для представителей критического направления, которое играло ведущую роль в английской буржуазной медиевистике межвоенного периода. Именно у них он взял на вооружение метод локального исследования. Бесспорно, на взгляды Стентона на природу исторического познания оказали известное влияние релятивизм и презентизм. Но его нельзя преувеличивать. В целом идеи "критической" историографии играли второстепенную роль в попытках Стентона воссоздать подлинную картину англосаксонской и англо-нормандской Англии. Его творчество свидетельствует о том, что в английской буржуазной медиевистике межвоенного периода теоретико-методологические установки неоконсерватизма не смогли полностью вытеснить лучшие традиции либерально-вигской историографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Stenton F. Anglo-Saxon England. - Oxford, 1943. - P. 573-576.
- 2 Ibidem.
- 3 Stenton F. William the Conqueror and the rule of the Normans. - New York, 1966. - (1 st ed., 1908.). - P. 53, 143.
- 4 Stenton F. William... - P. 316.
- 5 Stenton F. Anglo-Saxon... - P. 695-713. В послевоенный период Ф.Стентон выступил в качестве ответственного редактора одной из первых теоретических работ, посвященных обоснованию возможностей плодотворного сотрудничества истории, археологии и топонимики. - См.: Wainwright F.T. Archaeology and place-names and history. An essays on problems of coordination. - London, 1962.
- 6 Stenton F. Anglo-Saxon... - P. 614-616, 671.
- 7 Ibid. - P. 672.
- 8 Stenton F. The first century of the English feudalism, 1066 - 1166. - 2 nd, ed. - Oxford, 1961. - P. VII.
- 9 Stenton F. Anglo-Saxon... - P. 672.
- 10 Stenton F. The first century..., - P. 13-23.
- 11 См.: Гуревич А.Я. Марк Блок и "Апология истории" // Блок М. Апология истории или ремесло историка. - М., 1973. - С. 197-198.
- 12 Stenton F. Anglo-Saxon... - P. 672.
- 13 Ibid. - P. 674.
- 14 Ibid. - P. 472.
- 15 Ibid. - P. 677.
- 16 Ibid. - P. 675.
- 17 Ibid. - P. 614-616.
- 18 Ibid. - P. 614-633, 674-677.
- 19 Ibid. - P. 674-675.
- 20 См.: Wallace-Hadrill J.M. Sir Frank Stenton // History. - Vol. 56. - 1971. - N 186. - P. 59.

О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ Ф.Ф.ЗЕЛИНСКОГО

Л.И.Крашкина

Крупнейший исследователь античной культуры¹ профессор Петербургского университета, член-корреспондент и почетный академик Петербургской-Российской Академии наук Фаддей Францевич Зелинский (1859 - 1944) получил широкое признание в европейской исторической науке. Он был членом-корреспондентом Археологического института в Риме, членом пятнадцати академий наук и научных обществ, в том числе Берлинской, Мюнхенской, Британской академий наук, почетным доктором многих западных университетов, среди которых Оксфорд и Сорбонна².

Замечательный представитель культурно-исторического направления в русской исторической науке, ученый глубокой и разносторонней эрудиции, филолог-классик по образованию, владевший до изощренности греческим, латинским, немецким, русским языками, известный переводчик и большой знаток греческой и римской литературы, мифологии и античной религии Зелинский особенно интересен тем, что ход всеобщей истории он представлял как единый, непрерывный поступательный процесс культурного и литературного развития, начало которому для европейских народов было положено античностью, а вершиной является современность.

Идея всемирно-исторического развития нашла свое воплощение в культурно-исторической концепции Ф.Ф.Зелинского, которая по сравнению с получившими широкое хождение в науке того времени реакционными теориями культурно-исторических типов Н.Я.Данилевского, О.Шпенглера, модернизаторскими концепциями циклического развития Э.Мейера и их многочисленными модификациями, имела несомненно прогрессивное значение.

Интерес к личности Ф.Ф.Зелинского, его деятельности как ученого не ослабевает и в наши дни. Однако в то время как на Западе творчество Зелинского является объектом постоянного внимания польских, чешских, немецких ученых³, в советской историографии стремление определить место ученого в развитии русской историографии нашло отражение лишь в учебной и справочной литературе, причем обобщающих работ, в которых бы исследовались теоретико-методологические взгляды Ф.Ф.Зелинского, среди них нет.

Вместе с тем в статьях И.М.Троцкого указывается на эклек-

тичность методологии ученого и его идеализм ⁴. С.С.Аверинцев отмечает элементы ницшеанства и католически окрашенного мистицизма, которые наряду с модернизацией античной культуры и преданием ей черт исключительности снижают ценность работ Зелинского ⁵. Более категорично высказывается в своей заметке В.И.Кузищин, который относит русского ученого по его историко-философским взглядам к представителям ярко выраженного религиозно-идеалистического мировоззрения ⁶.

Эта статья, не претендуя на исчерпывающее изложение, является первой попыткой реконструкции теоретико-методологических взглядов Ф.Ф.Зелинского и их анализа на основе работ ученого за 1895 - 1922 гг.

К числу насущных методологических проблем, которых Зелинский не раз касался в своем творчестве, относятся проблемы предмета исторической науки, соотношение ее с другими отраслями знания, социальная функция и действенность истории, специфика исторического исследования. Однако в большинстве случаев обсуждение этих проблем носит попутный и декларативный характер, поскольку методологическая рефлексия и создание логически строгой системы лежало вне основной сферы интересов ученого.

В философском плане Ф.Ф.Зелинский стоял на последовательно идеалистических позициях, о чем свидетельствует его теория "идеологизма". Эта теория, основанная на признании стремления человеческой души к совершенствованию вложенных в нее природою задатков, как движущей силы развития культуры, явилась определяющим моментом в решении всех методологических проблем, выдвигаемых ученым.

Одной из центральных методологических проблем для Зелинского была проблема классификации наук. Придерживаясь неокантианского деления наук на математические, естественные и "науки о духе", Зелинский к последним относит "науки, посвященные изучению человеческого духа, либо в самом себе, либо в его творениях" ⁷. Первую группу, по Зелинскому, составляют философские науки: психология, логика, теория познания; вторая распадается на две подгруппы. К первой ученый относит "теории" или "системы" - теорию языка, теорию искусства, систему действующего в данное время права, догматику данной религии. Вторую подгруппу образуют две науки: история и филология ⁸.

Принимая за основу неокантианское деление наук, Зелинский теоретически придерживался и основной идеи Баденской школы -

противопоставления наук по методу. Например, решая вопрос о взаимоотношении филологии и истории, ученый писал, что "по существу никакой разницы между историей и филологией нет. Филология и история совпадают по своему содержанию, но различны по методу"⁹. Вместе с тем на практике он признавал различие и по предмету, которое сказалось в отношении к историческому памятнику. "Чем ближе какой-нибудь ученый труд к памятникам, тем более носит он филологический характер, чем более он удаляется от памятников и налегает на общие законы исторического развития, тем более его характер будет историческим"¹⁰.

Предметом истории как "науки о духе" у Зелинского является изучение творений духа в их последовательности. Объект истории - прошлое, оно неотделимо от настоящего и живет в самом человеке, так как он сам результат этого прошлого. Отсюда социальная функция истории - используя опыт прошлого, управлять настоящим и предвидеть будущее. "Мы не можем отделаться от нашего прошлого, - писал ученый, - так как оно живет в нас самих. И мы должны изучать его для того, чтобы познать самих себя, так как мы результат этого прошлого. А знать самих себя мы должны для того, чтобы разумно управлять своей судьбой"¹¹.

Первостепенное значение среди всех "наук о духе" ученый отводит психологии, к которой примыкают все "науки о духе", в том числе и история, поскольку объектом исследования психологии являются человек и его душа. Обновление общественных наук на базе психологии началось в Германии еще задолго до 90-х гг., в России это получило распространение в первое десятилетие XX в. Зелинский, во взглядах которого отразился возросший интерес в русской буржуазной исторической науке к психологии, был первым среди русских ученых, кто за основу в классификации историко-филологической науки взял принцип психологической редукции, точнее, заимствованное у В.Вундта положение о коллективной и индивидуальной психологии.

Понятие "народной психологии" включает в себя те психологические явления, которые представляются результатом совместного существования и взаимодействия людей, но в то же время она не может захватить тех областей, в которых сказывается преобладающее влияние личностей"¹². Вслед за Вундтом Зелинский выделял три объекта "народной психологии": миф (с началом религии), язык и нравы. Делению психологии на "народную" и "индивидуальную" в науке о древнем мире, по Зелинскому, соответствуют две ка-

тегории. Первая – это история народного творчества древнего мира, в которую ученый включал историю языка, историю религии (догматическую, мифологическую и ритуальную часть), историю обычаев. Последнюю образуют история материальной культуры и в связи с ней экономическая история; история нравственной культуры, в которую входят история народной нравственности и история права, а также политическая история: внешняя и внутренняя¹³. Вторую категорию наук о древнем мире составляет, по Зелинскому, история индивидуального творчества народов древнего мира. Во-первых, к ней относится наука: история философии и историческая наука; во-вторых, искусство: литература, музыка, история архитектуры, вааяния, живописи¹⁴. В предложенной Зелинским классификации истории древнего мира проявился откровенный идеализм ученого, свидетельством чему является представление об истории как "науке о духе", а также акцентирование идейного и социально-психологического фактора в истории.

Принципиальное значение для оценки мировоззренческих позиций Ф.Ф.Зелинского имеет понимание им источников и движущих сил исторического развития. С одной стороны, источник движения – это стремление человеческой души к совершенствованию вложенных в неё природою задатков, с другой – это провиденциальная таинственная воля, вторгающаяся в развитие исторического процесса. "Не в оглушительном крике должны признавать мы глас Божий, – писал ученый, – а в том тихом, бесстрастно повелительном голосе таинственной воли, которая указывает человечеству пути его культурного развития"¹⁵.

Таинственная воля у Зелинского обладает внешним сходством с мировой Волей Шопенгауэра. Вместе с тем она имеет и главное отличие – божественное провидение. Вообще само представление А.Шопенгауэра о мировой Воле не раз использовалось Ф.Ф.Зелинским в его работах. Например, в статье "Рим и его религия", где "римская религия предстает поклонением мировой Воле в её различных проявлениях, а римские божества – объективациями мировой Воли"¹⁶. В другом месте, характеризуя досократовский период греческой культуры, Зелинский писал о нем как о периоде, "который показал нам красоту как порождение одной только слепой инстинктивно действующей воли"¹⁷. Учитывая все это, можно говорить о влиянии (хотя и незначительном, но все-таки влиянии) иррационалистической философии А.Шопенгауэра на исторические взгляды Ф.Ф.Зелинского, которое наряду с провиденциализмом ученого сделало невозможным

для него понимание реальных источников и движущих сил исторического развития.

Коренным методологическим принципом научного познания для Зелинского был принцип историзма, суть которого сводится к признанию генетических связей между явлениями в прошлом и настоящем. Своё развитие он получил в культурно-исторической концепции Зелинского, в исследовании нравственных и культурных вопросов. Придерживаясь всемирно-исторической точки зрения на развитие культуры, Зелинский не признавал никаких границ между народами в области искусства и науки. Он считал, что в процессе исторического развития между народами происходит взаимный обмен культурными достижениями, начало которому для европейских народов было положено античностью¹⁸.

В соответствии с этими взглядами Зелинский рассматривает историческое развитие как эволюционный процесс, имеющий закономерный и прогрессивный характер. По Зелинскому, действие общественных законов аналогично действию биологических. Например, закон естественного отбора "там, где его субъектом является человеческое общество", у Зелинского "носит название социологического подбора"¹⁹. Говоря об эволюции культуры, в которой ученый видел умственное и нравственное совершенствование человечества, Зелинский уподобляет её эволюции в животном мире²⁰.

Прямолинейное отождествление Зелинским биологических и общественных законов, уподобление последних эволюции в животном мире в теоретическом плане не только упрощает, но и искажает понимание истории культуры. Даже сама идея эволюционизма уже дает извращенную интерпретацию историческому процессу, поскольку является откровенно враждебной диалектике. В решении этих вопросов Ф.Ф.Зелинский выступает как типичный представитель позитивистской методологии, основными чертами которой являются эволюционизм, отождествление истории с естественными науками, признание закономерного и прогрессивного характера исторического развития.

Поступательное развитие истории находит у Зелинского воплощение в понятии культурного прогресса, важную роль в определении которого сыграла теория "идеологизма". Смысл этого понятия можно выразить словами ученого: "Дурное оказывается нежизнеспособным и гибнет, хорошее, будучи жизнеспособным, выживает или возрождается"²¹. Культурный прогресс он связывал с совпадением биологической и нравственной оценки, понимая под последней "ту оценку

ценностей, которую мы кладем в основу своей морали" ²².

"Оценка ценностей" русского ученого во многом совпадает с неокантианской теорией ценностей, рассматривающей ценность как идеальное бытие, бытие нормы, соотносящееся с "нормативным" сознанием. В роли ценностей у Зелинского выступают идеалы истины, красоты и добра, в осуществлении которых он видел задачу культурного прогресса. Однако самого определения культурного прогресса Зелинский не дает. Он предоставляет право каждому самостоятельно определить, что он понимает под этими идеалами, их "сравнительной ценностью для человечества", включая сюда и религию, и в чем заключается прогресс и регресс, так как считал, что это составляет задачу, обязательную для каждого человека, с которой он связывал формирование мировоззрения ²³.

В понимании культурного развития как стремления человечества к осуществлению трех чаемых идеалов ученый испытывал сильное влияние эстетических традиций русской классической литературы, в которой философско-эстетический принцип триединства истина-добро-красота приобрел особый смысл, связанный с активной проповедью добра, поисками истины и красоты ²⁴. Например, идеал добра Зелинский связывал с таким "поведением, при котором достигается возможно большее благосостояние - не наше собственное, а сначала наших близких по родовой, социальной и национальной группировкам (это ступень относительного альтруизма)" ²⁵. Идеал красоты ученый видел в "возможном очищении и углублении наших чувств посредством таких восприятий, которые, увеличивая нашу жизнеспособность, усиливали бы в то же время и ценность для переживаемой нами жизни" ²⁶. Идеал истины у Зелинского связан с проблемой объективной истины и решением основной гносеологической проблемы отношения познания к действительности. "В познавательной области необходимо стремиться, - писал ученый, - к наиболее возможному приближению нашего представления к самим предметам" ²⁷.

В целом, подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Теоретико-методологические взгляды Ф.Ф.Зелинского характеризуются крайним идеализмом, который проявился в его теории "идеологизма", в представлении истории как "науки о духе", в понимании источников и движущих сил исторического развития. Несостоятельность идеалистической методологии русского ученого обнаруживается всякий раз, когда он делает попытку представить динамику исторического процесса. Так, справедливо отстаивая идею непрерыв-

ности, поступательности всемирно-исторического развития культуры, он не смог показать реальных законов этого развития и вынужден был прибегнуть к теологическому истолкованию исторического процесса как осуществления божественной воли.

Наряду с провиденциализмом в методологии Зелинского присутствуют элементы иррационалистической философии А.Шопенгауэра, прослеживается сильное влияние таких философских течений, как неокантианство и позитивизм. Все это свидетельствует об эклектичности методологии ученого и приводит к выводу о значительном влиянии кризисных явлений русской буржуазной исторической науки на научно-теоретические представления Ф.Ф.Зелинского.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Историография античной истории. - М., 1980. - С.180.
- ² См.: Ленинградское отделение архива Академии наук СССР (в дальнейшем ЛО ААН СССР). - Ф.977.- Оп.1. - Д.15(3). - Л.1.
- ³ ЛО ААН СССР. - Ф.977. - Оп.1. - Д.15(2), 15(3), 20.
- ⁴ Троцкий И.М. Ф.Ф.Зелинский // ВСЭтм., 1933.-Т.26. - С.562;
Троцкий И.М. Ф.Ф.Зелинский // Краткая литературная энциклопедия. - М., 1930. - Т.4. - С.332-334.
- ⁵ Аверинцев С.С. Ф.Ф.Зелинский // Краткая литературная энциклопедия. - М., 1964. - Т.2. - С.1017.
- ⁶ Историография античной истории. - М., 1980. - С.180-181.
- ⁷ Зелинский Ф.Ф. Филология // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон/ (в дальнейшем ЭСБ-Е): В 82 т. - 1890-1904.- Т.70. - С.811.
- ⁸ Там же. - С.811.
- ⁹ Зелинский Ф.Ф. Из экономической жизни древнего Рима // Вестник Европы. - 1902. - Август. - С.619.
- ¹⁰ Зелинский Ф.Ф. Филология // ЭСБ-Е. - Т.70. - С.812.
- ¹¹ Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. - СПб., 1911. - Т.2. - С.78.
- ¹² Там же. - С.157.
- ¹³ Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. - М., 1915. - С.6.
- ¹⁴ Зелинский Ф.Ф. Филология // ЭСБ-Е. - Т.70. - С.816.
- ¹⁵ Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. - СПб., 1911. - Т.2. - С.4.

- 16 Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей.- СПб., 1907.- Т.3.- С.13.
- 17 Зелинский Ф.Ф. Ф.Ницше и античность // Ницше Ф. Полн.собр. соч.: В 2 т.- М., 1912.- Т.1. - С.Уш.
- 18 Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. - СПб., 1911. - Т.2. - С.78.
- 19 Там же. - С.14.
- 20 Там же. - С.120.
- 21 Там же. - С.108.
- 22 Зелинский Ф.Ф. Указ.соч. - Т.1. - С.299.
- 23 Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. М., 1915. - С.13.
- 24 Ерофеев Е. На грани разрыва // Вопросы литературы. - 1985. - № 2. - С.142.
- 25 Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей. - СПб., 1911. - Т.2. - С.6.
- 26 Там же. - С.6.
- 27 Там же. - С.6.

ГЕОРГ ЗИММЕЛЬ О ПРИРОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Л.А.Кулыга

Историческая концепция одного из основоположников "философии жизни" Георга Зиммеля (1858-1918) продолжает начатую еще Ницше критику основ традиционного немецкого историзма, которая сопровождалась пересмотром его методологических принципов. При этом собственно историческое познание не имело для Зиммеля самодовлеющего значения, но представляло собой конкретный срез его универсальной категории жизни.

Философ культуры, он оставил заметный след в социологии, истории искусства. Многообразие проблем, к которым обращался Зиммель, заставляло многих его современников подозревать отсутствие цельности в его философских воззрениях, "разлагавший всякую позитивную позицию скепсис"¹. Однако, несмотря на крайнюю разбросанность его интересов, философия Г.Зиммеля является целостной системой взглядов, в основе которых лежит всеобъемлющая категория жизни. Культур-философская концепция Зиммеля, какой бы умеренительной и далекой от повседневных проблем она не казалась некоторым его современникам², преследовала сугубо реальные цели: осмысление кризисного состояния современной мыслителю буржуазной культуры и поиски путей его преодоления.

Соответственно обращение Зиммеля к исторической проблематике продиктовано стремлением уяснить причины "хронического недуга" современной культуры, исследуя одну из ее форм - историческое познание. Зиммелевская теория исторического познания содержит в связи с этим критический анализ немецкого идеалистического историзма в его ранкеанском оформлении, которое уничтожило взаимосвязь истории и жизни-культуры, превратив ее в "науку для науки", лишенную социальных ориентаций.

С другой стороны, она предполагает восстановление этой связи, превращая историю в элемент культуры. При этом, сохраняя существенные черты, свойственные немецкому идеалистическому историзму XIX в., а именно: представление об индивидуальном и особенном как главной черте исторического процесса, идеи уникальности событий, отрицавшую тем самым возможность существования законов в истории, наличие в ней общезначимого смысла³, Зиммель по-иному рассматривал проблему объективности исторического познания, его связи с современностью, взаимоотношения субъекта и объекта в познавательном процессе. Выводы, к которым он приходил, важны

для понимания характера и эволюции немецкого идеалистического историзма, а также в определенной мере сохраняют свое значение для некоторых течений современной историографии ФРГ ⁴.

Зиммелевская критика исторического познания направлена против объективистских тенденций в истории, в частности против "исторического объективизма" ранкеанской школы, в основе которого лежал метафизический эмпиризм, отрицающий возможность субъективной интерпретации прошлого. По мнению Зиммеля, эмпирическое знание должно быть философски осмыслено, чтобы стать системой научных воззрений. Он обозначает границы, где конкретно-научное мышление переходит в философское. Одна из этих границ обнаруживается тогда, когда встает вопрос о предпосылках познания. Конкретные науки, по Зиммелю, не могут существовать без предпосылок содержательного и методологического характера, которые раскрываются философией. Другая граница находится там, где "неизбежно фрагментарное содержание позитивного знания стремится восполнить себя, образовав картину мира, и соотноситься с целостностью жизни вообще" ⁵.

Пересмотр методологических основ "исторического объективизма" начинается критикой его основного положения о том, что история способна достоверно отражать все многообразие прошлого "как это, собственно, было". Одним из постулатов, обосновывающих возможность объективного познания, является утверждение о доступности объективной реальности эмпирическому познанию. Подвергая критике возможность адекватного отражения бытия, Зиммель прибегает к аргументации Канта: опыт, несомненно, является единственным источником наших знаний, но сам он формируется посредством априорных категорий ⁶. Априорное оформление опыта, утверждает Зиммель, начинается уже с постановки вопросов, которые исследователь задает материалу, представляющему собой тотальность бесконечного числа элементов. Подобная тотальность, бесконечность прошлого не может быть покорена нашим познанием, и уже потому описание исторической действительности "как это, собственно, было" является совершенно невозможным ⁷. Следствием этой тотальности является плюрализм перспектив по отношению к прошлому, выбор между которыми определяется социально ориентированными познавательными установками исследователя.

Одной из основополагающих априорных категорий, определяющих историческое познание, является для Зиммеля "соответствие чужой душевной жизни собственной жизни" исследователя ⁸, которое дает

возможность понять изучаемый объект изнутри. Вторым, не менее важным положением является утверждение о "единстве душевной жизни каждого индивидуума"⁹, в результате чего отдельные ее проявления понимаются в связи со всеобщим, из которого они произошли, а всеобщее — из отдельного, в котором оно выражается. Эти предположения, по убеждению Зиммеля, определяют метод исторического познания — понимание, цель которого состоит в объединении разрозненных, не связанных друг с другом фрагментов чужой душевной жизни в целостную картину индивидуального бытия.

Отсюда Зиммель выводит выдающуюся роль познающего субъекта. Активность субъекта, по Зиммелю, проявляется, во-первых, в выборе перспективы исследования, главным ориентиром которого служит социально-практический интерес историка; во-вторых, во внутреннем переживании прошлого познающим субъектом, собственный психический опыт которого является основой объединения внешних фактов в единый процесс индивидуальной жизни; в-третьих, в практике исторического изображения. При этом, хотя изображение прошлого и соотносено с реальными фактами и явлениями, способ их соединения определяется господствующими идеями и ценностями. Исследователь так сочетает факты, что рождаются решения проблем, которые не могли быть и поставлены, если бы он опирался на исходные "ряды опыта", — лишь в такой деятельности рождаются гипотетические по своей сути образования, воспринимаемые как исторические истины¹⁰.

Итак, преодоление бесконечного многообразия явлений прошлого невозможно без какой-либо перспективы. Для Зиммеля выбор последней определяется признанием в качестве объекта истории психической деятельности людей¹¹. При этом вопрос, что является предметом исторического исследования, массы или отдельная личность, разрешается Зиммелем в пользу последней. Он пишет о якобы примитивной природе отношений внутри толпы, которая является объединением ради достижения определенных целей, доступных каждому ее члену. Поэтому "движения масс являются более простыми и недвусмысленными, чем индивидуальное отношение. В движении масс речь идет о первейших основах существования и всеобщих типических интересах, которые могут объединить много людей"¹². Механизмы управления толпой весьма просты: подражание, внушение, симпатии, воздействия на чувства, а не теоретические убеждения¹³. При этом очевидно, что понятие толпы у Зиммеля лишено каких-либо социальных характеристик, но определяется психологическими качествами.

Признание индивидуальной душевной жизни в качестве объекта

исторического исследования определяется, по Зиммелю, во-первых, диалектикой взаимосвязи единичного и общего: "совершенно индивидуальное, несмотря на то, что исторически реализуется лишь один единственный раз, имеет ... всеобщую человеческую, в определенной степени вневременную сущность" ¹⁴. Во-вторых, оно определяется тем, что элементы культуры (религия, искусство, наука и др.), также составляющие предмет исторического познания, возникли из целого человеческой души и не могут быть поняты вне этого источника.

Таким образом, объектом истории, по Зиммелю, является индивидуальная душевная жизнь, т.е. единичное, но не конкретное, эмпирическое единичное, факт или событие во всей его неповторимости, как, например, у Ранке. Зиммелевская категория единичного означает целостность индивидуального бытия, которое, не являясь эмпирическим фактом, конструируется историком посредством объединения разрозненных, не связанных друг с другом в гармоническое единство элементов душевной жизни.

Своеобразие предмета истории, по Зиммелю, порождает соответствующий метод познания прошлого, который обозначается им как "понимание". Утверждается при этом, что индивидуальное содержание исторических явлений не может быть выражено средствами лишь рационального познания ¹⁵. Это обосновывается тем, что понимание чужой душевной жизни предполагает вживание познающего субъекта в предмет своего исследования на основе собственного психического опыта. Однако метод понимания для Зиммеля не является сугубо интуитивным актом, утверждающим лишь внелогический путь познания. Оно неизбежно опосредовано языком как "сугубо поверхностной символизацией" ¹⁶. Наконец, сами условия, при которых осуществляется понимание, а именно: "соответствие душевной жизни других людей нашей собственной" и рассмотрение индивидуального бытия как некоего единства-являются априорными по отношению ко всем практическим и познавательным связям между субъектом и другим субъектом ¹⁷.

Таким образом, "понимание", как и любой другой метод познания, обосновывается посредством априорных суждений и категорий и представляет своеобразный сплав рационального и психологического. Вместе с тем Зиммель признает, что конструируемая им модель "понимания" в качестве метода исторического познания имеет довольно серьезный изъян: само понимание исторического явления неисторично, так как оно касается душевной жизни личности вне ее конкретных временных и социально-культурных связей. В соответствии с

этим ставится задача понять объект как элемент "временной совокупной связи, в процессе его становления"¹⁸. С этой целью Зиммель полагает необходимым изучать связи и отношения между явлениями, интерпретировать условия места, времени, политические, нравственные и другие условия, связав их в целостную картину. Но результатом описания при этом является не предметно-истинное, а художественно верное изображение. "Уже в то время, - пишет он, - когда историк истолковывает, оформляет, упорядочивает факты так, что они получают связный образ психологического процесса, его деятельность приближается к деятельности художника, различаясь в свободе, которая имеется в оформлении рассказанного не иначе, как в степени"¹⁹.

Таким образом, Зиммель выделяет три этапа процесса исторического описания. Первый этап связан с отбором реальных фактов, что составляет объективную основу деятельности историка, второй этап характеризуется их истолкованием. На этом и последующем этапах деятельность историка аналогична художественному творчеству. Третий же - связывание элементов в целостную картину бытия - вновь определяется несвободой познающего. Он вынужден подчиняться логике развития созданной им формы, которая приобретает автономность по отношению к своему творцу. Поэтому для Зиммеля критериями истинности исторического познания являются не адекватное отражение объективной реальности в познавательном образе, но красота, а также единство и согласованность элементов внутри познанного²⁰. Согласно этому одинаково истинными оказываются противоположные мировоззренческие линии, например марксистская и христианская интерпретации бытия²¹. В результате происходит релятивизация понятия исторической истины.

Признавая в качестве объекта истории не изолированного индивидуума, а личность, помещенную в систему исторически обусловленных взаимоотношений, Зиммель исследовал понятия исторической связи и закономерности. Рассмотрение им понятия исторического закона как жесткой взаимосвязи сопровождается разложением его на простейшие элементы. Именно связь простых и последних элементов и есть, по мнению Зиммеля, реальная связь. К ним относятся: индивидуальный человек как целое или как исторический атом, или его представления, или содержание народного духа²². Этот эклектизм в понимании реальной исторической взаимосвязи преодолевается Зиммелем путем психологизации последней, причем, утверждает он, "эти психические принципы не даны нам непосредственно, а воспро-

изводятся лишь в познающем их интеллекте"²³, и поэтому их постижение является не отражением реальной исторической связи, а нашим представлением о ней.

Взгляды Зиммеля имеют определенное сходство с идеями баденского неокантианства²⁴. Однако неокантианская индивидуализация истории означает лишь новый уровень эмпиризма, против которого Зиммель выступал, критикуя идеи "исторического объективизма". Поэтому он делает попытку преодоления идиографизма, признавая неустранимость использования историком логических средств и понятий. В соответствии с этим он предлагает новое рассмотрение понятия исторического закона. Исходной посылкой при этом является постулируемая непознаваемость бытия, которая создает необходимость упорядочивания его хотя бы в сознании. Создаваемые историком умственные конструкции для систематизации единичных фактов и ориентации в хаосе событий реального мира и есть, по Зиммелю, исторические законы²⁵. Однако они являются не голой абстракцией, произвольно созданной мыслительной конструкцией, а моделью, которая основывается на отражении реально существующих элементов. Произволен лишь способ их соединения. Исторические законы не требуют эмпирического обоснования, они оказываются как бы самоподтверждающимися и не опровергаются автоматически в случае открытия противоречащих им фактов²⁶.

Таким образом, понятие исторического закона, являясь, по существу, аналогичным понятию "идеального типа" М.Вебера, представляет собой попытку преодоления неокантианского идиографизма и указывает на необходимость генерализации в истории.

Рассмотрев взгляды Г.Зиммеля на природу исторического познания, в заключение отметим, что во многом не лишённая оснований его критика немецкого идеалистического историзма сопровождалась отрицанием несомненно позитивных элементов последнего. Использование истории как бесконечного многообразия фактов и событий прошлого, которое преодолевается благодаря определенной позиции исследователя по отношению к материалу, дает право на существование объяснений прошлого с самых различных позиций, будь то политическая история Ранке, исторический материализм или психологизация истории. Каждая из интерпретаций имеет особый метод познания и, следовательно, "особые понятия истины"²⁷. При этом идеальное типизирование как метод формальной социологии Зиммеля и метод исторического понимания основываются на общих принципах. Эти прин-

ципы присущи понятию формы у Зиммеля, которое соотносит друг с другом несколько содержаний таким образом, что эти содержания образуют единство. Обретая форму, эти содержания отделяются от других содержаний²⁸. Задача формы, таким образом, состоит в унификации материала, преодолении изолированности частей, его составляющих, что является целью и "понимания" как метода исторического познания. Подобная "формальная" история приводит к релятивизации понятия исторической истины, что соответственно ставит под сомнение социальные функции, которые Зиммель пытался придать познанию прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Святловский Е.В. Предисловие // Зиммель Г. Конфликт современной культуры. - Пг., 1923. - С.4.
- ² Там же. - С.6.
- ³ См.: Schleier H. Zum idealistischen Historismus in der burgerlichen deutschen Geschichtswissenschaft // Jahrbuch für Geschichte.- Berlin, 1983.- Bd.28.- S. 137.
- ⁴ См.: Qexle O.G. Die Geschichtswissenschaft im Zeichen des Historismus // Historische Zeitschrift. - 1984. - Bd. 238. - Н. 1.
- ⁵ Цит.по: Ионин Л.Г. Георг Зиммель - социолог.- М., 1984. - С.41.
- ⁶ См.: Зиммель Г. Проблемы философии истории: Этап по теории познания.-М., 1898. - С. 4.
- ⁷ Simmel G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Eine erkenntnistheoretische Studie. - München; Leipzig, 1922. - S. 66.
- ⁸ Ibid. - S. 10.
- ⁹ Ibid. - S. 11.
- ¹⁰ Ibid.- S. 54.
- ¹¹ Ibid. - S. 5.
- ¹² Ibid. - S. 91.
- ¹³ Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования.-Киев; Харьков, 1898. - С. 117 - 123.
- ¹⁴ Simmel G. Op.cit. - S. 89.
- ¹⁵ Simmel G. Philolophische Kultur. Gesammelte Essays. - Leipzig,

1911. - S. 79.

16 Ibid. - S.84.

17 Simmel G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie... - S. 10.

18 Simmel G. Philosophische Kultur... - S. 86.

19 Simmel G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie... - S. 81.

20 Зиммель Г. Гёте.-М., 1928. - С. 37.

21 Ср.: Зиммель Г. Конфликт современной культуры... - С. 13; Он же. Религия: Социально-психологический этюд.-М., 1909.

22 Зиммель Г. Проблемы философии истории. - М., 1898. - С. 71.

23 Там же. - С. 64.

24 См.: Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. - СПб., 1903. - 615 с.

25 Зиммель Г. Проблемы философии истории... - С. 76.

26 См. об этом также: Ионин Л.Г. Георг Зиммель - социолог... - С. 70.

27 Simmel G. Die Probleme der Geschichtsphilosophie... - S. 37.

28 См. об этом: Ионин Л.Г. Зиммель - социолог... - С. 35.

"ЛЕКСИКОН" РОТТЕКА - БЕЛЬКЕРА КАК ИСТОЧНИК ПО
ИСТОРИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ ГЕРМАНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Ю.М. Мучник

Исследование немецкого историзма XIX в. строится, как правило, на основе изучения следующей историографической панорамы: историческая школа права - школа Л. Ранке - малогерманцы. Между тем это очень важная, но не единственная тенденция в развитии немецкого историзма. В первой половине XIX в. в исторической науке Германии сложилось и развивалось еще одно направление, которое с наибольшим для немецкой историографии основанием можно охарактеризовать как историзм либеральный. Среди крупнейших представителей этого направления - Ф.Х. Шлоссер, К.Ф. Роттек, К.Т. Белькер, Х. Луден.

Труды названных историков в свое время были чрезвычайно популярны, неоднократно переиздавались и неизменно находили множество читателей. Причем Роттеку и Белькеру признание принесли не только собственно исторические их сочинения. Еще в 1823 г. судьба свела этих известных уже тогда ученых и политических деятелей Германии. Первое знакомство вылилось в многолетнюю дружбу, совместную научную и политическую деятельность. Одним из наиболее значимых результатов сотрудничества стал издававшийся с 1834 по 1843 г. "Лексикон". Составленный в форме энциклопедии в 15 - томовый "Государственный словарь", в создании которого помимо Роттека и Белькера приняли участие многие немецкие либерально настроенные ученые, политические деятели и публицисты, содержит 870 статей, посвященных широкому кругу социально-политических и исторических вопросов. После смерти К. Роттека вышло еще два издания "Лексикона" (2-е издание 1845-1848 в 10 томах, 3-е издание 1856-1866 в 14 томах), что является бесспорным свидетельством большой его популярности в те годы.

"Путеводителем по немецкому либерализму" назвал "Лексикон" историк из ГДР К. Оберманн¹. Слова ученого достаточно точно отражают суть и значение этого труда как источника по истории либеральной общественно-политической мысли Германии. "Лексикон" появился в сложный и интересный период немецкой истории: реакция и преследование любых проявлений свободомыслия, с одной стороны, и одновременно - распространение и расцвет оппозиционных либе-

рально-конституционных идей, напряженная борьба за конституционное преобразование страны. В многочисленных статьях "Лексикона" и нашли свое отражение большинство тех проблем, вокруг которых разгорелась борьба между либеральным и правительственным лагерем в предреволюционной Германии. Анализ этих статей может дать исчерпывающее представление о политических взглядах и идеалах видных либеральных ученых Германии, о немецком либерализме как таковом — его источниках, целях и основных направлениях. "Лексикон" не случайно сравнивался в свое время по значению со знаменитой французской энциклопедией Дидро и Д'Аламбера². Труд этот не только помогает понять явление либерализма в общественной и политической жизни Германии, но и проясняет в какой-то степени причины его поражения в будущем, может, наконец, помочь при изучении немецкой истории того периода в целом.

Однако, несмотря на встречающиеся в отдельных работах высокие оценки "Лексикона", в марксистской историографии, как советской, так и немецкой, до сих пор не предпринималось попыток целостного анализа важного и интересного источника³. В настоящей статье мы не имеем возможности и не ставим поэтому цели дать исчерпывающее исследование этого труда. Мы попытаемся лишь охарактеризовать основные его идеи и выводы, дать общее представление о "Лексиконе", как источнике по истории либеральной общественно-политической мысли Германии.

"Лексикон" издавался в условиях жестокой цензуры и постоянных политических преследований, с чем основным авторам его пришлось непосредственно столкнуться в 1832 г., когда была запрещена издаваемая ими газета "Der Freisinnige". Роттек в тот год потерял профессию во Фрейбургском университете, а Велькер был приговорен даже к двум месяцам тюрьмы, замененным затем, правда, денежным штрафом. В "Лексиконе" же Роттек, Велькер и их сотрудники нашли ту своеобразную форму, которая позволила им публично выразить свои взгляды и убеждения в условиях ужесточения политического режима. Впрочем, о целях, которые преследовали создатели словаря, говорит в предисловии к нему сам Роттек. Главная цель "Лексикона", пишет он, "показать сущность конституционной монархии как совершенной формы государственной жизни, или, если угодно, как условия справедливого равновесия между естественным и историческим правом"⁴. На этих двух началах — конституции (в противовес абсолютистскому принципу) и естественном праве (в противовес праву историческому) — и должно основываться, по мнению авторов "Лексикона", идеальное государственное устройство.

Смысл конституционной системы Роттек видит в равновесии трех главных направлений – монархического, аристократического и демократического. Первое направление представлено в государстве определенными правами и обязанностями конституционного монарха. Но встает вопрос, пишет Роттек, как совместить необходимость централизованного управления государством с необходимостью максимальной свободы его граждан. Эту максимальную свободу, отвечает ученый, и одновременно соблюдение интересов аристократических и демократических элементов общества (второе и третье направление) обеспечивает народное представительство⁵.

Безусловно, подобные идеи не представляли собой чего-либо оригинального. Выступая сторонниками разделения властей как основного принципа организации общества, немецкие либералы первой половины XIX столетия лишь следовали по стопам французских мыслителей Просвещения и прежде всего Монтескье. В немецкой же государственной-правовой мысли идеи эти были развиты И. Кантом. Однако для Германии периода издания "Лексикона" они оставались по-прежнему актуальными, активно участвуя в политической борьбе своего времени.

Итак, государственное устройство на основе конституции – основное требование "Лексикона". В основе такой конституционной монархии должно лежать, по мнению его авторов, естественное право. Первый принцип естественного права состоит, по Роттеку, в максимальной свободе всех членов общества. "Под свободой в общем смысле, – пишет Роттек, – понимаем мы возможность самоопределения", то есть независимость от чужой воли и чужой силы⁶. Возможность самоопределения составляет основу внутренней свободы, независимость от чужой воли-свободы внешней. Но для человека естественно стремление к максимальному осуществлению собственной воли и собственных желаний, то есть к возможно большему расширению своей внешней свободы, пишет Роттек. Лишь моральные законы ставят пределы этому стремлению, но они не способны, конечно, регулировать взаимоотношения людей друг с другом. Стало быть, чтобы слова "я свободен" не противоречили словам "и все другие свободны" необходимо определенное ограничение свободы. И Роттек четко проводит различие между разумной политической свободой (основа которой – разделение властей) и "неограниченной демократией", когда политическая свобода в виде власти всех легко подавляет преимущественные права и привилегии одного, а опыление этой свободой ведет к тирании, абсолютизму узурпатора и "дикому деспотизму"⁷.

Второй принцип естественного права состоит, по Роттеку, в максимальном равенстве всех членов общества. Под требованием равенства авторы "Лексикона" имеют в виду, однако, лишь определенное равенство в политическом отношении. Якобинские же идеи равносильны, считает Велькер, уничтожению всякого частного и общественного права, а потому мысль о всеобщем материальном равенстве можно рассматривать в лучшем случае как простую иллюзию⁸.

Характерно, что формулируя требования свободы и конституции для Германии, авторы "Лексикона" постоянно стремятся обосновать эти требования исторически. Все их исторические изыскания и направлены собственно на то, чтобы доказать, что "... всею немецкому чужд такой монархический принцип, который ведет к уничтожению народных прав...", и что "деспотические принципы чужды немецкой культуре..."⁹. "Естественное состояние нашего народа - свобода", - утверждает Велькер. Именно германцы, подчеркивает он, были носителями новой идеи - христианства, носителями новой жизни в период развала Римской империи. Эта новая жизнь, новая европейская культура, христианская свободная монархия рождались со страданиями, вырастали на развалинах старого в великой борьбе. Неудачный период тяжел и страшен, но несмотря на сопутствующие ему людские злодеяния необходим и полезен. А "немецкая глубокая дельная натура" всегда выдерживала тяжелейшие испытания, и, повторяет ученый, "именно она основала культуру нового мира"¹⁰. То есть, в историческом прошлом Германии авторы "Лексикона" видят много славных страниц, много достойного подражания. Несклонные, в целом, к идеализации средневековья, они нередко преувеличивают степень господствовавших тогда свобод в противовес настоящему их страны. Но чего невозможно найти в "Лексиконе", так это идеализации современной его авторам Германии. Ничто здесь не может смягчить резкости оценок существующего общественно-политического строя и требований его преобразования. Одна из главных проблем, которые обсуждаются на страницах "Лексикона", - какими путями должны осуществиться эти преобразования.

Очень важна в связи с этим оценка, которая дается в словаре Французской революции 1789 г. В целом, большое позитивное значение ее для авторов "Лексикона" несомненно. "Несмотря на все недостатки сегодняшней Франции, - пишет один из них, В.Кольберн, - неоспоримо то благодатное воздействие, которое имеют несовершенные еще конституционные свободы на молодежь, на воспитание, на силу и благосостояние нации. И сегодняшнее положение Франции несравнимо с положением стоящих перед революцией феодальных и кор-

румпированных режимов...¹¹, Однако, высоко оценивая результаты Французской революции, авторы "Лексикона" традиционно для либеральной общественно-политической мысли Германии четко различают её этапы. Восхищаясь первым этапом революции, они резко осуждают якобинский период, как период "смерти и ужаса", "страшной диктатуры"¹².

Отношение авторов словаря к революции как способу государственного переустройства неоднозначно. Не раз говорится в "Лексиконе" о всевозможных ужасных последствиях, к которым может привести революционный путь. И все же то, что произошло во Франции в период якобинской диктатуры, нельзя, по мнению Роттека, рассматривать как всеобщий закон. Как в древнее, так и в новое время, подчеркивает историк, есть примеры революций, которые избежали страшного поворота и достигли целей, преследовавшихся умеренными и справедливыми зачинателями этих движений!¹³.

Но в целом, однако, "Лексикон" склоняется к реформистскому пути государственного переустройства. Даже Роттек в противоречии с только что приведенными положениями писал в 1829 г.: "Свобода и право - основной лозунг сегодняшнего дня. Не революционным, но законным путем должны войти они в гражданскую жизнь и достигнуть ней господства... - ибо было бы противоречием достигать права путем бесправия ..."¹⁴. Ещё более решительно отвергается революционный путь в третьем издании "Лексикона". Характерна в этом смысле статья "Революция". В 1842 г. анонимный автор статьи много писал об огромном значении Французской революции, о бессмысленности антиреволюционной бразеологии, о частой бесполезности реформ¹⁵. В третьем издании тон статьи того же автора и под тем же заголовком резко меняется. "Каждый друг отечества, - пишет он, - должен бояться революции как самого великого зла, с которым только может встретиться нация..."¹⁶.

Взрыв революционного движения с необходимостью выносит на поверхность тех, кто в период нормального хода государственной машины находится в тени, говорится в статье "Реакция" третьего издания "Лексикона". "Освободившаяся от цепей толпа, неизбежно порождает сцены ужаса и жестокости, а тщеславие, эгоизм и мстительность скрываются под маской любви к Родине". Следствием такого состояния, по мнению автора, является реакция¹⁷. В аналогичной статье первого издания он, однако, делал упор на обратной закономерности: реакция - революция¹⁸.

Надлежащим же средством, предохраняющим страну от революции

являются, по мнению другого автора "Лексикона" Ф.Мурхарда, реформы (статья "Реформы" осталась в третьем издании без изменений)¹⁹. Однако и реформистский путь, признается в статье, может иметь свои недостатки. Наиболее распространенные из них, характерные в первую очередь для Германии – медлительность и половинчатость реформ²⁰. Но альтернативой решительным реформам, постоянно подчеркивается в словаре, могут быть лишь революция и реакция. А поскольку положение дел в Германии самим Велькером определялось как реакционное и кризисное²¹, то, стало быть, вполне реальной ощущалась авторами "Лексикона" и опасность революции. Вывести отечество из состояния реакции и кризиса, с одной стороны, и предотвратить революцию с другой, – эту цель ставят они перед своими единомышленниками.

Как писал немецкий историк А.Валь, при несомненном влиянии идей Французской революции на взгляды К.Роттека, очень многое из богатства 1789 г. было выброшено им за борт²². Думается, замечание это можно отнести и к "Лексикону" в целом. Умеренность и нерешительность авторов словаря были обусловлены, однако, особенностями политического, экономического и духовного развития Германии, особенностями либерализма как общественно-политической мысли в целом. Но в первой половине XIX в. либерализм этот был единственной силой, противостоявшей реакционному правительственному режиму, а работы немецких либеральных ученых сохраняли и развивали некоторые идеи Просвещения и Великой Французской революции. Поэтому при очевидной неспособности решать коренные проблемы своего отечества, он носил относительно прогрессивный характер. Более подробный анализ "Лексикона", дополненный изучением собственно исторических трудов Роттека, Велькера, Шлоссера и др. может стать источником и для исследования немецкой либеральной общественно-политической мысли в целом, и для понимания явления либерализма в Германии как такового.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Obermann K. Deutschland. 1815-1849.- Berlin, 1961.- S. 118.

² Wild K. Karl Theodor Welcker - ein Vorkämpfer des älteren Liberalismus.- Heidelberg, 1913.- S. 160.

³ Не имея возможности дать подробный анализ западногерманской историографии, отметим здесь только, что интерес к Роттеку и Велькеру вообще, а к "Лексикону" в особенности сохраняется в ней на

протяжении уже многих лет. Появление монографии R.Schüttle. Politische Freiheit für die deutsche Nation. Carl Theodor Welckers politische Theorie. - Baden - Baden, 1985. - 106 S. - НОВОЕ ТОМУ СВИДЕТЕЛЬСТВО.

- 4 Staats-Lexikon. - 2 Aufl. - Bd.I. - Altona, 1845. - S. XVII.
- 5 Rotteck C.V. Staatsrecht der constitutioneller Monarchie. - 2 Aufl. - Leipzig, 1838. - S. 151-155.
- 6 Staats - Lexikon. - 2 Aufl. - Bd. V. - Altona, 1847.- S. 179.
- 7 Ibid. - S. 186-187.
- 8 Staats-Lexikon. - 1 Aufl. - Bd.V. - Altona, 1837. - S. 237.
- 9 Staats-Lexikon. - 2 Aufl. - Bd.III. - Altona, 1846. - S. 787; 804-805.
- 10 Staats-Lexikon. - 1 Aufl. - Bd.X. - Altona, 1840. - S. 618.
- 11 Staats-Lexikon.- 2 Aufl. - Bd.V. - Altona, 1847. - S. 156.
- 12 Ibid. - S. 113-114.
- 13 Staats-Lexikon. - 1 Aufl. - Bd. II. - Altona, 1835. - S. 382-388.
- 14 Rotteck C.V. Lehrbuch des Vernunftrechts und der Staatswissenschaftens.-Bd.I. * Stuttgart, 1829. - S. XIV-XV.
- 15 Staats-Lexikon. - 1.Aufl. - Bd. XIII.- Altona, 1842. - S. 735-736.
- 16 Staats-Lexikon. - 3. Aufl. - Bd.XII. - Leipzig, 1865. - S. 553.
- 17 Ibid. - S. 271-272.
- 18 Staats-Lexikon. - 1.Aufl. - Bd.XIII. - Altona, 1842. - S.423-467.
- 19 Ibid. - S. 595.
- 20 Ibid. - S. 610.
- 21 Staats-Lexikon. - 2 Aufl. - Bd.I. - Altona, 1845. - S.XXIV-XXV.
- 22 Wahl A. Beiträge zur deutschen Parteigeschichte im 19. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. - 1910. - Bd. 104. - S. 578.

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР О СООТНОШЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ

А.П.Рамазанов

Фридрих Шиллер (1759 – 1805) – выдающийся поэт, драматург, историк, философ. Разносторонний его талант обогатил философию, историческую науку Германии конца XVIII в., немецкую и мировую литературу. С 1787 по 1793 г. творчество Ф.Шиллера было связано с профессиональными занятиями историей, которой была посвящена и подавляющая часть работ, и педагогическая деятельность в качестве профессора Йенского университета.

Ф.Шиллеру принадлежит рассмотрение в теоретико-методологическом плане проблемы соотношения научного и художественного познания и практическая реализация его теоретических установок в исторических сочинениях и исторических драмах. В этом, пожалуй, главная причина неослабевающего внимания исследователей к его творчеству. Интерес к наследию немецкого мыслителя особенно обострился в середине нашего века в связи со стремлением буржуазной науки обосновать, используя его труды, специфику исторического познания как иррационального по своей природе. В работах, прежде всего, немецких и австрийских буржуазных историков Шиллер – историк противопоставляется Шиллеру – поэту, автору исторических драм¹.

В марксистской историографии историческое наследие Шиллера до настоящего времени исследовано недостаточно полно². Имеющиеся в советской литературе серьезные работы, посвященные анализу эстетических воззрений Шиллера, фактически не выходят за рамки решения узкоспециальных проблем³. Учитывая малоизученность темы и ее значимость для осмысления кардинальных методологических вопросов исторической науки, представляется важным в первую очередь исследовать взаимосвязь и взаимообусловленность эстетических и исторических взглядов Шиллера на соотношение исторического и художественного познания.

Занимаясь научным и художественным творчеством и сознавая близость истории и литературы, Шиллер вместе с тем ясно видел их различие. В предисловии к "Истории отпадения Соединенных Нидерландов от испанского владычества" он подчеркивает, что "история может быть написана исторически верно без испытания терпения читателя, история должна кое-что брать от родственного искусства без необходимости стать в силу этого романом"⁴. Позд-

нее, став в 1789 г. профессором Иенского университета, во вступительной лекции "Е чем состоит смысл мировой истории и какова цель этого изучения?", Шиллер требует тесного союза между наукой и искусством, и на протяжении всего творчества он рассматривает соотношение между ними в связи с их функциональным назначением, особо выделяя воспитательную функцию истории и искусства⁵.

Шиллера, занимавшегося, с одной стороны, поэзией и драматургией, с другой, - историей как наукой, в эстетике привлекает проблема соотношения научного и художественного познания. Природа познания занимает его как в теоретическом, так и в чисто практическом плане: в его конкретной научной работе и художественном творчестве. Значительными представляются его мысли об общем и специфическом как науки (в особенности истории), так и искусства. Он стремился к познанию человека в социальном контексте, понимая общее в истории и искусстве, исходя из близости их предмета. В исторических сочинениях и исторических драмах для него исключительную ценность представляют личности, ярко осветившие силой своего характера историю той или другой страны.

В годы занятий историей Шиллер ставит вопрос соотношения исторической и философской правды или правды искусства, отмечая, что последняя также обладает определенной ценностью. Он пишет: "Бнутреннее соответствие, или правда, чувствуется и признается без того, чтобы событие на самом деле должно было случиться. Польза этого очевидна"⁶. За философской правдой Шиллер видит преимущества обобщения, типичности в изображении по отношению к чисто эмпирическому описанию. Сравнивая историка и поэта, он утверждает, что первый "... лишен свободы, позволяющей художнику двигаться с легкостью и грацией"⁷.

Еще более отчетливо эти мысли получают развитие в его эстетических работах, где постепенно все сильнее подчеркивается различие истории и искусства. Так, в статье "О трагическом искусстве"(1792) Шиллер противопоставляет трагедию как поэтическое изображение историческому изображению и отмечает: "Она была бы историческим произведением, если бы преследовала историческую цель, если бы она имела в виду сообщение того, что произошло в прошедшем и как оно произошло. В этом случае ей пришлось бы строго держаться исторической истины... Но цель трагедии - поэтическая: она представляет действие для того, чтобы взволновать и волнением доставить наслаждение"⁸. С точки зрения Шиллера, трагедия не только не может - она обязана "подчинить историческую истину законам поэтического искус-

ства и обрабатывать материал сообразно своим нуждам" ⁹.

В этой связи он рассматривает вопрос о функциональном назначении как истории, так и искусства. Определяющим для него является воспитательная функция истории. Еще большую роль приобретает эта функция в драматургии и искусстве в целом. В статье "О патетическом" (1793) Шиллер восклицает: "... В сколь малой степени поэтическая сила впечатления, производимого на нас нравственными характерами или деяниями, зависит от их исторической реальности!" ¹⁰ Сравнивая поэзию с историей, Шиллер делает акцент на эмоциональное воздействие поэзии на человека: "Поэзия никогда не должна пролагать свой путь через холодную страну воспоминания, делать ученость своей толковательницей... Она должна захватывать сердце потому, что вытекает из сердца, и обращается не к гражданину в человеке, но к человеку в гражданине" ¹¹.

Шиллера особенно интересует соотношение рациональных и иррациональных моментов в процессе познания. С течением времени он все больше склоняется к значению эмоционального восприятия в процессе познания: "Дух переходит от ощущения к мышлению путем среднего настроения, в котором чувственность и разум одновременно деятельны" ¹². Об этом же свидетельствует письмо Шиллера к Гете от 31 января 1794 г., где он определяет себя как "промежуточный тип художника", колеблющегося между рациональным и иррациональным в познании" ¹³.

В статье "О необходимых пределах применения художественных форм" (1795) Шиллер специально рассматривает проблему влияния художественного творчества на процесс познания, выделяя два вида познавательной деятельности: первый связан с научным творчеством, второй - с художественным: "Есть, - пишет Шиллер, - научное познание, покоящееся на ясных понятиях и проверенных принципах, и есть познание популярное, основанное только на более или менее развитых чувствах. И часто то, что способствует последнему, может препятствовать первому" ¹⁴. По мнению Шиллера, необходимо установить специфику отношения формы к содержанию в зависимости от решаемых задач при воспроизведении познаваемого объекта.

Он рассматривает три формы воспроизведения содержания, проводя сравнение между научной, популярной и художественной речью: "все они по отношению к содержанию, совершенно верно передают мысль и таким образом все сообщают нам знание, однако вид и степень этого знания явно различны во всех трех случаях. Писатель-художник представляет нам предмет, о котором идет речь, скорее как возможный или желательный, чем как действительный, или необходимый..."

Писатель-популяризатор внушает нам веру, что дело действительно обстоит таким-то образом, но не больше, ибо истина его положений опутима, но не абсолютно достоверна для нас. Писатель-философ возвышает эту веру до степени убеждения; ибо, исходя из несомненных оснований, он доказывает, что так оно неизбежно должно быть" ¹⁵.

В то же время, знакомясь с современной ему исторической литературой, Шиллер высоко оценивает творчество историка, способного ярко, с помощью воображения, описывать исторические факты. Он подчеркивает: "Историк, подобно поэту и живописцу на исторические сюжеты, должен подходить к своему произведению генетически и драматически, он должен умело вовлекать в игру творческое воображение читателей и, соблюдая строжайшую истину, дарить ему наслаждения, доступные, казалось бы лишь свободной поэзии" ¹⁶. С другой стороны, он подчеркивает наличие рационального начала в художественном творчестве, заявляя, что "нельзя взволновать сердце без участия разума" ¹⁷.

Теоретические взгляды Шиллера получили свое воплощение и конкретизацию в его исторической драматургии, в особенности в трилогии "Валленштейн", вобравшей в себя его и как поэта и как историка. Опыт историка, бесспорно, сказался на формулировке задачи трилогии. "Я надеюсь, - писал Шиллер, - следуя по чисто реалистическому пути, создать характер драматически сильный и заключающий в себе подлинно жизненный принцип... В Валленштейне я хочу за отсутствующий идеал (сентиментальный) вознаградить голой правдой" ¹⁸. Другими словами, "Валленштейн" был задуман как произведение реалистическое, стремящееся к объективному отражению жизни. Для этого Шиллер при создании "Валленштейна" расширил источниковую базу, используя обстановку того времени и, в особенности, мемуарную литературу ¹⁹. Ему становится необходимо "углубленное безрадостное изучение источников...", ибо, замечает поэт, "в исторических источниках я сознательно ищу ограничения, чтобы строго определить мои мысли окружающими обстоятельствами и затем воплотить их" ²⁰. Опираясь на исторические факты, изучая источники, Шиллер стремился создать индивидуализированный и вместе с тем типический образ. И он воспользовался правом художника домысливать характер реального исторического лица.

Шиллер показывает в своей трилогии последние дни жизни Валленштейна (февраль 1634 г.) и трагический конец главного героя как следствие его предшествующих действий, выбирая соответствующую

щую форму составных частей трилогии от комедии ("Лагерь Валленштейна"), к драме ("Пикколомини") и, наконец, к трагедии ("Смерть Валленштейна"). При этом поэт подчеркивает, что судьба Валленштейна неразрывно связана с армией, благодаря поддержке которой он достиг вершины власти и могущества. Этим Шиллер мотивирует необходимость первой части своей трилогии - "Лагерь Валленштейна", где изображена армия, дана картина разорения Германии в эпоху Тридцатилетней войны, показаны представители различных социальных слоев и национальностей, составлявших армию полководца. Эта часть трилогии - фон, на котором разворачивается история гибели Валленштейна. Ярко показывается то легендарное поклонение, которым пользовался у своего войска Валленштейн²¹. Такое реалистическое изображение армии явилось шагом по пути более глубокого понимания роли масс в истории, - в этом, безусловно, большой творческий успех Шиллера.

Наряду с этим, Шиллер стремится постичь противоречивость характера Валленштейна: победоносный полководец, любимец армии, мечтающий стать "князем мира" во вновь объединенной немецкой империи, в то же время сам стремящийся к миру, человек большого ума, но верящий астрологу Сени и т.п.

Грандиозная картина большого исторического события, созданная Шиллером в его трилогии, явилась ярким художественным воспроизведением прошлого. При этом Шиллеру, на творчество которого влияли события современности, не изменяет исторический такт и соответствие исторической правде.

Посредством драматургии, театральных постановок и непосредственного сопереживания зрителей Шиллер старался усилить воспитательную функцию истории, ставшей исторической драмой, направить ее на совершенствование гармонической личности. Эту задачу он стремился реализовать на основе двух компонентов познания: научного и эмоционального (интуитивного), присущего ему как талантливому поэту. Эти компоненты могли превалировать друг над другом, когда Шиллер ставил перед собой ту или иную цель, но всегда они взаимодополнялись. В письме к Гете от 19 января 1798 г., написанном во время работы над "Валленштейном", Шиллер указывал, что только "полная активность свободных мыслительных сил вместе с чистейшей и широчайшей активностью чувственной восприимчивости ведут к научному познанию"²².

Создавая исторические труды, а позднее исторические драмы, Шиллер был захвачен материалом как историк и как поэт. Исторический материал диктовал свои собственные закономерности изложения

и позволил достичь новых вершин его поэтическому таланту. Шиллер воплотил в себе диалектическую взаимосвязь и единство историка, философа и художника. Его познание как научное, историческое, так и художественное было направлено на изучение человека и исторической эпохи в их взаимосвязи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Buchwald R. Das Vermächtnis der deutscher Klassiker.- Wiesbaden, 1946.- S. 123-152; Srbik v. H. Geist und Geschichte vom deutsche Humanismus bis zur Gegenwart.- München; Salzburg, 1950.- S. 152-157; Mann G. Geschichte und Geschichten.- Frankfurt am Main, 1961.- S. 63-84; Meinecke F. Schiller und der Individualitätsgedanke // Werke.- Bd. 4.- Stuttgart, 1959.- S. 285-322; Fricke G. Studien und Interpretationen.- Frankfurt am Main, 1956.- S. 95-118; Schieder Th. Begegnungen mit der Geschichte.- Göttingen, 1962.- S. 56-79; Wiese v. B. Schiller als Geschichtsphilosoph und Geschichtsschreiber // Von Lessing bis Grabbe. Studien zur deutsche Klassik und Romantik.- Düsseldorf, 1968.- S. 41-57.

² Тулыга А. Р. Исторические взгляды немецких просветителей XVIII в. // Новая и новейшая история.- 1963.- №3.- С. 116-117; Он же. Социологические и исторические взгляды немецких просветителей // Историко-география нового времени стран Европы и Америки.- М., 1967.- С. 70-71; Он же. Немецкая классическая философия.- М., 1966.- С. 114-115; Тер-Акопян Н. Шиллер как историк // Шиллер Ф. Собр. соч. Т. 5.- М., 1957.- С. 531-551; Engelberg E. Friedrich Schiller als Historiker // In Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft.- Bd. 1.- Berlin, 1963.- auch 1969; - S. 11-31.

³ Наиболее полно эстетические взгляды Шиллера раскрыты в работах: Ломус В. Ф. Вопросы теории и истории эстетики.- М., 1968.- С. 141-201; Овсянников М. Ф. История эстетической мысли.- М., 1978.- С. 208-226.

⁴ Цит. по: Engelberg E. Op. cit., S. 21.

⁵ См.: Шиллер Ф. Собр. соч.- Т. 4.- М., 1956.- С. 21.

⁶ Шиллер Ф. Указ. соч.- Т. 7.- С. 189.

⁷ Там же.

⁸ Там же. - Т. 6.- С. 60.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.- С.- 219.

- 11 Там же.- С. 220.
- 12 Там же.- С. 318.
- 13 См.:Шиллер Ф. Указ.соч.- Т.7.-С.309.
- 14 Шиллер Ф. Указ.соч.- Т.6.- С.-361.
- 15 Там же.- С.366-367.
- 16 Шиллер Ф. Указ.соч.- Т.7.- С.339.
- 17 Там же.- Т.6.- С.458
- 18 Там же.- Т. 7.- С. 391.
- 19 См.:Там же.- С.443.
- 20 Там же.- С.442.
- 21 Шиллер Ф. Валленштейн. М., 1980.- С.17, 30,32.
- 22 Шиллер Ф. Собр.соч.-Т.7.-С.493.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А.Ф.Аноп	Обсуждение в Великобритании вопросов ближневосточной политики в связи с заключением Севрского договора в 1920 г.....	3
Н.А.Баранцева	Попытки США и Франции урегулировать вопрос о французском военном долге в 1922-1926 гг.	12
Е.Ю.Лицарева	Подготовка и обсуждение в американском конгрессе моратория президента Гувера на межправительственные долги и репарации (июнь-декабрь 1931 г.).....	24
С.А.Короткова	Борьба миролюбивых сил США против введения всеобщей воинской повинности и обязательного военного обучения (1946-1948 гг.).....	39
Л.Н.Смолякова	Дипломатия США в связи с подготовкой межамериканской конференции в Боготе в 1948 г.....	51
И.Н.Лавренко	Япония в планах США в 1948-1949 гг.....	61
М.Я.Пелипасъ	Политика США по укреплению позиций американского империализма в восточном Средиземноморье и вовлечению Греции и Турции в НАТО (1949-1952 гг.).....	68
Н.Ю.Семенова	Вопрос о военной помощи США Франции в американо-французских отношениях в 1949 г.....	88
Е.М.Богданов	Американское "посредничество" в англо-иранском "нефтяном конфликте" в 1951 г.....	95
Я.Г.Дюканов	Экспансионистская политика США в Юго-Восточной Азии и образование Тихоокеанского пакта /АНЗЮС/ (1950-1951 гг.).....	104
Т.А.Закаурцева	Некоторые тенденции в развитии дипломатического ведомства США в 1900-1914 гг.....	116
Л.С.Решетникова	Американские историки радикального направления о политике США на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны.....	128
С.П.Цыганкова	Обзор американской исторической литературы по экономическим аспектам дальневосточной политики США в 30-е гг.....	132

Н.С.Москвитина	Социально-критическое течение в буржуазной историографии ФРГ: проблема эволюции.....	136
Н.С.Кречетова	Категория "понимания" в современной западногерманской историографии.....	147
О.В.Синицын	К вопросу о тенденциях и направлениях теории истории в современной буржуазной историографии.....	154
Г.А.Синельникова	Современная английская и американская историография творчества Томаса Карлейля	162
А.В.Якуб	Ф.М.Стентон о нормандском завоевании Англии.....	170
Л.И.Крашкина	О теоретико-методологических взглядах Ф.Ф.Зелинского.....	177
Л.А.Кулыга	Георг Зиммель о природе исторического познания.....	185
Ю.М.Мучник	"Лексикон" Роттека-Валькера как источник по истории либеральной общественно-политической мысли Германии первой половины XIX века.....	193
А.П.Рамазанов	Фридрих Шиллер о соотношении исторического и художественного познания.....	200

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Редактор Т.В.Зелёва

ИБ 1930. Подписано в печати .17.12.87.... КЗ 302264.....
Формат 60x84 1/16. Бумага типографская № 3. Печать офсетная.
Печ. л. 12,25, Усл. печ. л. 11,39. Уч-изд. л. 10,1.
Тираж 300 экз. Заказ ...90....., Цена 1 р. 50 к.

Издательство ТГУ, 634029, г.Томск, ул.Никитина, 4
Ротапринт ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4

1-665015
Tomsk State University
Library
http://lib.tsu.ru

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00615821

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОМСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА